
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1979

ВРУЧЕНИЕ НАГРАДЫ ТОВАРИЩУ Г. А. АЛИЕВУ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 38 (2723)

15 СЕНТЯБРЯ 1979

Здесь, в Колонном зале Дома союзов, работали делегаты конференции.

Фото М. Скурихиной

При вручении награды.

Фото В. Мусаэльяна и В. Егорова (ТАСС)

6 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил в Кремле кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиеву орден Ленина и золотую медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда.

В зале присутствовали товарищи В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. Н. Косыгин, Г. В. Романов, М. А. Суслов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, М. С. Горбачев, а также помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, А. И. Блатов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе.

При вручении награды выступил тов. Л. И. Брежнев:

— Дорогой Гейдар Алиевич!

Ваша деятельность на посту первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана отмечена высшей наградой Родины: Вам присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением Вам ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Вы награждены, как сказано в Указе Президиума Верховного Совета СССР, «за большую организаторскую и политическую работу по мобилизации коммунистов и всех трудящихся республики на успешное осуществление решений XXV съезда партии по развитию народного хозяйства, повышению эффективности общественного производства, обеспечению ежегодного выполнения и перевыполнения планов и социалистических обязательств по продаже государству всех сельскохозяйственных продуктов».

Уже сама эта формулировка говорит о том, что награда имеет большой и глубокий смысл. Ею отмечены не только лично Ваша, Гейдар Алиевич, энергичная и успешная работа, но и значительные достижения всех коммунистов, всех трудящихся Советского Азербайджана по выполнению важнейших решений партии, по всестороннему развитию своей республики, увеличению богатства и могущества всей нашей Советской Родины.

Поэтому я думаю, что Ваше награждение будет с удовлетворением воспринято всеми трудящимися Азербайджана как признание также и их трудовых заслуг и успехов.

Но творческие усилия широких масс людей, чтобы быть по-настоящему эффективными, нуждаются в умелой организации и правильном руководстве. От руководителей, облеченных доверием партии и народа, зависит многое — и требуется многое.

Они должны уметь ясно и доходчиво довести до людей смысл стоящих перед ними задач и наилучшие пути их решения.

Они должны понимать нужды, чаяния и возможности людей, должны быть способны зажечь их сердца сознанием величия и благородства целей, которые поставили перед собой партия Ленина и советский народ.

Они должны иметь талант организатора, обладать необходимой настойчивостью и последовательностью, четкостью и требовательностью в работе.

Можно с удовлетворением отметить, что Вы, Гейдар Алиевич, за десять лет пребывания во главе ЦК Компартии Азербайджана убедительно проявили необходимые качества коммуниста-руководителя. Вы внесли большой вклад в хорошие и устойчивые результаты, которых добились трудящиеся Азербайджана, и немало делаете для устранения имеющихся недостатков, для решения назревших больших задач.

Отсюда и награда. Заслуженная награда, Гейдар Алиевич. Вручая ее, я от имени всех присутствующих здесь товарищей и от себя лично сердечно поздравляю Вас и желаю отличного здоровья и новых успехов в Вашей очень нужной для партии и страны работе.

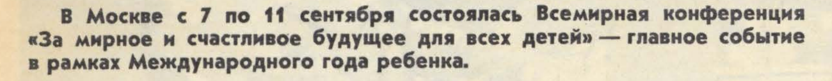
Тов. Г. А. Алиев выступил с ответным словом. Он, в частности, сказал:

— Заверяю ЦК КПСС, Политбюро ЦК, Президиум Верховного Совета СССР, Советское правительство, лично Вас, дорогой Леонид Ильич, что не пожалею сил и энергии, чтобы оправдать оказанное мне доверие своей практической работой, всей своей жизнью. Еще раз большое спасибо.

Собравшиеся в зале тепло поздравили товарища Г. А. Алиева с высокой наградой Родины. Они пожелали ему доброго здоровья, дальнейших успехов в его деятельности на благо Коммунистической партии и советского народа.

РАДИ СЧАСТЬЯ ДЕТЕЙ

В Москве с 7 по 11 сентября состоялась Всемирная конференция «За мирное и счастливое будущее для всех детей» — главное событие в рамках Международного года ребенка.

Б. ЛАБУТИН

«Мама, купи мне мороженое!» — просит ваша дочурка, и вы, конечно же, спешите к киоску. «Мама, я хочу пить!» — просит чернокожий мальчик, и мать горестно качает головой: где ее взять, воды?! Они живут в резервации, куда белые хозяева Намибии заключают ее коренных обитателей. Это бесплодная, бросовая земля. Воду берут из дождевых луж. Часто ли дождь на юге Африки?! В засуху власти привозят по литру воды на человека — недельная норма. А врач приезжает раз в два месяца. Здесь самая высокая детская смертность — триста на тысячу новорожденных.

Нанди Нетумбо из женской секции СВАПО, Народной организации Юго-Западной Африки, рассказывала мне об этом, и слова ее обжигали горечью. 60 процентов черного населения страны упрятано в резервации. Тысячи соотечественников Нанди бежали в соседние государства. Сама она приехала из Замбии.

— Пусть отсюда, из Москвы, все человечество услышит о страданиях наших детей. Им нужно немногое: чтобы у них не отнимали родину, дом, колодец, где можно набрать воды. Меня поймет каждая мать...

Да, мы знаем, что он велик — мир, где в детских глазах застыла боль. Но никогда еще, пожалуй, картина преступлений против юных граждан планеты не была столь обличительной и полной, как на этом форуме, где собрались свыше семисот делегатов со всех континентов.

...У Клодетт Питт четверо: старшему девять, младшему три. Клодетт — член исполкома союза женщин Гренады. Найдите на карте зеленую точку в Карибском море. Там правил диктатор сродни Пиночету, народные демонстрации расстреливались из чилийских винтовок. Половина жителей острова были без работы, не было больниц, школ, доступных для простого люда, 40 процентов населения страдало от недоедания. Шесть месяцев назад на остров пришла свобода.

— Клодетт, что принесло освобождение вашей семье?

— Я так рада: мой старший наконец-то ходит в школу! А младшие получают бесплатно молоко. И медицинская помощь теперь бесплатная. Нам еще очень, очень трудно. Но наша победа, я уверена, лучшее, что сделано для детей Гренады в этот знаменательный год.

...Ахим Кроос, руководитель организации «Юные пионеры» из ФРГ, по профессии преподаватель, только что побывал в одной из московских школ.

— Я завидую вашим детям: они воспитываются в духе гуманизма, дружбы с другими народами,— говорит он.— У нас острая нехватка учителей. Затраты на вооружение растут, а по уровню расходов на образование ФРГ на одном из последних мест в Европе. А качество образования, его содержание? За коммунистические взгляды меня не допустили до работы в школе. Мне больно видеть, как детям прививается невежество, национальная обособленность. Вот почему снова пускает ростки нацизм. Все, о чем говорится здесь, на конференции, не узнают наши школьники, а такой урок многим открыл бы глаза! Не все даже знают, что в их собственной стране миллион семей ночует в приютах. Это цыгане, иностранные рабочие, люди, отчаявшиеся найти работу. И наша организация пытается хоть чем-то им помочь.

«Обвиняют дети». Так называется фильм, показанный на конференции. К человеческому горю нельзя применить какие-либо мерки, горе везде есть горе. Но кадры, снятые в Кампучии и Вьетнаме, леденят кровь. Тут и там почерк один, он «отработан» в Пекине.

Женщину звали Нгуен Ти Хай. Вот она улыбается в кругу своих четырех сыновей, младшему из которых не больше трех лет. Снимок из семейного альбома нашли на полу их дома, когда из Лангшона были выбиты китайские захватчики. А рядом лежали изуродованные трупы Нгуен Ти Хай и ее малышей. У них вспороты животы и отрезаны головы.

— Чем объяснить такую жестокость? Плодами «культурной революции»?! — горестно восклицает Ле Хыу Нгок, член вьетнамского Национального комитета по проведению Года ребенка.— В провинциях, пострадавших от китайской агрессии, разрушены 735 из 904 школ — большинство разбиты до последнего кирпича. Тем не менее 5 сентября все ученики снова сели за парты. Как ни трудно Вьетнаму, дети — наша первая забота.

Нгок протягивает мне фотографию, привезенную из Каобанга. В трех уцелевших стенах школы идет занятие. Дети смотрят в объектив — с надеждой, что их урок не прервут выстрелы... А на границах Вьетнама опять неспокойно. Туда стянуто полмиллиона китайских солдат.

На разных меридианах дети мечтают о счастье. «...Реальности современного мира таковы, что эту задачу невозможно решить в отрыве от острейших проблем наших дней,— говорилось в приветствии товарища Л. И. Брежнева участникам конференции.— Только в условиях мира возможно полноценное развитие, гармоничное воспитание и образование подрастающего поколения». Где нет мира — нет детства. И поэтому главной мыслью, прозвучавшей с трибуны московского форума, был призыв к укреплению национальной независимости и безопасности народов, к сокращению гонки вооружений.

Девиз конференции объединил представителей различных политических и общественных сил в борьбе за мир на планете, за то, чтобы дети, где бы они ни родились, не знали больше ужасов войны, бесправия, нищеты.

При вручении наград.

Во время встречи.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Э. БЕРЛИНГУЭРОМ

5 сентября в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем Итальянской коммунистической партии Э. Берлингуэром, находившимся в СССР на отдыхе.

Во встрече принял участие член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

Л. И. Брежнев информировал о том, как выполняется десятый пятилетний план, как претворяются в жизнь крупномасштабные проекты, призванные укрепить базовые звенья советской экономики.

Э. Берлингуэр информировал о борьбе итальянских коммунистов за жизненные права и интересы трудящихся масс, за демократию и позитивное решение проблем итальянского общества.

Товарищи Л. И. Брежнев и Э. Берлингуэр выразили убеждения коммунистов Советского Союза и Италии в том, что необходимо наращивать активность и инициативу в деле упрочения разрядки, прекращения гонки вооружений и обеспечения полного уважения независимости всех народов. Народы связывают большие надежды со вступлением в силу Договора ОСВ-2, который является крупным реальным шагом на пути укрепления международной безопасности. Обе партии придают особое значение дальнейшему развитию мирных, разносторонних отношений между государствами с различным общественным строем.

Беседа прошла в атмосфере взаимопонимания и дружбы.

На беседе присутствовал помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

НАГРАДЫ ГЕРОЯМ КОСМОСА

В летопись исследования и освоения космоса вписана новая яркая страница. Советские космонавты В. А. Ляхов и В. В. Рюмин успешно совершили самый продолжительный в истории — 175-суточный полет в космическом пространстве.

7 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил в Кремле героям космоса высокие награды Советского Союза.

В зале присутствовали товарищи В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. Н. Косыгин, К. У. Черненко, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, М. С. Горбачев, а также помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, заведующий Отделом ЦК КПСС И. Д. Сербин, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, заместитель начальника Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина генерал-майор авиации А. А. Леонов.

Тов. Л. И. Брежнев выступил при вручении наград. Он, в частности, сказал:

— Этот полет — не просто рекорд продолжительности и не просто большая научная работа. Это в полном смысле слова героический подвиг — научный и человеческий...

Есть все основания считать, что полугодовой полет товарищей Ляхова и Рюмина стал исторической вехой в грандиозном процессе исследования и освоения космоса земным человечеством. Это внушительный итог того, что сделано за два с лишним десятилетия, и вместе с тем — серьезный рывок в будущее...

Вместе с тем мир получил новое наглядное доказательство того, как велики возможности международного сотрудничества в космических делах. Ведь на борту орбитального комплекса ставили свои эксперименты ученые СССР и Чехословакии, Польши и ГДР, Болгарии и Франции. Как видите, целая международная академия наук в космосе! Остается пожелать, чтобы это мирное сотрудничество во имя прогресса человечества и впредь развивалось и крепло.

Дорогие товарищи Ляхов и Рюмин!

За успешное выполнение программы самого длительного в истории космического полета на борту орбитального научно-исследовательского комплекса «Салют-6» — «Союз» и проявленные при этом мужество и героизм вы удостоены высших наград Родины. Вам присвоены звания Героя Советского Союза с вручением орденов Ленина и медалей «Золотая Звезда». Товарищу Ляхову присвоено также звание «Летчик-космонавт СССР».

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА

10 сентября в Кремле состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК Народно-демократической партии Афганистана, Председателем Революционного совета Демократической Республики Афганистан Н. М. Тараки, находившимся в Москве проездом из Гаваны, где он участвовал в работе VI Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Во встрече принял участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

В ходе состоявшейся беседы были рассмотрены вопросы советско-афганских отношений, а также международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

Л. И. Брежнев и Н. М. Тараки дали высокую оценку неуклонному укреплению отношений тесной дружбы и всестороннего сотрудничества между СССР и ДРА, КПСС и НДПА. Была подчеркнута решимость всемерно развивать в соответствии с Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве советско-афганские отношения во всех областях в интересах народов обеих стран, на благо дела мира и социального прогресса.

С советской стороны была выражена солидарность с афганским народом, ставшим на путь построения нового общества и ведущим решительную борьбу с происками сил империализма и реакции. Л. И. Брежнев заверил Н. М. Тараки в том, что в этой справедливой борьбе дружественный афганский народ может и впредь рассчитывать на всестороннюю и бескорыстную помощь Советского Союза.

В беседе, проходившей в сердечной, товарищеской атмосфере, участвовал также помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров.

Во время встречи.

Фото В. Мусаэльяна и А. Стужина (ТАСС)

С ВИЗИТОМ В ЭФИОПИЮ

Встреча на аэродроме. Телефото В. Будана (ТАСС)

10 сентября в Аддис-Абебу по приглашению Временного военного административного совета и Временного военного правительства Социалистической Эфиопии с официальным дружественным визитом, а также для участия в торжествах по случаю пятой годовщины эфиопской революции прибыл член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

В международном аэропорту Боле, украшенном государственными флагами СССР и Эфиопии, главу Советского правительства тепло приветствовал Председатель Временного военного административного совета и Совета Министров Социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мариам. Среди встречавших находились Генеральный секретарь ВВАС Фыкре-Селассие Богдересс, члены Постоянного комитета ВВАС, министры, а также посол СССР в Эфиопии Б. Е. Кирнасовский.

В аэропорту А. Н. Косыгин выступил с заявлением. Он передал руководству и трудящимся Социалистической Эфиопии большой привет от всех народов Советского Союза, ленинской Коммунистической партии, от Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

С аэродрома А. Н. Косыгин и Менгисту Хайле Мариам в сопровождении почетного эскорта мотоциклистов направились в национальный дворец. На всем пути следования, украшенном государственными флагами СССР и Эфиопии, лозунгами и транспарантами, их горячо приветствовали десятки тысяч жителей эфиопской столицы.

ОРДЕН НА ЗНАМЕНИ ИЖЕВСКА

Во время вручения награды. Телефото А. Стужина и Е. Загуляева (ТАСС)

7 сентября в Ижевске состоялось торжественное заседание городского комитета партии и городского Совета народных депутатов совместно с представителями партийных, общественных организаций, трудовых коллективов, посвященное вручению этому городу ордена Октябрьской Революции.

В празднично украшенном Дворце культуры металлургов собрались члены обкома КПСС и горкома партии, депутаты Верховного Совета автономной республики и городского Совета народных депутатов, передовики производства, деятели науки и культуры, воины Советской Армии.

Участники заседания с воодушевлением избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Тепло встреченный собравшимися, с речью выступил член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов.

— Славную плеяду городов-орденоносцев,— сказал он,— ныне по праву пополнил и ваш город. Награда, которой удостоен Ижевск,— это признание революционных, боевых и трудовых заслуг трудящихся столицы Удмуртии, большого вклада в выполнение исторических решений XXV съезда партии, заданий десятой пятилетки. Награждение Ижевска орденом Октябрьской Революции полно глубокого смысла. С Великой Октябрьской социалистической революцией в судьбе удмуртского народа, как и всех народов нашей страны, связано все самое светлое, радостное, счастливое.

Д. Ф. Устинов огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Ижевска орденом Октябрьской Революции и под бурные аплодисменты собравшихся прикрепил этот орден к знамени города.

На заседании выступили: первый секретарь Ижевского горкома КПСС М. Е. Зыков, слесарь производственного объединения «Ижмаш» Г. Е. Шкелев, генеральный директор объединения «Ижсталь» В. С. Тарасов, директор школы Е. Г. Кручинина, студентка Ижевского механического института Н. В. Сопкина, командующий войсками Краснознаменного Уральского военного округа генерал-полковник Н. К. Сильченко, первый секретарь Удмуртского обкома КПСС В. К. Марисов.

Участники торжественного заседания с большим подъемом приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу Л. И. Брежневу.

НА СЛУЖБЕ МИРА И ПРОГРЕССА

С 3 по 8 сентября в Ташкенте проходил Международный семинар журналистов, организованный Комиссией СССР по делам ЮНЕСКО, Союзами журналистов СССР и Узбекской ССР.

Продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева участникам семинара. Приветствие огласил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов.

Участники семинара торжественно отметили Международный день солидарности журналистов. В обращении ко всем журналистам мира они выразили горячую солидарность со всеми прогрессивными представителями прессы, подвергающимися преследованиям и репрессиям за их самоотверженную борьбу против империализма, неоколониализма, расизма, фашизма.

В заключительном документе, принятом на ташкентской встрече, подчеркивается важная роль средств массовой информации в жизни общества. Главная задача прессы — служить интересам международного сообщества, и прежде всего сохранению мира и безопасности, укреплять взаимопонимание и сотрудничество между народами, бороться против пропаганды войны, гонки вооружений, неоколониализма.

Журналисты, собравшиеся в Ташкенте, выразили твердую поддержку стремлению развивающихся стран добиться перестройки международных отношений в области информации.

Единодушно участники семинара приняли приветственное послание Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу. В нем выражается искренняя признательность за предоставленную возможность провести этот чрезвычайно полезный форум, за высокую оценку роли журналистов в жизни человечества, в утверждении идеалов мира, справедливости и прогресса.

Во время открытия семинара. На трибуне кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов.

Телефото ТАСС

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Викентий МАТВЕЕВ

ГАВАНСКИЙ ФОРУМ

Когда в Белграде в 1961 году была созвана первая конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран, на ней присутствовали представители 25 стран. В только что закончившейся VI конференции этого движения в Гаване участвовало рекордное число делегаций, представлявших более ста стран и организаций.

Рост не только количественный, но и качественный. В ряды этого движения вливаются новые страны, чьи народы сбросили иго ненавистных тираний, приступили к строительству новой жизни. Нет диктатора Сомосы в Никарагуа. Нет шахского режима в Иране. Знаменательные перемены происходят в бассейне Карибского моря, еще не так давно считавшегося наследниками Теодора Рузвельта в США чуть ли не «американским озером». Вьетнамский народ, народы Лаоса и Кампучии утверждают свой суверенитет, поднимают национальную экономику вопреки проискам внешних империалистических, гегемонистских сил, запевалой которых стали пекинские лидеры. В сердце Африки Эфиопия отмечает сейчас пятую годовщину свержения монархического строя. Разгорается пламя освободительной борьбы на юге Африки.

Истоки движения неприсоединения уходят к пятидесятым годам с их бурной ломкой колониальных порядков в мире. Неспособные противостоять процессу деколонизации, империалистические круги принялись за сколачивание в различных регионах земного шара военно-политических блоков и группировок, предназначенных держать молодые независимые государства в Азии и Африке в орбите западной политики. В тех условиях для правительств таких стран объявить о своем «неприсоединении» к блокам значило сразу же навлечь на себя гнев официального Вашингтона и его партнеров по империалистическим блокам: НАТО, СЕНТО, СЕАТО, АНЗЮС и другим.

Таким образом, с самого начала возникновения этого движения оно в силу существующих объективных условий приняло антиимпериалистический характер. Два десятилетия — срок для истории не очень значительный, но за это время движение неприсоединения выросло в серьезную политическую силу на международной арене, с которой уже не могут не считаться и самые крупные капиталистические страны Запада. Естественно, теперь они, кое-чему наученные опытом, направляют свои усилия не столько по линии прямого втягивания стран Азии, Африки и Латинской Америки в орбиты своих военно-политических и других группировок, сколько прибегают к иным, более замаскированным средствам удержания этих стран на нужных силам империализма, неоколониализма позициях.

Об этом наглядно свидетельствуют многие факты последнего времени. В период подготовки Гаванского форума империалистическая пропаганда развернула лихорадочную активность в попытках дезинформации общественного мнения и одновременно нажима на неприсоединившиеся страны. Дело изображалось таким образом, будто над этим движением нависла «угроза»: оно, дескать, может изменить свой характер и служить «целям Москвы»... Речь шла о перепевах все той же затасканной империалистической кампании о «руке Москвы», на которой столь бесславно специализировался в начале 20-х годов лорд Керзон со своими «ультиматумами», направлявшимися Стране Советов с требованиями не поддерживать освободительное движение в Индии и других британских колониях.

В наши дни и самые ревностные ученики Керзона понимают бессмысленность подобных «ультиматумов». Стремясь добиться своего, они мобилизуют находящийся в их распоряжении громадный пропагандистский аппарат. Какие только инсинуации, измышления, выдумки не фабриковались в котлах этой кухни в стремлении сорвать Гаванскую встречу! Когда же это не удалось, то явные и скрытые недруги неприсоединившихся стран еще более рьяно засуетились уже в ходе самой Гаванской конференции. Не случайно именно в дни ее работы в Вашингтоне была поднята вновь враждебная кампания против Кубы, вытащена на свет дутая версия о появлении якобы на Кубе «советских боевых частей». Авторы такой фальшивки хотели бы убить не одного, а нескольких зайцев: попытаться подорвать престиж Кубы как одного из наиболее активных и авторитетных государств — участников движения неприсоединения, а также использовать эту шумиху в целях осложнения процесса ратификации в сенате США договора об ограничении стратегических наступательных вооружений между СССР и США. Инициаторы этой кампании должны отдавать отчет в том, какую ответственность они берут на себя.

Итоги Гаванского форума вызывают удовлетворение у всех, кто дорожит устоями мира, кто болеет за дело национальной свободы и независимости. На этой конференции, как отметил в своем выступлении Фидель Кастро, дух солидарности проявился ярче, чем когда-либо. Пессимистические карканья врагов движения неприсоединения не сбылись: несмотря на разнородность участвовавших в этом форуме государств, они сумели преодолеть трудности и прийти почти к полному единогласию по самым животрепещущим, актуальным вопросам повестки дня.

Ключевые вопросы современной международной обстановки, борьбы за упрочение мира и углубление процесса разрядки, борьбы против империализма, колониализма и неоколониализма, расизма, апартеида лежат в основе принятой на конференции политической декларации. В экономической декларации фиксируется, что главным препятствием для хозяйственного становления молодых государств является империализм. В документе подтверждается необходимость скорейшего утверждения в мире нового экономического порядка, основанного на отношениях справедливости.

Гаванский форум стал, таким образом, знаменательной вехой в упрочении рядов движения неприсоединения. Конечно, империализм и его пособники и впредь не откажутся от попыток столкнуть это движение с избранного им магистрального пути. Однако теперь у авторов таких диверсий еще меньше шансов, чем когда-либо раньше. Это отражает неумолимую поступь нашей эпохи — ее движение вперед и только вперед!

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

ВЛАДИВОСТОК

1

ГДЕ РОЖДАЮТСЯ МУССОНЫ?

В бухту Золотой Рог после плавания в Индийском океане вернулись корабли погоды. Группа судов Дальневосточного ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательского гидрометеорологического института принимала участие в летнем варианте уникального международного эксперимента по программе исследования глобальных атмосферных процессов (ПИГАП).

Полигоном стали все океаны и континенты. Продолжительность эксперимента — год. Десятки специальных кораблей погоды под разными флагами несут научную вахту в океанах и морях. Из космоса шлют сигналы специально запущенные гидрометеорологические искусственные спутники Земли. Самолеты-лаборатории, аэростаты, радиологические зонды, дрейфующие буи, сотни других приспособлений и устройств ведут сбор информации, исследуя глобальные атмосферные процессы.

Начальник экспедиции, известный синоптик, начальник отдела мировой погоды Гидрометцентра СССР Борис Степанович Чучкалов рассказывает:

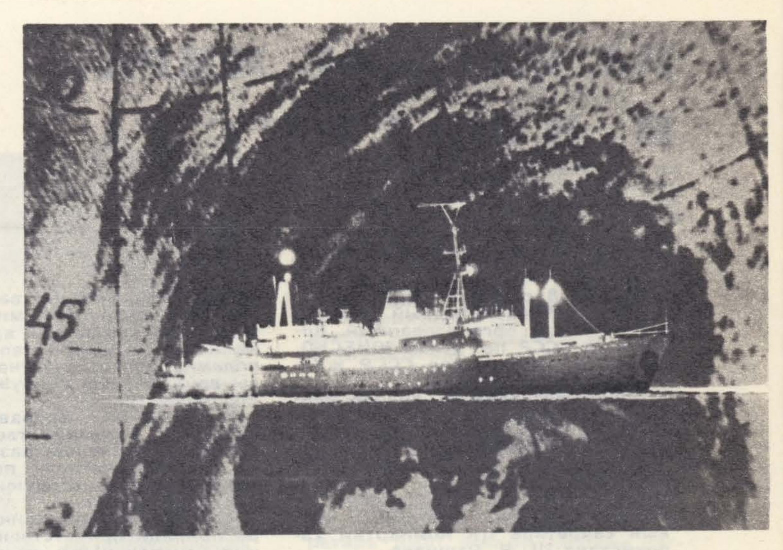
— В исследовании глобальных атмосферных процессов участвовали четыре наших корабля погоды — «Академик Королев», «Академик Ширшов», «Прилив» и «Волна». Полученные ими данные позволяют подойти к формулировке общих принципов. Мы можем говорить о том, что стоим перед закономерностью воздействия солнечной активности на планетарную циркуляцию, прежде всего в тропической зоне. А это должно принципиально изменить наш подход к модулированию и прогнозированию условий погоды...

...Много явлений погоды сегодня являются еще загадками. ПИГАП поможет продвинуться вперед в распознании этих загадок и умении предугадывать. Впереди — новые экспедиции кораблей погоды.

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»

На снимке: вслед за циклоном.

Фото автора

1

2

МОСКВА

2

МОЛОДОСТЬ СТАРОГО УНИВЕРСИТЕТА

Стар или молод Московский университет, начавший 225-й учебный год?

Если посмотреть на юные лица первокурсников, только что переступивших порог храма русской науки, надо признать: молод! И всегда будет молодым...

...Когда в 1755 году в Москве в здании на месте нынешнего Исторического музея открылось университальное учебное и научное заведение, в нем насчитывалось едва ли три десятка профессоров и студентов. С годами университет рос, студентов становилось больше, и вот он уже переехал в здание на Моховой. Это здание сгорело во время пожара 1812 года, но было восстановлено. Почти двести лет университет размещался в центре Москвы, но с увеличением числа факультетов, лабораторий, студентов университету становилось тесно в старых стенах.

В 1948 году началось строительство новых зданий на Ленинских горах, а нынче там уже настоящий университетский городок.

В юбилейном году вступил в строй второй корпус гуманитарных факультетов. В старых зданиях на проспекте Маркса остались лишь факультет журналистики, институт стран Азии и Африки и зоологический музей.

Первого сентября на площади перед главным зданием университета на Ленинских горах состоялся торжественный митинг, посвященный началу учебного года. Первокурсникам был вручен символический ключ знаний. Перед студентами выступили министр высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютин, секретарь парткома МГУ В. Т. Квиткин и другие.

А. СТЫКАЛИН

Фото А. Бородина

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

3

МОСКВА

ЛЕС ЗАБОТУ ЛЮБИТ...

Когда лес рубят, щепкам лететь вовсе не обязательно. Это первый вывод, который я сделал, познакомившись с экспозицией крупнейшей международной выставки «Лесдревмаш-79». Но если щепа все же летит, относиться к ней с пренебрежением не следует: каждую щепочку можно пустить в дело и получить из нее вполне доброкачественное изделие. Это во-вторых. И третье: в лесное хозяйство пришли не только высокопроизводительные машины и механизмы, но и точнейшие электронные приборы, автоматика. Лесная делянка все более соответствует индустриальному понятию «цех».

Комплексный подход к переработке древесины характерен для чехословацких специалистов. Вацлав Били из «Стройимпорта» продемонстрировал станки и оборудование для мебельной промышленности, а специалисты из «Мартимекса» обратили внимание на необходимость бережного отношения к заготовкам древесины.

— Полагаем, что посылать в лес много машин — невыгодное дело, наносящее лесу вред. Поэтому стремимся создавать агрегаты, каждый из которых может выполнить много обязанностей. Сделанная в кооперации со специалистами Советского Союза валочно-трелевочная машина и есть такой в общем-то небольшой, но достаточно мощный лесной комбайн. Он один уходит в лес и привозит оттуда заготовленную древесину.

Эти же тенденции подчеркнул Генрик Стасяк, разговор с которым шел в польском павильоне, на экспозиции «Полимекс-Цекоп». Машины этой польской фирмы позволяют изменить бытующее представление о том, что принято называть отходами.

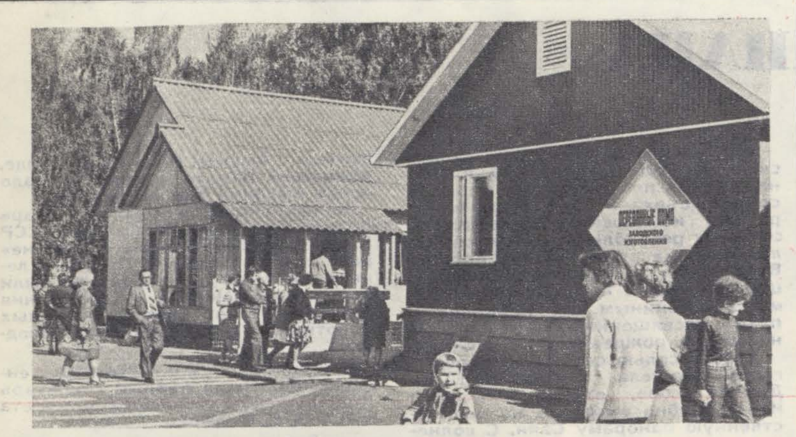
— Сама суть этого понятия неправильна,— убежденно говорил Генрик Стасяк.— Мы поставляем машины и оборудование, которые успешно превращают «отходы» (пожалуйста, возьмите это слово в кавычки) в полноценные изделия.

«Лесдревмаш-79» собрала около 400 фирм, предприятий и организаций из 19 стран. Все экспозиции поучительны, полезны — нет в том сомнения. Отдавая им должное, остается сказать, что самым крупным экспонентом смотра стала наша страна — страна, которая может гордиться своими лесами! На площади в 25 тысяч квадратных метров предприятия и организации Советского Союза показали машины и продукцию самую разнообразную — более полутора тысяч образцов. Около наших стендов я часто встречал специалистов всех стран — участниц выставки. И не приметил скучающе-равнодушных: множество вопросов, большой интерес к проспектам. Думается, что внимание к нашей экспозиции продиктовано ее значимостью и целым рядом неожиданных, смелых решений, которые предлагают советские специалисты для тех, чье место работы — лес.

К. БАРЫКИН

На снимке: сборные дома — популярные экспонаты советского раздела выставки.

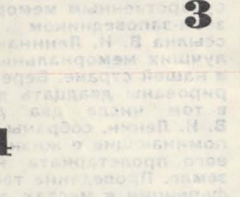
Фото автора

3

4

5

АЗЕРБАЙДЖАН

4

АПЛОДИСМЕНТЫ — МАНАФУ МАМЕДОВУ

— А сейчас, товарищи, — объявил распорядитель вечера, — перед вами выступит оркестр «Джанги» Дома культуры имени Кулиева, Сальянского района. Им руководит заслуженный работник культуры Азербайджанской ССР Манаф Мамедов.

Зал тепло, как старого друга, встречает самодеятельный оркестр. В Сальянах отлично знают балабаниста Манафа Мамедова, главу семейного ансамбля.

...В 1936 году мальчик Манаф впервые выступил перед слушателями. Он играл на своем балабане так хорошо, что его заметили и скоро пригласили выступать в спектаклях рабоче-крестьянского театра Сальянского района. И в годы войны солдат Манаф Мамедов не расставался со своим музыкальным инструментом, играл в часы передышек напевы своего народа, напоминал бойцам о доме, вселял надежду и веру в победу.

Возвратившись после тяжелого ранения на родину, он продолжал заниматься музыкой... Вся большая семья Манафа Мамедова, все его девять сыновей тоже любят музыку.

— Как бы ни были мы заняты, — рассказывает отец, — у каждого работа, учеба, общественные обязанности, — всегда выкраиваем время для музыки. Мой старший сын Мезаир — хороший тарист и кеманчист, он руководит ансамблем сальянского дома культуры «Гянджлик», здесь же на кларнете играет еще один мой сын — Гейдар. Музыка — вторая профессия и Муслюма, шофера. Мы часто всей семьей даем концерты колхозникам и животноводам.

Оркестр народных духовых инструментов «Джанги», организованный Мамедовым, пользуется большой популярностью в районе и вне республики. В коллектив, кроме сыновей Мамедова, вошли отличные музыканты района — Али Магомед Амрахов, Муса Салимов, Агаяр Бабаев и многие другие. Всего — 35 человек. На всех торжествах района и республики призывно и задорно звучат голоса инструментов Манафа и его друзей. В страдную пору уборки хлопка в районе у «Джанги» особенно много работы. На рассвете он напутствует колхозников, выезжающих из сел на поля, заряжая их бодрым, веселым настроением. «Джанги» ездит по полевым станам во время обеденного перерыва и там своим искусством снимает усталость с хлопкороба, вызывая добрую улыбку и горячие аплодисменты. В составе оркестра выступают хлопкоробы, механизаторы, строители, учителя, рабочие...

М. АСЛАНЛЫ

Выступает семья Мамедовых. Фото автора

КАЗАНЬ

НОВАЯ СТАРТОВАЯ СИСТЕМА

В гоночных видах спорта, где спортсмены выступают на уровне, близком к пределу человеческих возможностей, судьбу медалей решают сотые доли секунд, неуловимые простым человеческим глазом. И здесь на финише судьям пришла на помощь современная техника: «фотоглаз» стал точно распределять медали. Естественно, что столь строгому контролю на финише должна соответствовать и организация судейства на старте.

На старте же гребных гонок вдоль умозрительной линии длиной около 100 метров лодки оказываются установленными не совсем точно, и в предстартовый момент их положение зафиксировать не удается.

Поэтому зачастую один экипаж проигрывает другому уже на старте те десятки сантиметров, которые на финише превращаются в проигранные доли секунды.

Как избежать этого?

Изобретение Р. К. Валетдинова «Устройство для выравнивания положения спортивных судов на старте» (авторское свидетельство СССР № 365998) явилось основой для создания надежной стартовой системы. Она включает в себя управляемые с берега стартовые машины. Каждая из них обеспечивает необходимое перемещение лодок вперед или назад, для чего захват оригинальной конструкции стыкует машину с кормой лодки. Сигнал, идущий на захваты одновременно с командой «марш», мгновенно отпускает все лодки, участвующие в заезде. А что, если один или несколько экипажей начнут движение раньше? Тогда сработает узел индикации фальстарта, который зарегистрирует нарушителей и выявит первого из них. При этом на судейском пульте, а если надо, то и на информационном табло для болельщиков загорится гоночный номер виновного экипажа.

Сложная техническая и инженерная проблема решена человеком, который непосредственно не связан с проблемами и трудностями данного вида спорта. Это кандидат технических наук, начальник патентного отдела Казанского химико-технологического института (КХТИ) Рим Кадырович Валетдинов.

Опытный комплект системы прошел строгую проверку на Московском гребном канале и получил одобрение спортсменов, тренеров, судей.

А. ЛОЗОВОЙ,
старший преподаватель
КХТИ имени С. М. Кирова

ПОЛТАВСКАЯ ОБЛАСТЬ

5

БУРЛИТ СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

И вновь, как всегда на стыке лета и осени, все дороги вели в Великие Сорочинцы. Сюда, в этот благословенный край земли полтавской, привольно раскинувшийся над тихим Пслом, отовсюду тянулись груженные доверху «КрАЗы», «Колхиды» и «ЗИЛы» с товаром, нескончаемой вереницей двигались автобусы и легковые автомобили.

И мы поспешим вслед за ними!.. «Боже ты мой, господи, чего только нет на той ярмарке! Колеса, стекло, деготь, табак, кожа, лук, торговцы всякие... Так что хоть бы в кармане было рублей и с тридцать, то и тогда б не закупил всей ярмарки», — так писалось о ней почти полтора века назад.

А что же ярмарка нынешняя? Она по доброй традиции проводится здесь в память о великом земляке, Николае Васильевиче Гоголе, и давно стала большим праздником сельского гостеприимства, народных обычаев, песни, танца и одновременно праздником урожая — тут чествуют передовиков сельского хозяйства, награждают победителей соревнования. Ну и, разумеется, идет здесь бойкая торговля. 840 торговых предприятий республики, не считая колхозов и совхозов, завезли товара более чем на 11 миллионов рублей.

Пройдите по ярмарке, и она увлечет, закружит вас невиданным водоворотом красок, звуков, зрелищ! Каких только чудес не увидите! Вон злой волк в очках, смиренно вяжущий деревянными спицами, вон голярня — эдакий прообраз современной парикмахерской, где дюжие запорожцы правят друг другу экзотические «оселедцы». А рядом призывно манят знаменитые полтавские галушки, тающие во рту миргородские вареники, кременчугская уха, опошнянские гречаники, домашняя колбаса с чесноком...

Трудно отвести глаза от пестрых дорожек, искусно вытканных ткачихами из села Обуховка на старом деревянном ткацком станке, от работы бондаря, рубившего бочку. Мы слушали песни сельского квартета семьи Чирки — матери и трех дочерей, слушали гудение пчел — целый улей привез сюда потомок пасечника Рудого Панька, рассказывавшего когда-то Н. В. Гоголю свои удивительные истории.

...Всю ли мы видели ярмарку? Вряд ли! Слишком она велика, пестра и многолика. Но мы, как, впрочем, и остальные более трехсот тысяч ее участников, прикоснулись сердцем к прекрасным народным обычаям, увидели многообразие жизни этого края. И на будущий год обязательно сюда приедем вновь.

Приезжайте и вы. Не пожалеете!

М. БЕРЕЖНОЙ

На снимке: гоголевские герои Солопий Черевик, его сварливая жена Хивря и прекрасная дочь Парася прибыли на ярмарку.

Фото А. Магденко

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ЛЕНИНИАНА

Участники конференции побывали на Красноярском заводе химического волокна. На снимке: Валентин Катаев беседует с ударницей коммунистического труда В. Николаевой.

Фото Ю. Бармина (ТАСС)

Шушенское. В это старое сибирское село, где Владимир Ильич Ленин провел почти три года царской ссылки, съехались в эти дни литераторы из Москвы, Ленинграда, союзных республик, гости из социалистических стран. Здесь прошла Всесоюзная творческая конференция писателей и критиков на тему «С Лениным, по ленинскому пути», посвященная 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Хлебом-солью встречали дорогих гостей жители Шушенского на Думной горе, откуда Владимир Ильич любил смотреть на величественную панораму Саян. С волнением знакомились писатели с Государственным мемориальным музеем-заповедником «Сибирская ссылка В. И. Ленина». Это один из лучших мемориальных комплексов в нашей стране. Бережно отреставрированы двадцать девять усадеб, в том числе два дома, где жил В. И. Ленин, собраны реликвии, напоминающие о жизни вождя мирового пролетариата на сибирской земле. Проведение творческой конференции в местах, так тесно связанных с именем Ильича, на земле, хранящей память о нем, придало особо высокий тон встрече.

Конференцию открыл секретарь правления Союза писателей СССР В. Озеров. Со «Словом о Ленине» выступил Б. Полевой. Проблеме ленинской темы в литературе были посвящены доклады и сообщения писателей, критиков, партийных работников, передовиков производства.

С приветствием к гостям Шушенского обратился первый секретарь Красноярского краевого комитета КПСС П. С. Федирко.

— Эта встреча,— сказал он,— даст писателям новый заряд энергии, духовно обогатит их, явится стимулом для осуществления творческих планов.

После окончания конференции начались Дни советской литературы в Красноярском крае. Писатели побывают в двенадцати городах края — Норильске, Дудинке, Игарке, Ачинске, Минусинске, Дивногорске, познакомятся со строительством Саяно-Шушенской ГЭС.

КОГДА НЕ ПРОШЕЛ ПО КОНКУРСУ...

Штаб по трудоустройству выпускников средних школ при Куйбышевском райкоме комсомола города Москвы... Пытаюсь представить себе психологическое состояние вчерашнего абитуриента. Последний школьный год он, как считают социологи, живет в атмосфере завышенных ожиданий. Собирается поступать в университет или институт, готовит себя к студенческим будням — и вдруг все срывается... Не поступил. И вот ему предлагают идти, допустим, на завод. Что это, крушение надежд?

Беседую с председателем штаба, первым секретарем Куйбышевского райкома комсомола Валерием Монаховым.

— Подобное состояние,— говорит Монахов,— было характерным для выпускников средних школ пять-шесть лет назад. Сейчас не выдержавшие конкурса уже не воспринимают это драматически. В последнее время многое делается, чтобы ребята реально смотрели на жизнь, могли по-взрослому соотносить себя, свои способности с сегодняшней потребностью общества не только в гуманитариях, инженерах, ученых но и в рабочих, специалистах среднего звена, работниках сферы обслуживания. Штабы трудоустройства при райкомах комсомола играют здесь важную роль. Наш штаб, например, работает круглый год. Во всех выпускных классах еще зимой проводим анкетирование — выясняем, какие у ребят планы. В апреле — мае на всех районных предприятиях — дни открытых дверей для школьников. Это тоже дело штаба. Комсомольские собрания накануне окончания школы. Повестка: «С комсомольской путевкой на производство, в сферу обслуживания». Встречи с родителями. Важно, чтобы не только сами десятиклассники, но и их родители знали о существовании штаба. Все это дает хорошие результаты. Каждый год с его помощью трудоустраивается все больше и больше молодежи.

В штабе по трудоустройству. Фото Г. Розова

И в нынешнем году за два месяца около четырехсот бывших выпускников уже получили здесь путевки на промышленные предприятия Куйбышевского района, в райпищеторг, в сферу обслуживания. Недавно как раз закончились вступительные экзамены в институтах, и для штаба настала горячая пора. Каждый день в тетрадь вписываются новые фамилии. Перелистываю ее. Вот, например, графа «предприятие»: Московский электрозавод имени Куйбышева, завод «Микромашина», «Красный богатырь», АТЭ-1, Московский шелковый комбинат имени Щербакова, трест столовых, Первомайский универмаг... Графа «специальность»: швея-мотористка, слесарь, токарь, фрезеровщик, техник-оператор, радиомонтажник, продавец, машинистка, библиотекарь, почтальон... И это только на одной странице!

— В штабе по графику каждый день дежурят компетентные люди с основных предприятий района,— продолжает Монахов.— Иногда и начальники отдела кадров. В ходе беседы они определяют склонности молодого человека, заинтересовывают его будущей профессией, отвечают на вопросы, намечают перспективы. Многие ребята, например, хотят продолжать учение. И очень хорошо. Почти на всех наших заводах есть для этого условия. Пожалуйста, работай, учись! Вчерашним выпускникам предоставляется возможность определить специальность на всю жизнь. А профессию в нашем районе можно выбрать на любой вкус! Мы имеем возможность трудоустроить каждого, кто к нам придет...

Проведя здесь несколько часов, послушав, как говорят с молодежью дежурные штабисты — секретарь Ольга Кирьяновна Матвеева, оператор электрозавода Мария Родина, инструктор райкома комсомола Ольга Шван, я подумал, что причина успешной работы штаба еще и в их душевности, человеческом участии, искренней заинтересованности в судьбах молодых людей. Вот пришла семнадцатилетняя Таня Еловенко. Ей больше не хочется работать продавцом в универмаге. И Ольга Кирьяновна Матвеева, наверное, целый час звонит в разные учреждения, узнает, в чем дело, советуется, расспрашивает девочку и, наконец, находит приемлемое решение — Таня будет трудиться в вычислительном центре того же универмага. А Мария Родина предлагает другой девочке, заинтересовавшейся работой оператора, немедленно отправиться вместе с ней на электрозавод, посмотреть, что и как. Ольга Шван звонит на «Красный богатырь», чтоб узнать, как там чувствуют себя «их парни», всего-то неделю назад ребята получили путевки.

— Дежурить в штабе, конечно, трудно,— говорит на прощание Ольга Кирьяновна Матвеева,— устаешь больше, чем на работе. С семнадцати-восемнадцатилетними ребятами иметь дело не просто. У некоторых самоуверенности, упрямства хоть отбавляй, а знания жизни не хватает. Но,— она оглядывает помещение штаба: стены, уставленные стендами, окна с букетами цветов на подоконнике, таблички на столах перед дежурными: «Шелковый комбинат», «Красный богатырь», «Райпищеторг»,— ведь нужно же помочь им, молодым, определиться, найти себя, принести пользу обществу. Для этого-то мы — взрослые, опытные — сюда и приходим...

К. ЮРЬЕВ

Автографы Нонны Мордюковой. * Прокатный пункт для юных автоводителей.

УЕЗЖАТЬ ИЗ СТУПИНА НЕ ХОТЕЛОСЬ

В. КУРЛЯНДСКАЯ,

фото Г. КОПОСОВА

Вот уже почти двадцать пять лет — с тех самых пор, как только открылся ступинский Дворец культуры,— директорское кресло занимает Борис Яковлевич Долгополов.

Это простодушный и доброжелательный человек, с которым легко общаться. Но за легкостью общения скрывается еще и мудрость опытного руководителя, прирожденного организатора — способность подчинить все свое дело главному: судьбам людей. А судеб — именно судеб! — много. И все люди разные, непохожие... Разные по интересам, по характерам, по возрастам...

Вот площадь перед дворцом. Вроде обычная площадь: скамеечки, газоны, цветы. Но тут городское движение перекрыто. И так приятно наблюдать отдыхающих людей, спокойно шествующих мамаш с колясками. Зато перед самым дворцом становится очень оживленно: тут снуют во все стороны педальные автомобили, а из них сияют вам навстречу рожицы маленьких «водителей»... Казалось бы, экое дело — прокат детских автомобилей! Но ведь не каждая семья купит ребенку такую дорогую игрушку, а главное, куда веселее и приятнее ребятам играть вместе. Но и это еще не все. Здесь проводятся своеобразные состязания, дети усваивают правила уличного движения... И вот так весело, ненавязчиво делается умное, полезное дело.

Войдем же во дворец, которым по праву гордятся ступинцы. Нарядное, гостеприимное здание. Большой зал на восемьсот мест. В фойе — дубовый паркет, мрамор; сейчас там открыта выставка самодеятельного художника Л. Ф. Епанчинцева, которая, думается, сделала бы честь и профессионалу... В малом зале все располагает к отдыху, спокойствию. Впрочем, кого сейчас удивишь комфортом и даже роскошью убранства. В Ступине поражает совсем другое: люди. Во дворец приходят созидатели, хозяева культуры; они, если можно так сказать, реализуют здесь свои таланты, свою жажду творчества и, конечно, все ту же, всегда такую понятную потребность человеческого общения...

Это счастливые люди. Они уверены в важности и нужности своего дела, которое делают не только для себя, но и для общества. Кстати, поэтому здесь «мертвых сезонов» не бывает.

В первый же вечер мы попали в самом дворце на заседание клуба книголюбов... Представьте себе большую уютную комнату. Вокруг большого стола, на котором кипит самовар, собралось человек тридцать. Кое-кто читает стенгазету, где в веселых шаржах члены клуба со смехом узнают самих себя. Видно, что все это самые добрые друзья — так, дружески, они встречали каждого, кто сюда входил. И еще было видно, что люди, может быть, втайне, даже немного гордятся своей принадлежностью к этому клубу. А клуб и правда того заслуживает! Тут интересно ведутся серьезные творческие дискуссии о прочитанном в периодике, то есть о произведениях современных; тут проводятся и вечера, посвященные классике... Личной библиотекой каждого пользуются все члены этого коллектива, но это здесь не самое главное; основное опять-таки духовное общение, взаимопонимание, дружба.

Спрашиваю президента клуба Ирину Александровну Жукову:

— Как вы принимаете новеньких?..

Следует откровенный ответ:

— Стараемся не очень увеличивать численность клуба. Боимся нарушить дорогую нам атмосферу единства. Но все же принимаем и новых членов по рекомендациям наших товарищей.

Не надо думать, исходя из слов Ирины Александровны, что это замкнутый клуб каких-то самодовольных интеллектуалов. Вовсе нет!.. Борис Яковлевич Долгополов, который, несмотря на свою занятость, с удовольствием бывает у «эрудитов» — так он называет членов клуба,— отнюдь не позволяет им «спокойно жить»! Члены клуба ведут большую работу с детьми и взрослыми. Они агитаторы, пропагандисты культуры. И у каждого из них — определенные обязанности. Много пользы приносят они и сейчас своему городу, и дальнейшие их планы тоже широки и содержательны.

На следующий день мы побывали на репетиции фольклорного ансамбля. Имеющий многолетние традиции, этот ансамбль — гордость ступинской самодеятельности. У него насыщенный репертуар, который все время пополняется новыми записями.

Залюбуешься участниками ансамбля. Красочные костюмы, поистине русский задор, чистые голоса; в каждом участнике видна индивидуальность, характер, своя манера держаться...

Спрашиваю, кем кто работает. Отвечает Сидорова Мария Алексеевна — правая рука директора, художественный руководитель дворца. Видно, что она хорошо знает каждого. И особенно гордится тем, что все здесь люди рабочие. Вот Валентина Долгополова, однофамилица директора,— она работает мастером смены на картонной фабрике. Рядом с ней — Тоня Нижегородова, по профессии крановщица...

Постепенно знакомимся с составом ансамбля. Недавно все они побывали в Швеции, получили в прессе самые похвальные отклики. Особенно там поразили публику музыканты — удалью и мастерством, высоким уровнем исполнения. Нам представляют их: Толя Смородинов — слесарь металлургического комбината, он же парторг цеха; Саша Детковский и Женя Ершов — играют на ложках, трещотках, свирелях, бубнах и других народных инструментах!..

Начинается репетиция певца-солиста Николая Дмитриевича Борисова. Его звучный баритон не нуждается в микрофоне. Ему уже 55 лет, он один из старейших участников самодеятельности. Николай Дмитриевич — шлифовщик металлургического комбината.

— Не тяжело ли вам выступать и работать? И что для вас главное?

— Работа есть работа; главнее работы ничего нет. Но если уж ты что любишь, то успеть везде можно.

Преданных творчеству людей здесь так много, что их не перечислишь. Вот, например еще один энтузиаст — Иван Алексеевич Быков. Он играет на баяне, на гитаре и на саксофоне, а работает слесарем уже тридцать семь лет. Это застенчивый, скромный человек. Видно, что не привык говорить о себе, так как считает, что все в его жизни обыкновенно: баян остался еще от отца, вот так с детства и научился играть, а потом освоил и другие инструменты... Сейчас он не только играет в духовом оркестре, но еще и ремонтирует инструменты. Всю жизнь он в самодеятельности. И считает, что это тоже в порядке вещей: просто Дворец культуры как бы сам собою входит в его распорядок дня.

Татьяна Михайловна Тюнеева работник центральной лаборатории. Свыше двадцати пяти лет она занимается пением. Охотно рассказывает нам, как пробовала выучиться на профессиональную певицу, но тогда жила семья в тяжелых условиях, и пришлось идти работать.

Можно назвать еще много людей, пришедших с детства в самодеятельность, которая стала непременной и притом лучшей, самой счастливой частью их жизни.

— Что тут особенного! — говорят они. — Привыкли. Любим. Сначала ходили еще ребятами в тот или другой кружок, потом перешли во взрослую самодеятельность. Теперь и дети наши идут во дворец.

Так оно и есть. Иногда мама и папа на сцене, а за кулисами кто-нибудь держит их малыша на руках: не с кем было дома оставить, да и пусть привыкает!.. Это и его будущий дом.

Их много, таких вот «дворцовых династий». К старейшим членам самодеятельности принадлежит и сама Мария Алексеевна Сидорова, художественный руководитель дворца. И у нее, как она сама говорит, такая же типичная судьба. Работала у станка в металлургическом, окончила вечерний институт, и вот теперь — работник культуры. В этом видит свою удачу и до сих пор радостно удивляется: как это она успела, сумела... Очень многое лежит во дворце на плечах этой обаятельной женщины.

Мария Алексеевна знакомит нас еще с одним ансамблем — он носит название «Радуга», и читатель «Огонька», может быть, видел участников «Радуги» по телевидению, они там довольно частые гости. Александр Белков руководитель ансамбля, вот уже десять лет увлеченно занимается с творческой молодежью, разучивая современные танцы многих стран и народов мира. На первом же Всесоюзном фестивале «Радуга» получила почетное звание народного коллектива.

Обязанности у них тоже немалые. Вместе с другими ступинскими самодеятельными коллективами «Радуга» часто выезжает на базу отдыха комбината, живописно расположенную на берегу Оки. Здесь их всегда ждут с нетерпением. Кроме того, коллектив вообще способствует развитию танцевальной культуры всего города. Ведь не секрет, что современные танцы вызывают иногда справедливый протест, а то и негодование у людей старшего поколения. А вот как помочь молодежи, как привить в танце хороший вкус? Тут Дворцу культуры помогает еще и дискотека, пользующаяся большой популярностью в городе. Молодежь охотно приходит сюда.

— Сначала было трудно с пластинками, с аппаратурой, — рассказывает Борис Яковлевич.—А теперь дело пошло на лад. Конечно, работа дискотеки не ограничивается танцами. Проводятся беседы о музыке, устраиваются викторины...

Вечером зал дворца полон. Предстоит концерт народной артистки СССР Нонны Мордюковой.

— Впечатление от дворца прекрасное! — говорит актриса. — И не потому, что зал великолепный, — просто ощущается общий настрой людей. Они здесь не случайные!.. Вот эта атмосфера единства, постоянства и покоряет. Нередко встречаешься еще и с равнодушием администраторов, а тут чувствуется во всем заботливая рука директора, да и не его одного. Ничего не скажешь, все они молодцы!..

В нашей беседе о работе дворца заведующий отделом пропаганды и агитации горкома партии Владимир Васильевич Коровин сказал так:

— Наш дворец — я называю его нашим, несмотря на то, что он официально числится Дворцом металлургического комбината, — оказывает большое подспорье в организации всей общественной, массово-политической жизни города. Мы находимся с ним в самом тесном контакте! Трудно переоценить влияние дворца на культурную жизнь города. В 1970 году дворцу вручено Красное знамя. И сегодня идеологическая работа дворца широка и вполне отвечает требованиям времени...

Когда мы спросили Бориса Яковлевича Долгополова, много ли он знает таких дворцов культуры, как ступинский, директор весело ответил:

— Честное слово, мы не самые лучшие!

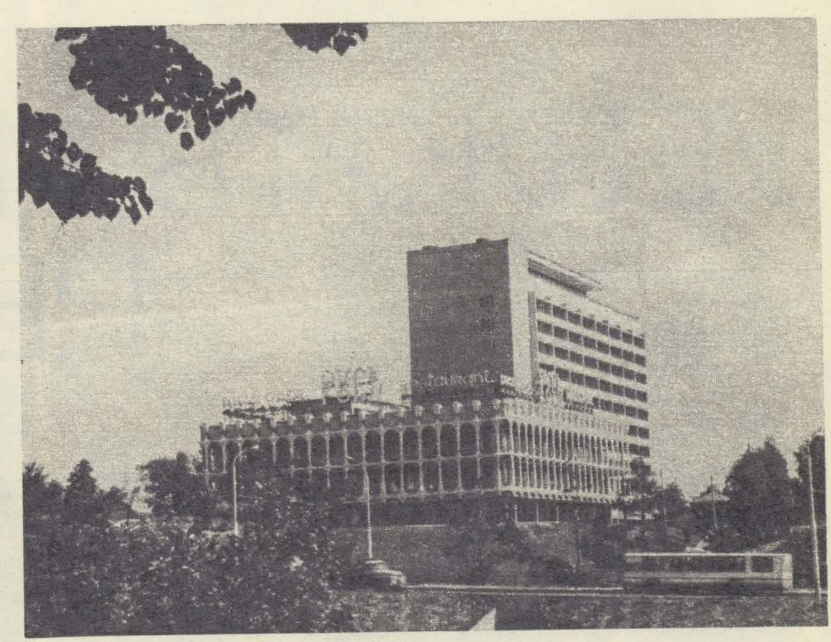
Ну что ж, ему, как говорится, виднее. Но уезжать из Ступина не хотелось.

●

Агитколлектив Дворца культуры пришел в цех, чтобы поздравить победителей соцсоревнования — бригаду кузнецов А. Н. Шувалова. ❊ Гусарские костюмы пришлись впору ребятам. ❊ Ступинский Дворец культуры. ❊ На базе отдыха металлургического комбината — концерт ансамбля «Радуга». ❊ Идет заседание клуба книголюбов. ❊ А этот концерт — прямо на улице.

Впереди увлекательное плавание по Волге.

На берегу великой русской реки возвышается здание современной гостиницы «Волга». Фото Д. Луговьера

С. Ф. МИЛЕВСКИЙ,
председатель Костромского облсовпрофа

Постановления Центрального Комитета партии, правительства, ВЦСПС дают четкую программу развития санаторно-курортного дела, организации различных форм отдыха трудящихся, их детей. Но как осуществить ее в короткие сроки в нашей области, где вся материальная база несколько лет назад была представлена одним не очень-то хорошо оборудованным санаторием и тремя довольно несовершенными домами отдыха летнего типа? В результате долгих обсуждений была выработана комплексная программа организации оздоровительно-лечебной работы.

Мы поставили перед собой такую задачу: добиться, чтобы поправить свое здоровье мог практически каждый житель костромской земли, не выезжая за ее пределы, мог провести свой отпуск на лоне благодатной костромской природы. Думается, мы близки к этому. Уже сейчас профсоюзы области имеют путевок в санатории-профилактории в полтора раза и в дома отдыха в 1,7 раза больше, чем в среднем по СССР, а обеспеченность местами в туристских учреждениях в 2,8 раза превышает средний показатель по РСФСР. Есть основания полагать, что в одиннадцатой пятилетке наши планы осуществятся полностью. Это результат совместных усилий партийных, советских, профсоюзных и хозяйственных организаций при непосредственной помощи ВЦСПС, центральных советов по управлению курортами профсоюзов, по туризму и экскурсиям.

Решающим, представляется мне, было то, что с первых же шагов мы отказались от ведомственного подхода к осуществлению намеченных планов. Облсовпроф совместно с облисполкомом принял постановление, категорически запрещающее всем организациям строительство собственных баз и здравниц. Дело в том, что предприятия в нашей области не очень-то крупные. Им не под силу быстро построить свою загородную базу отдыха или же санаторий-профилакторий, тем более оборудовать их так, чтобы они отвечали современным требованиям. К тому же министерства строительства СССР, сельского строительства РСФСР, имея ограниченные возможности, не всегда уделяют достаточно внимания сооружению санаториев, турбаз. Поэтому нам приходится, как правило, строить силами своих строительно-монтажных управлений, строительных участков или же просто хозяйственным способом, что и побудило нас смелее приобщать к сооружению здравниц все отраслевые профсоюзы. Это выражается прежде всего в финансировании строительства на долевых началах. Заводы, фабрики, институты не только выделяют средства, они помогают также материалами, механизмами, а главное — рабочей силой. И соответственно своему вкладу получают потом право на использование здравниц и турбаз. Так строились все новые турбазы: «Сосновый бор» — при участии предприятий машиностроения, «Волжский прибой» — текстильной и легкой промышленности, «Лунево» — энергетики, пищевой промышленности, торговли и т. д.

Немало споров вызвала география здравниц. Были у нас сторонники создания санаториев на юге, за пределами области, но мы все же решили размещать их прежде всего на костромской земле. Не последними оказались аргументы финансового характера — не каждый человек может позволить себе потратиться на поездку в дальние края. Есть и такое соображение: создавая санатории у себя, да еще с привлечением средств местных организаций, мы получаем право на то, чтобы большая часть путевок оставалась в распоряжении тружеников нашей области. Но мы охотно делимся и с профсоюзами других областей. Достаточно сказать, что в нынешнем году в здравницах и на туристских базах Костромы поправят свое здоровье почти 17 тысяч трудящихся из разных уголков страны.

Встала и другая проблема — как ускорить сроки ввода здравниц в эксплуатацию? Было решено возводить их не на голом месте, а там, где уже имеются дома отдыха, пионерские лагери, что позволило использовать существующие постройки, подсобные службы, коммуникации, а также опереться на готовое ядро обслуживающего персонала.

В связи с этим хотелось бы высказать некоторые соображения по поводу домов отдыха. Конечно, было бы преждевременно говорить об отмирании такого вида здравниц. Однако жизнь подсказывает, что они сейчас не удовлетворяют запросы трудящихся. Людям пожилого возраста, пенсионерам да зачастую и другим категориям отдыхающих требуется лечение — пусть не радикальное, но в домах отдыха проводить его невозможно. Поэтому представляется гораздо более эффективным идти по пути создания на месте домов отдыха санаториев и туристских баз, где можно активно физически закаляться.

В условиях Костромской области это тем более актуально, что дома отдыха и некоторые пионерские лагери расположены в местах, где имеются целительные минеральные источники. Поэтому, например, дом отдыха «Волга» реорганизуется сейчас в санаторий для лечения заболеваний органов дыхания, пансионат «Костромской» — в санаторий матери и ребенка. А на базе пионерского лагеря в двадцати километрах от города создан санаторий имени Ивана Сусанина. Пионерский же лагерь сохранен, только он приобрел санаторный профиль — здесь отдыхают ребята, нуждающиеся в минеральных водах.

В распоряжении профсоюзов области имеются также бальнеологический санаторий имени Бородина и кардиологический — «Колос». С вводом в строй санатория «Галич» и водогрязелечебницы — строительство их запланировано ВЦСПС на ближайшее время — Костромская область будет обладать внушительным комплексом разнообразных лечебно-оздоровительных учреждений.

Есть в нашей области немало санаториев-профилакториев. По нашему мнению, это звено, с помощью которого можно добиться

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ, З

ощутимых сдвигов в укреплении здоровья людей, снижении заболеваемости и, конечно, предупреждении многих профессиональных недугов. Здесь мы отдаем предпочтение межотраслевым санаториям-профилакториям. В них легче организовать хорошее лечебное питание, поднять уровень медицинского обслуживания.

Наша область имеет сейчас 16 профилакториев на тысячу мест — в два раза больше, чем в девятой пятилетке. В их распоряжении есть все для комплексного лечения. Здесь используются последние достижения современной медицины.

Какова их эффективность? Приведу такие три цифры: временная нетрудоспособность лечившихся в профилакториях снижена по заболеваниям нервной системы — на 45 процентов, страдающих язвенной болезнью — на 63, ревматизмом — на 73 процента. Надо ли говорить, как выигрывает от этого производство, насколько уменьшается необходимость лечиться в обычных санаториях!

Костромская область по своим природным условиям — поистине благодатный уголок российской земли. Величавая Волга с ее живописными притоками, вековые сосновые боры и березовые рощи с грибным и ягодным изобилием — поистине рай для любителей речных походов, рыболовов. Поэтому, наверное, закономерно, что наибольшие сдвиги произошли у нас в развитии баз отдыха, связанных с туризмом. Если десять лет назад область вообще не имела турбаз, то сейчас их насчитывается уже четыре, а в следующем году будет пять, где одновременно смогут размещаться свыше трех тысяч отпускников.

Большим своим достижением костромичи считают то, что на любую из этих баз можно приехать с детьми.

На каждой турбазе есть специальные детские городки со спортивными площадками, комнатами тихих игр, библиотеками и т. д. Для ребят постарше предусмотрены кабинеты юного туриста, где их знакомят с туристскими навыками, готовят к походам — пешим, велосипедным.

Только в прошлом году на наших турбазах отдохнуло более четырех тысяч родителей с детьми (если же учесть и пионерские лагери, то по области летним отдыхом охвачено более девяноста процентов ребят).

Большим событием стал ввод в эксплуатацию современной туристской гостиницы «Волга». Это 12-этажное здание, расположенное на берегу Волги. 520 его гостей живут в одно- двух- и трехместных номерах со всеми удобствами. Имеются ресторан, бар, кафе. Изобретательное оформление гостиницы, ее уютные интерьеры служат предметом восхищения всех, кто здесь побывал. Думается, что создатели этого сооружения заслуженно представлены на соискание премии Совета Министров СССР.

В связи с этим хотелось бы сказать об эстетике курортно-оздоровительных учреждений. Бытовало мнение, что дай человеку в санатории кровать, хорошее лечение, нормальное питание — и этого вполне достаточно. А отдыхающему на турбазе и вовсе, кроме койки и крыши над головой, ничего не надо.

Неверно! Человек всегда восприимчив к комфорту, уюту, красоте. И работники наших здравниц, строители делают многое, иногда, что скрывать, даже на свой страх и риск, чтобы лечащийся, отдыхающий попадал в условия максимального комфорта, где все радует глаз, доставляет удовольствие.

В наших санаториях не встретишь «холодных», казенных стен, больничной обстановки. В комнатах удобная, красивая мебель, изящные светильники, на стенах, окнах — цветы. В холлах, где стены отделаны деревянными панелями,— телевизоры. На полах — ковры. Есть тут японские садики. И всюду — в спальных корпусах, столовых, даже в процедурных кабинетах — цветные плитки, узорная керамика, инкрустация из дерева, чеканка, изделия костромских умельцев.

Каждая турбаза имеет свое лицо. Взять хотя бы «Судиславль». Здесь все решено в старорусском стиле. Здание, где расположены столовая, клуб, представляет собой старинный терем, спальные домики — своеобразные маленькие теремки.

Большое внимание уделяется организации отдыха сельских жителей. По соседству с племхозом «Караваево» находится один из лучших санаториев-профилакториев области, в котором в течение года лечатся и отдыхают около полутора тысяч тружеников деревни и студентов сельскохозяйственного института. В санатории имени Ивана Сусанина завершается строительство корпуса на 212 мест, предназначенного для передовых тружеников сельского хозяйства.

Трудовые успехи костромичей заслужили высокую оценку партии и правительства. Область удостоена высшей награды Родины — ордена Ленина, а городу Костроме в прошлом году был вручен орден Октябрьской Революции. Приятно сознавать, что, создавая костромичам все условия для хорошего отдыха, свою лепту внесли и все те, кто причастен к строительству и работе наших здравниц, туристских баз.

ЕМЛЯКИ!

Александр ИГОШЕВ

УТРО ОСЕНИ

Где утро осени несмело
над краем северным встает,
там синий лес
в тумане белом
притих — себя не узнает;

там рядом ель
и вереск скромный;
родник там, щедрый на добро,
водою светлой
камень темный
в живое рядит серебро;

там голубеет голубичник;
там мох — от старости седой,
и в красной ягоде брусничник,
зеленый, вечно молодой;

там сосны древние в патине
над русской речкой Чаруса;
там пихта
в прядях паутины
свои надула паруса;

пока не подхватил их вихорь
и не пустил по сентябрю,
она торжественно и тихо
вплывает в алую зарю.

ГРАЧИ

Шуршит по перелескам осень.
Журчист и желт лесной ручей.
Не певчих птиц сладкоголосье —
трубит над полем клан грачей.

Они слетелись, чтоб проститься
с землею отчей и с гнездом.
В чужих краях им будет сниться
из тальниковых прутьев дом.

Холмы, деревья, воды, долы
и деревень веселый вид,
полей широкие просторы —
все память сердца сохранит.

И в стороне далекой, южной
привидится им иногда,
как сыплет снегом ветер вьюжный
вокруг родимого гнезда;

они услышат скрежет плуга
и шелест лесополосы.
Им не забыть на пышном юге
неброской северной красы.

И там, за самой дальней далью,
им будет мил и шум пурги...
И оттого с такой печалью
чертят прощальные круги.

ЗВОНЫ-СТОНЫ

Ветер тронет звоны-стоны —
устремленная в зенит,
у ручья на перегоне
ель задумчиво звенит;

переимчивое эхо
гул сосны уносит вдаль;
на орешине
орехи
бубенцами льют печаль;

У лесной тропы лосиной,
переливчато-звонки,
сыплет робкая осина
золотые пятаки,

не сыплет, сыплет, бледнолица,
на звериные следы,
будто хочет откупиться
от неведомой беды.

А с бедою близко встреча.
И осина до весны
будет зябко кутать плечи
в шаль пуховой белизны.

В ЛЕСУ ПОСЛЕ ГРИБНОГО ДОЖДЯ

Пью глотками рассветную
свежесть.
Оживаю, дышу и живу.
Блюдца синих лесных сыроежек
чуть видны сквозь сырую листву.

На поляне у светлой опушки,
будто слыша призывный рожок,
крутобокие вышли волнушки
попастись на заветный лужок.

Загляну под еловую лапу,
а под ней,
крепконог, невелик,
тянет к свету бордовую шляпу
царь угодий лесных — боровик.

Так и чудится,
так и пророчится:
счастье рядом —
возьму позову.
Мне ему,
как заблудшему,
хочется
полным голосом крикнуть:
— Ау-у!

ДУБЫ

Не для гульбы их —
для борьбы
могучее взрастило лоно...
У леса высятся дубы
непробиваемым заслоном.

Они — как люди на войне:
едва дохнет под осень буря,
наперекор —
стена к стене —
упрямо встанут, взгляд нахмуря.

Нам ненавязшее в зубах,
есть выражение простое:
«Деревья умирают стоя».
Оно сложилось о дубах.

И коль случится где — при мне
порушат их красу лесную,—
все вижу памятью войну я,
друзей, погибших на войне,

и тех, и тех, кому могли
боль облегчить от старой раны,
кого из них от смерти ранней
мы не спасли, не сберегли.

Анатолий ИВАНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ВРАЖДА

* * *

Род Пилюгиных был древний, жила молва, что прадед отца Артемия чуть ли не при царице Екатерине первым поселился здесь. Звали его Роман, оттого будто и речка, вытекающая из-за увала и за другой его конец затекающая, стала называться Романовкой, а по ней затем и деревня.

Земли тут были скудные. Сибирь, Сибирь, а ею и не пахло. За увалом опять лежали каменистые холмы, пахотная земля и сенокосы выбирались клочками, лесов не росло и в помине. Зато в холмах полно было ключей, вода из-под каменистых круч выбивалась светлая, как хрусталь, студеная, вкусная. Там, где ключи вытекали, и находилась пригодная для обработки или покосов земля — небольшие луговины, крохотные пашенки. Поля и луга по ключам так и назывались — Большой ключ, Волчий, Зеленый (на лугу, по которому он тек, было много берез, осинника, всяких кустов), Летний (зимой он почему-то иссякал).

Не все ключи впадали в речку, многие сочились в болотины или пропадали в песчаной почве. Потому речка Романовка была невеликой, мелкой, но с многочисленными омутами, в холодной глуби которых водились даже щуки.

Не щедрой была земля вокруг, да земля, из рода в род Пилюгины считали ее своей, новых поселенцев принимали с разбором, только тех, кто признавал их здешнюю первородность, в которых усматривали будущую покорность. Таких на первых порах поддерживали, ссужали и хлебом и деньгами, пользовали своим тяглом и хлеборобными орудиями. В ответ требовали не столь материальной благодарности, и хотя, конечно, принимали ее без отказу, сколько безоговорочного признания все той же их первородности, их старшинства.

Самым удачливым из Пилюгиных был дед Артемия по имени Фортунат. Имя было древнее, он гордился им и всем объявлял, что не то по-гречески, не то по-латыни оно означает — успешливый, счастливый. Так оно было и на самом деле: Фортунат имел две лавки в волостном селе и маслобойню, вел какие-то дела с семипалатинскими киргизами, до чьих степей от волости была всего какая-то сотня верст или того меньше. Верстах в полутора от Романовки поставил большую мельницу, запрудив речку меж двух длинных отлогих холмов.

Случилось это последнее в 1900 году, когда его сыну Сасонию стукнуло уже двадцать лет, он и стал там главным мельником.

Сооружение мельницы было и радостью и горем всей округи. Радостью потому, что до этого даже из Романовки возили молоть хлеб в волость, за двадцать верст, а из других деревень, лежащих вниз по течению речки, путь был еще дальнее. А горем по причине, что Фортунат наглухо запрудил Романовку меж тех холмов на целых два лета. Пока наполнялась длинная, больше двух верст, котловина, речка дальше течь перестала, русло высохло, щук из омутов, как оседала вода, повыбирали прямо руками, а всякая мелочь протухла в клейком иле.

Но рыба — черт с ней, в этих местах рыбалкой никто и не занимался, баловством это считалось, главное — в первое же лето от пропавшей речки стали сохнуть нижние луга. Они и без того были наперечет, а теперь укосы ополовинились, народ зароптал. Фортунат в первое лето отговорился просто малым урожаем трав: разве, мол, не бывало когда такого, речка-де здесь ни при чем. А на другое лето стало яснее ясного, что при чем: с самой весны уже луга червивились и желтели, трава скручивалась, сохла. Мала речка, а оказалось, что некому больше землю поить, и зимние снега и летние дожди бессильны. Люди из нижних деревень потребовали срыть возведенную из земли и камней плотину, освободить речку. «Сбесились, что ли? — багровел от нелепых требований Фортунат.— Капиталу сколь вложено... Для вас же, дураков! Чтоб не ездили с зерном за полсотни верст киселя хлебать». Но дело заваривалось все круче, нижнереченские мужики решили силой срыть запруду. Да не тут-то было, почти вся деревня Романовка с кольями, а то и ружьями встала на ее охрану. Вот как дальновидно благодетельствовали Пилюгины новым романовским поселенцам.

В ту зиму мор скота был сильным, еще одно такое бы лето — и предприятию Фортуната Пилюгина не пережить, да к весне огромная котловина налилась до меры, и по паводку вода потекла через плотину, падая вниз с пятисаженной высоты, покатилась забытой дорогой, заполнила все омута и ямы. На одном конце широкой — тройками легко разъехаться — плотины стояло высокое здание мельницы в два привода, два огромных крепких водяных колеса весело крутились — Фортунат в благодарность романовцам положил бесплатно перемолоть весь их хлеб последнего урожая.

А через неделю уже потянулись к мельнице обозы из соседних деревень и деревушек. Молодой Сасоний, парень крепкий, белозубый и холостой в ту пору, покрикивая на работников, весело принимал помольцев, кидал шуточки молодым бабам и девкам, шустро высчитывал гарнцевый сбор.

Фортунат — по-латынскому обозначало счастливый, а жизнь Сасония, как он сам считал, складывалась еще лучше. Отец там где-то мотался из Сибири в Казахстан, глотал степную пыль, торговался до хрипоты, а он жил на приволье, без особых хлопот и забот, при желании мог погулять и покуражиться в Романовке, как и в любой другой деревне. Размах дел, а может, и развлечений не тот, что у отца, да ему хватало, в конце концов счастье каждый понимает по-своему, и что для одного неволя, для другого приволье.

Но сильных и долгих загулов Сасоний не любил, по каковой причине и было ему полное доверие отца. Однако лет через несколько выпивка послужила причиной вынужденной женитьбы. Стояла верстах в десяти от мельницы, на краю чахлого лесочка, большая деревня Березовка, с обширным постоялым двором и кабаком. То и другое принадлежало богатому мужику Ловыгину, была у него великовозрастная дочь Федотья, безгрудая, плоская, как доска, угловатая — наколоться можно. И однажды, погуляв с вечера в кабаке Ловыгина, Сасоний по позднему времени домой не поехал, лег спать на постоялом дворе, а на заре пробудился оттого, что кто-то дергал его, жарким воздухом дышал в ухо. Сквозь похмелье Сасоний обнаружил, что балуется с ним дочь самого Ловыгина, хватает горячими губами его щеки. Девки Сасонию давным-давно не в диковину, на мельнице он перемял их немало, а тут чего ж...

А в самый разгар вдруг кто-то вошел в комнату и сдернул с них одеяло — стоял возле кровати сам Ловыгин с плетью, борода его ходила ходуном взад и вперед.

Без лишних слов Ловыгин вытянул плетью Сасония с большой щедростью, тот взвыл и скатился на пол. Не поскупился Ловыгин и для дочери, от удара она скрючилась, узлом почти завязалась, тоже завизжала.

— К попу! — рявкнул Ловыгин, все тряся бородой.— Ж-живо, блудодеи!

Не слова, а плеть, дрожавшая в крупном, густо обросшем волосами кулаке Ловыгина заставила Сасония скоренько натянуть штаны, сапоги. Юркая, как мышь, Федотья накинула через голову юбку еще проворнее, надела одним махом кофту, первая побежала к двери.

Плетью Ловыгин прогнал их пустой еще улицей прямо к церквухе, а там уж поп был наготове.

— Да эт вы что?! — крутнул было тяжелой и мутной еще головой Сасоний.— Не хочу под венец... с ней! Без отцовского благословения...

— Поговорь у меня теперь! — рыкнул Ловыгин. Он и в церковь явился с плетью, стоял сзади, широко расставив могучие, как бревна, ноги, загораживая выход.

Так Сасония оженили. Отец его в это время был в Казахстане. По возвращении оттуда он такой неожиданностью был взбешен, но последовавшим разговором с Ловыгиным удовлетворился, приехал от него навеселе и по любви своей к толкованию имен сказал:

— «Феос» по-гречески — «бог», а «дотес» — «податель». Имя Федотья означает — бог подал. И не скупо подал, Сасонька. Живите.

Жить стали, в общем, согласно. Федотья баба оказалась загребущая. Так и слава, как вода в речке, потекла про нее: глаза завидущие, а руки загребущие. Сразу же по приезде на мельницу полной хозяйкой там стала она, гарнцевые поборы увеличила вдвое. «Одна мельня на округу — куда денутся,— объяснила она мужу.— В волость-то ехать с помолом еще накладней будет. Соображай».

А кроме этого, завела она немалые пашни в холмах, огороды, пасеку, на которых работали мужики и бабы окрестных деревень. А там поднялись близ мельницы и обширная конюшня, коровник, овчарня, несколько крепких завозен из лиственницы железной крепости, доставленных из алтайской тайги, два длинных, разделенных на клетушки барака для работников. Маломалу возле мельницы, которая все крутила и крутила своими колесами, стало возникать что-то вроде собственного поселка Сасония Пилюгина с собственными батраками. Место это так и стали называть — пилюгинский хутор, чему его владельцы несказанно радовались.

— Ну, Федоня, ну, жинка у меня! — откровенно говорил Сасоний в бражные праздники, хлопал ее по костлявому заду.— Без нее-то бы я так мельником и прожил... А теперя у меня вона — хутор!

— Сказано те было — бог подал,— вставлял обычно наезжающий по праздникам в гости Фортунат.

Родитель Федотьи, подтягивающийся в такие дни сюда же, самодовольно качал бородой:

— Ловыгинский корень. Ко-орень!

Сворачивался подобный разговор обычно вздохом Фортуната:

Продолжение. См. «Огонек» № 37.

— Что ж он, корень, отростка-то не дает? Наследника-то?

— Да уж тут чего...— сникал Ловыгин.— Уж тут эдак... медлит господь. А может, дураки, сами не стараетесь?

— Да уж, тятенька... тестюшка родимый! До потов вроде. А оно...— всхлипывала Федотья.

— Но, детюни,— успокаивал тогда Фортунат, щедро брал вину на свой род.— Эт мы, Пилюгины, должно, малосильные. У меня вон один всего Сасоний и зачался. Беда! Зато в другом мы — ух! Да ничего, Федоня, господь имя твое оправдает. Не зря тако окрещена.

Оправдал господь ее имя еще не скоро. Лишь под осень одиннадцатого года начало, к неописуемой радости всех, пухнуть брюхо у Федотьи, а в положенный срок и народился малец, названный Артемием...

В тот год поселились на мельнице две семьи новых батраков — старики Афанасьевы с сыном Данилкой двенадцати лет, да молодожены Тихомиловы с полуторагодовалым Степкой.

Старики Афанасьевы — ему отстукивал седьмой десяток, она на восемь лет моложе — были взяты для хождения за всякой птицей, которой Федотья развела несчетное количество, в том числе невидаль по тем местам — грузных, с красными соплями индюков. Тихомиловых Федотья определила в скотники.

Года через два или три погибла мать Данилы — упала с мельничного колеса вниз и разбилась.

— Как же тя занесло туда, как?! Родимая...— хрипел старик, распластавшись на гробу, когда он стоял еще в каморке, где они жили. Он обнимал мертвую свою жену, точно хотел вынуть из гроба, а на ее место лечь сам.— Как же?!

— Как? — всхлипнул Данилка.— Утиный выводок плавал под кустами. Щуки начали его гонять, утащили одного, другого... Хозяйка-то и накинулась на мамку — куды, грит, квашня, смотрела, доставай теперь утяток! И со злобы пихнула ее с плотины. А я видал все...

— Ты што?! — поднял старое, распухшее лицо отец.— Как так?

— А водой ее в желоб и затянуло тут... Желоб склизкий, ее на колесо соскользнуло струей да швырнуло...

— Врешь, сопляк! — завизжала свиньей Федотья, завернувшая на беду в каморку.— Огрызок... Убью!

Она схватила тяжкий валек, лежавший возле печки, размахнулась и в бешенстве размозжила бы ему голову, да Кузьма Тихомилов перехватил его, вывернул из ее цепких рук.

— Одурела, хозяйка! — Он швырнул валек на прежнее место.— В суд вот на тебя...

— В суд? А-а, в суд?! — пуще прежнего затряслась мельничиха.— Дармоеды! Кормишь вас... Убирайся отсюдова! И ты со своим объедышем...— крутнулась она к Афанасьеву.— Чтоб духу не было!

— Не разоряйся, ты... глиста болотная! — взорвался и Кузьма.

Федотья от такого ответа пробледнела насквозь, желто-зеленые глаза ее раскалились еще злее, задергались. Вытолкнув какую-то пробку из черной, зубастой пасти, она заревела:

— Сасони-ий! Ружье скорей... В глотку ему прямо! Ружье мне!

Прибежал Сасоний, без ружья, правда, разобравшись, в чем дело, подтвердил бесповоротно:

— Съезжай, Кузьма, отсюда немедля. И ты, старик, как жену похоронишь... Суд! Такой суд всем покажу, что и разуться не успеете.

Изрек приговор и повел из каморки Федотью, усохшую после родов почему-то еще более, держа ее за острый бок. Но та вырывалась из его рук, отпихивалась сухими локтями, кричала злобно теперь на мужа:

— Сундук с назьмом! Прощаешь им... За клевету, за обиду мне? А я не прощу!

Вырвалась, подскочила к Кузьме, готовая вцепиться длинными и острыми пальцами в его глотку, но не вцепилась, прохрипела, задыхаясь:

— Не пыряй глазищами! Я тебе их выдавлю! Вспомнишь глисту. И этому афанасьевскому сопляку... Все едино изведу вас всех! Я так решила...

Кузьма Тихомилов был не из пугливых, он потрогал коротенький, острый усик, усмехнулся и ответил:

— А задницу я твоим решеньем подотру.

То ли его усмешку, то ли сами слова Федотья вынести уже не могла, в тощей груди ее что-то булькнуло и порвалось, она столбом упала в обморок, на руки Сасония.

С этой-то минуты, как стали считать в Романовке, и повелась великая вражда меж Пилюгиными, с одной стороны, Афанасьевыми и Тихомиловыми — с другой. Она то убывала, то прибывала, то проявлялась явственно, то тлела незаметно, но никогда не исчезала, передавалась от старших к младшим, от отцов к детям.

* * *

Данила Афанасьев народился, когда отцу его шел уж пятьдесят пятый год. «Угораздило это нас с маткой под старость, перед людьми стыдно,— говорил он сыну, умирая на другой год после гибели жены.— Она-то еще помоложе меня, а я... Были у тебя три брата с сестрицей, да все померли. А ты вот один из всех выжил, люди и звали тебя огрызком... Последний, мол. Счас вот один остаешься. Да огрызок не огрызок, а куда ж денешься, живи, сколь бог пошлет. Покуда не приберет, значит...»

Умер он, как потом объяснил Даниле Кузьма Тихомилов, от тоски по жене и еще от надрыва работой — всю жизнь в батраках, в унижениях, в голоде.

— Неужель от тоски помирают? — спросил тот.

— Смотря какой человек, Данилка. Ежели с большим сердцем...

Парнишка помолчал, что-то думая, проговорил:

— Так ежели большое, значит, оно ж сильное.

Кузьма рассмеялся, потрепал его по лохмам:

— Несмышленыш. Ничего, дойдешь. Как зеленый помидор в валенке.

После того, как их выгнали с пилюгинского хутора, они все вместе поселились в Романовке, в давным-давно брошенной кем-то землянке, подновив ее. Данила знал, что отец его несколько раз ездил в волость искать управу на Пилюгиных, да не нашел, сам старшина приказал его плетью гнать прочь. Но отец не угомонился, собирался ехать в уезд, да тут и слег и не встал больше.

— Ты того, Кузя... Не кинь парнишку-то, а? — проговорил он, уже отходя.— Сомнут же. Пособи хоть маленько ему окрепнуть.

— Да об чем тут говорить,— сказал Кузьма.

— Не кинем. Ты не беспокойся,— подтвердила и его жена Татьяна, пообещав это же большими, усталыми глазами.— Будет Степке нашему старшим братом.

Поселение Тихомиловых и Афанасьевых в Романовке подхлестнуло и без того великую ярость Федотьи, жены Сасония.

— А-ах вы?! Расположились! — рычала она, и по всему тощему телу ее будто прокатывались волны.— Убирайтесь с наших мест! И чтоб вони вашей не слыхалось тут!

— Вонь-то вся от вас тут идет,— отвечал упрямый Кузьма.

— От нас?! От нас? — колотилась Федотья.— Мы всю округу кормим!

— Обдираете вы всю округу. Не вода на вашу мельницу льется, а пот да кровь людская.

— Ну-у, узнаете!

Федотья попробовала восстановить против пришлых всю Романовку. Ее слушали, соглашались с ней, поддакивали: «Да ить так, матушка, оскорбитель Кузьма... Голь перекатная, а со ндравом. Народ пошел — и бога не боится. Достукается...» Поддакивали, а времена-то, видно, были уже не те, когда люди стеной поднялись на защиту пилюгинской мельницы, теперь никто никаких действий против Тихомилова не предпринимал. Более того, Кузьму с Данилой наняли в пастухи, а Татьяну охотно брали в поденщицы. Тихая и работящая, она всем приходилась по нраву, а иные даже говорили ей: «Пилюгины да Ловыгины тут испокон мясогрызы. Не бойтеся. А Федотья — ну прямо зверица. При ей-то и помол вдвое дороже стал... Не токмо стариков Афанасьевых со свету свела, всех работой задавила».

Чувствуя свое бессилие, мельничиха исходила яростью, чернела аж, а Кузьма Тихомилов к тому ж однажды принародно сказал:

— Мои хоромы жги не подожгешь, землю огонь не берет. А их мельня, завозни, дома — все из звонкого дерева. Не угомонится, так и подпалю, аж небу жарко станет...

— Да это что? Это что-о?! — забилась Федотья в истерике перед мужем, когда до нее дошли эти слова.— Грозит, вонючка! Дожили! Что ты-то смотришь, мешок с назьмом! Тогда я сама его с ружья убью!

— Остынь, ты! — осадил ее Сасоний.— Нашла себе врага... Мало тебе дел по хозяйству? Может статься, и без тебя его убьют. Война, кажись, катит...

* * *

И в самом деле, в четырнадцатом году прикатилась война и, как пилюгинская плотина поперек речки, встала поперек прежнего течения жизни. Все в ней, этой жизни, для кого-то плохой, для кого-то хорошей, стало мешаться, как варево в котле.

А дальше и вовсе жизнь забурлила, заходила волнами, как тот же громадный пруд за плотиной в сильный ветер, и людское горе-горькое, накопившееся, как вода за крепкой запрудой, стало выплескиваться во все стороны, размывая и сметая всякие препятствия. И эта немыслимая сила тоже яростно закрутила колеса всей жизни людской, всего бытия человечьего...

...Уходя на войну, Кузьма Тихомилов, хмурый и строгий, сказал Даниле:

— В нашей семье теперь ты старший. Татьяна тебе мать, сбереги мне ее со Степкой. Ответ с тебя спрошу.

— Дядь Кузьма! — воскликнул Данила.— Ты токо возвертайся!

— Вернусь. Я вернусь! — зло пообещал он не Даниле, а кому-то.— И еще: тебе четырнадцать, считай, ты мужик. Пилюгиных с Ловыгиным не бойся,— проговорил это и нехорошо усмехнулся.— Они сами, кровососы, нас боятся. Это ты запомни твердо.

— Запомню,— пообещал Данила.

Он уехал на войну вместе с другими на телеге. На телеге же и вернулся через два года, худой и веселый, привез с собой винтовку без штыка, а в солдатском сидоре несколько кусков сахара, почерневших от грязи, видно, хранил эти куски не один месяц. Обнял ревущих от радости жену и четырехлетнего Степку, обнял и Данилу, спросил:

— Ну, как жили?

— Да жили, что ж... Выжили,— сказала Татьяна сквозь радостные слезы.

— Нонешнюю зиму побирались... христа ради. Мне боле всех подавали,— проговорил маленький Степка.

— Как?! — сузил глаза Кузьма, на скулах его, под жесткой щетиной задергались бугорки.

Да, после отъезда Кузьмы зиму и лето они кое-как перебились, лето Данила пастушил в паре с одним стариком, а на другую зиму стало невмоготу, работы никакой ни у кого, кроме Пилюгиных, не было. А чтоб поклониться Пилюгиным, Татьяна даже и думать не могла, и Даниле не велела, сшила всем из мешковины три сумки, две побольше, одну совсем маленькую.

Узнав обо всем этом, Кузьма еще подергал желваками, спросил:

— А так Пилюгины не изнуряли вас чем больше? Не изгалялись?

— Не осмеливались...— ответила Татьяна.— Люди пересказывали: довольная, мол, Федотья, что мы по христа ради пошли, сумошники, грит, пущай похлебают, все едино передохнут под заборами. А так не осмеливались ничего. Да им и некогда было, Сасоний сам, как отец его, тоже дела

какие-то с киргизами повел, был все в отъездах, а у Федотьи сын Артемка все хворал почто-то.

— Ну, теперь и вовсе не осмелятся,— сказал Кузьма, вытряхивая весь свой сидор до конца. Штык-то к винтовке, оказывается, он все же привез. Замотанный в тряпье, штык лежал в голенище поношенного солдатского сапога. А другое голенище было забито винтовочными патронами, желтыми, как гороховые стручки, на вес тяжелыми.

* * *

Конец шестнадцатого и начало семнадцатого года Романовка, застрявшая меж отрогов Алтайских гор, прожила более или менее спокойно. «Беглый Кузьма-то Тихомилов, с солдат сбежал! — пошумела сперва Федотья.— Вот прижгут ему за бегство. Сасонию в волости обещали...» Однако время шло, никто Кузьму не трогал. Числа второго или третьего марта он уехал на попутке в волость, чтобы на воскресном базаре продать или сменять на хлеб те самые солдатские сапоги, которые привез с войны. Но базара не дождался, утром, когда с морозного неба беззвучно сыпалась искристая пыль, прибежал, запаленный, в Романовку с небывалым известием: нет больше царя!

— Дурак, че мелешь?! — прикрикнул на него Андрон, тогда еще крепкий пятидесятилетний мужик, гривастый, толстогубый и бездетный.

— Пилюгинская мельница мелет, а я правду говорю. Революция! — Он из-за печки вытянул замотанную в мешковину винтовку, принялся ее разматывать.— К слову, про мельницу... Эк, дурак я, вот что надо было узнать. Ждите!

И он тем же моментом заспешил снова в волость.

Отсутствовал он несколько дней. Все время покручивала метель, последняя в том году, не сильная. Никто вроде и не приезжал в эти непогодные дни в Романовку, и будто сам ветер приносил разные слухи, один диковиннее другого: в волости на месте волостного правления образовался какой-то Совет, крестьянских начальников больше нет, а из губернии сбежал сам губернатор, налоги и долги по ссудам теперь можно больше не платить, потому как в уезде собрался какой-то съезд и он постановил сделать отчуждение от казны в пользу народа всех оброчных статей.

Вернувшись, Кузьма все это подтвердил и сказал, что надо собрать сельский сход и на нем образовать романовский крестьянский Совет, а далее, коль этот Совет решит, то пилюгинскую мельницу, а также ихние амбары, и завозни, и скотные дворы со всем содержимым можно забрать для общества.

Сход собрался тут же, возле тихомиловской землянки, мужики толклись и переговаривались часа три, постановили создать Совет во главе с Кузьмой Тихомиловым.

И тем же днем, под вечер, романовские мужики, забив до отказа четверо розвальней, погнали лошадей на пилюгинский хутор. На первой подводе со своей винтовкой в руках сидел сам Кузьма Тихомилов, правил ею семнадцатилетний Данила Афанасьев. Он стоял в санях на коленях, яростно махал кнутом, ветер сек нажженное морозом лицо, свистел в заиндевевших кольцах волос, Кузьма, тоже возбужденный, нетерпеливо покрикивал:

— Гони-и! Шибче!

Федотью они врасплох не застали, гостей она ждала, дом был распахнут настежь, у крыльца стояло двое саней, набитых узлами, сундуками, посудой.

— Ироды! Приедет Сасоний — все глотки вам зерном нашим забьет. Глотайте!

Она выволокла из дома пятилетнего Артемку, бросила и его, как узел, на сани, сунула в руки вожжи, на другие заскочила сама.

— Не отставай! — И погнала лошадь в Березовку.

Артемка, размазав слезы рукавом, тоже задергал вожжами.

Кузьма сбил все замки с амбаров и завозен, повесил новые, ключи положил в свой карман и велел мужикам скалывать лед с мельничных колес.

Пилюгинскую скотину распределили по малоимущим, часть зерна из амбаров тоже поделили, остальное пролежало там еще целый год нетронутое, под постоянной охраной, поставленной Кузьмой. «Што делает, змей хитрющий! — пускала слухи Федотья.— Заграбастал чужой хлеб, людям по торбочке сунул для отвода глаз, остальное себе оставил. Да еще людей же караулить приспособил. Из змеев змей! Всех обвел».

И находились люди, которых начинало грызть сомнение: а не в самом ли деле? Потому что непонятное было время, путаное. С одной стороны, будто и революция, Сасоний Пилюгин и Ловыгин, родитель Федотьи, зубов не показывали, по слухам, они-то объявлялись где-то поблизости. Но исчезали неизвестно куда. С другой — революцию будто надо было еще делать, в волости Совет не то распался, не то оказался не таким, каким должен быть. Кузьма, худой и небритый, никаких вразумительных ответов тоже дать не мог, царапал лишь грязными ногтями свои заволосатившиеся скулы и говорил одно: хлеб пилюгинский беречь, Федотья пущает враки, хлеб в бывших ихних амбарах народный, мельня работает для всего общества бесплатно и дальше так будет.

— А революция? — подступал к нему обычно Андрон.— Произошла аль нет?

— Была. Да власть у народа обманным путем вынули. Теперь надо ее назад отбирать.

— Как так вынули? У нас вот ты от народа стоишь? Ты, что ли, у нас ее вынул?

— Так то у нас, а то там, в Петрограде, там главное-то дело.

Ничего не было понятно романовским мужикам до осени да и после, когда Кузьма Тихомилов опять привез из волости известие, что произошла в далеком Петрограде еще одна революция, теперь та, какой и следовало быть, что власть перешла в руки рабочих и крестьян. Но в Романовке-то жизнь как текла, так и продолжала течь. Деревушку той осенью залили непрерывные дожди, даже холмы, меж которых она застряла, разбухли, казалось, от влаги и будто еще сильнее сдавили ее со всех сторон, а зимой по самые крыши завило Романовку снегом и сугробы будто отрезали ее от всего мира.

За всю зиму в Романовку пришло всего несколько известий: в Омске состоялся съезд Советов, который установил Советскую власть по всей Западной Сибири (романовские мужики лишь плечами пожали— у них вроде и так давно уже Советская власть); на Евдокию-каплюжницу, то есть первого марта, умер старый Фортунат, отец Сасония; весь хлеб, находящийся в пилюгинских амбарах, надлежало свезти в волость, а оттуда будто его должны были отправить в Омск и грузить в вагоны для голодающих рабочих Москвы и Петрограда. Да еще пошли слухи, что в Романовке будет организована сельхозкоммуна.

Ни одно из этих известий, кроме последнего, особо не удивило и не взволновало романовских мужиков и баб. Но эта таинственная, никому неведомая сельхозкоммуна взбаламутила всех от мала до велика: что за штуковина, отчего и зачем она?

— Для дальнейшей жизни! Чтоб, значит, легче было,— как всегда не очень понятно объяснял Кузьма.— Совместно пахать пашни и сеять хлеб будем. Как бы одной семьей все робить... Старшего выберем.

* * *

Но никакой тогда коммуны в деревне организовано не было — началась гражданская война. Началась она для Романовки так, что и по сей день жуткое те начало помнят и дед Андрон и многие теперешние старухи, что молча стояли недавно перед малолетним убийцей Артемия Пилюгина. Началась с того, что отец Артемия Сасоний нагрянул вдруг на свой хутор. Было это в самом конце зимы восемнадцатого года, когда рушились последние санные дороги. В тот день ранним утром романовские мужики повезли в волость хлеб из пилюгинских амбаров. Нагрузили большой обоз и отправились по морозцу. Обоз повел сам Тихомилов, с ним был и Данилка Афанасьев да еще человек восемь мужиков. И семилетний Степка, на счастье, увязался с отцом. А к вечеру и объявился Сасоний с дюжиной каких-то людей на лошадях. Следом на мельничный двор влетело десятка с два саней, заваленных пустыми мешками, передней подводой правил старик Ловыгин.

Увидев ополовиненные амбары, Сасоний застонал от ярости:

— Не успели!

Он сел на распустившийся за день, мокрый снег и сжал голову руками.

— А не торопил ли я тебя, губошлепа?! — прохрипел Ловыгин.— Хоть это еще осталось.

При амбарах постоянно жили несколько сторожей. Пилюгин, посидев безмолвно, бросил одному из своих:

— Спросить у сторожей: куда хлеб делся? После каждому забить глотки моим зерном до отказа! Чтоб подавились им!

Вот когда исполнилась годовалой давности угроза Федотьи.

Когда Сасоний со своими головорезами прискакал в Романовку, там не знали о страшной расправе с хуторскими сторожами, не могли сообразить, откуда налетел Пилюгин. Его люди, угрожая оружием, выгнали всех жителей деревни на улицу, сгрудили в одну кучу, а жен и детишек тех, кто повез хлеб в волость, принялись по указанию Пилюгина запихивать в избенку Андрона.

— Ты што устраиваешь, Сасоний? По какому это праву? — кинулся было к нему Андрон. И тут же откатился, сбитый с ног страшным ударом.

— А все теперь у меня тут! — потряс Пилюгин плетью. Разгоряченный конь под ним приплясывал.— И закон и право.— И крикнул кому-то: — Где сучка тихомиловская, спрашиваю?!

Но двое конников уже гнали в кровь исполосованную плетьми Татьяну.

— А выродок, выродок ихний где? — прокричал Сасоний.

— С отцом, грит, в волость уехал. Мы все перерыли — нету его,— ответил один из бандитов Пилюгину.

Все происходило стремительно, как в кошмарном сне. До этого в Романовке никаких особых событий не приключалось, и теперь безоружные, напуганные люди толклись по средине улицы, начинающей заплывать вечерним синим сумраком, беспорядочно галдели, как галки, бабы ревели коровами.

— Тих-хо! — заорал Пилюгин, но его крик не мог перекрыть воющих и стонущих голосов. Тогда Сасоний лупанул из нагана, галдеж и рев попритихли, и он прохрипел: — Всех бы вас запереть в своих избах да спалить. Да я добрый... У кого какая скотина моя — согнать всю сюда. До последней овечки! Ж-живо, а то спалю этих! — кивнул он на дом Андрона.— Даю полчаса.

Люди кинулись по домам, и скоро вся улица была запружена коровами, овцами, козами. Сасоний отрядил трех-четырех своих людей, они погнали стадо из Романовки.

— Пятнадцать лошадей на мельне было. Где они? — проревел Пилюгин в лицо Андрону, который вывел из своего двора рыжего мерина.— Где ишо четырнадцать коней?

Андрон швырнул повод уздечки Пилюгину.

— Где... На них и увез Тихомилов хлеб-то в волость.

— Мой хлеб да на моих же конях...— скривил губы Пилюгин.— Ловко.

— Жечь, Сасоний? — нетерпеливо крикнул один из верховых.— Дай приказ, запалим!

Тот помедлил, наслаждаясь своей безграничной властью на этот момент, тем ужасом, которым были охвачены беззащитные люди. Однако отдать страшный приказ все же не решился.

— Надо бы,— усмехнулся он, обросший рыжими волосами, опухший не то от бессонницы, не то от пьянства.— Да ладно, пригодятся они мне еще. Выпустите всех из избы.

Когда обреченных было на жуткую

смерть вытолкали на улицу, он, опять наслаждаясь своей властью и своим великодушием, проговорил, помахивая наганом:

— Объявляю... Хлеб, какой вы растащили с моих амбаров... и какой увезли седни в волость, по осени свезете мне на хутор. До последнего зерна чтоб. Коней тож пригоните. Советской власти осталось жить до первых цветочков, а может, того меньше...— И, повернувшись к Татьяне, сказал с усмешкой: — Жалко, что твой собачий выродок с отцом уехал... не подохнет вместе с тобой.

Татьяна, окровавленная плетьми, стояла боком к Пилюгину, скрестив руки под грудью. На его слова она только приподняла голову, повернула чуть ее.

— Собачий-то выродок — это как раз ты,— проговорила она сухими губами.— А сын мой от людей рожден.

— Ах как жалко! — еще раз усмехнулся Сасоний.— Ну, да недолго они обои тебя переживут — и муж и сын.

И, вскинув наган, выстрелил в нее.

От выстрела люди, стоявшие вокруг Татьяны, отхлынулись волной, а она осталась стоять одна, не упала, только переступила с ноги на ногу, повернувшись к Пилюгину грудью.

— Не-ет,— разжала она уже мертвые губы.— Они будут жить... долго... еще.

Конь под Пилюгиным крутился. Стояла над Романовкой жуткая тишина. Только эхо от выстрела еще блуждало, запутавшись в холмах, да скрипели по снегу копыта коня, которого Пилюгин никак не мог развернуть для нового выстрела.

Наконец он выстрелил еще раз. Но Татьяна и тут не упала, только шатнулась и прохрипела кровавыми пузырями:

— Вдругорядь ты зря... Ты, пес, убил меня первой пулей...

И упала лицом в снег.

Лошадь под Пилюгиным закрутилась еще бешеней, он прокричал людям:

— Не вернете хлеб и лошадей — со всеми так же будет! С-сволочи!..

И задичавшая лошадь понесла его прочь из Романовки, следом поскакали его сообщники.

* * *

А через полтора года Сасония Пилюгина, разрубленного Данилой Афанасьевым надвое, привезли на верховой лошади в село Березовку, и промороженный насквозь труп его со стуком свалился на землю.

Еще в четырнадцать лет Данила Афанасьев пообещал Кузьме Тихомилову никогда не бояться Пилюгиных да Ловыгиных, слово свое держал крепко. А в девятнадцать и вовсе ему не был страшен ни черт, ни дьявол. Самая крутая и свирепая огненная метель гуляла тогда по Сибири, и Данила вслед за своим приемным отцом и командиром Кузьмой Тихомиловым, после гибели жены ставшим черным, как чугунка, бросался в самое жаркое пекло отчаянно и как-то весело. Кузьму шашки и пули клевали частенько, а Данилу то ли не осмеливались, то ли не могли догнать, то ли умел он от них уворачиваться. И в том жестоком бою, когда Сасоний Пилюгин отсек Кузьме руку, Данила даже царапины не получил, но после боя сел на осеннюю, пожухлую уже траву возле беспамятного своего командира, выставил кверху плечи и заплакал.

Кузьма неожиданно очнулся, мутными от боли глазами поглядел на Данилу.

— Чего ты... сопли распустил?

— Почто не мне... руку-то? Я же рядом с тобой секся. А Сасоний ушел, гад.

— Какая разница — тебе ли, мне ли. Хорошо одно, что не правую. Значит, помашу еще шашкой. А как ты их крошил, я видел. Молодец.

Подошла телега, несколько партизан уложили Тихомилова на толстую подстилку из сена. Когда клали, он, испытывая неимоверную боль, не стонал, тяжкую муку переносил молча, только по грязным щекам сползали горошины пота.

Затем Данила шагал рядом с телегой и говорил тихо:

— Этого Сасония я все едино достану. Все одно не жить ему, только бы кто раньше не успел. Отомщу за тебя, за тетку Татьяну, вот поглядишь...

Кузьма все слышал, но говорить не мог, только моргал, глазами показывал, что слышит и верит. Было это осенью девятнадцатого.

Данила Афанасьев сдержал свое слово. По первому, еще рыхлому снегу банду, возглавляемую Сасонием Пилюгиным, но фактическим командиром которой был старый и хитрый, как матерый лис, Ловыгин, партизаны заманили в Летний ключ — узкую теснину меж крутыми холмами — и начали рубить шашками. Перехитрил Пилюгина желторотый Данилка Афанасьев. Он с небольшой кучкой партизан будто бы случайно наткнулся на отряд Сасония и стал удирать в сторону Летнего ключа, а потом юркнул в самую щель меж холмов.

— А-а! — зарычал Сасоний.— Счас мы из них лапши нарубим!

— Плюнь ты,— сказал Ловыгин.— Место там тесное, в случае чего лошаденкам по снегам наверх не вскарабкаться.

— Ты что! Этот молокосос принародно базлает, что порешит меня... По всей округе слух гуляет. А тут такой случай. Кузьме Тихомилову я одну руку срезал, а ему счас обои обрублю!

— Ну гляди, Сасоний... А я старые кости в баньке погрею. В Березовке буду ждать от тебя известий.

— Жди. Я скоро! — пообещал Пилюгин.

В Березовку, почти всю колчаковщину бывшую в руках Ловыгина, привезли не известие об уничтожении партизан, а разрубленный от плеча до паха труп Сасония. Он был перекинут через седло, закоченел на морозе и, сброшенный с лошади, согнутым бревном упал на занавоженный снег, гулко стукнув.

Всего двое из пилюгинского отряда и вырвались живьем из узкой долинки меж холмов. Они-то и рассказали: Данилка Афанасьев впереди своих ускакал торопливо в Летний ключ, в конце узкой котловины, когда можно было уже вырваться на простор, поворотил коня и снова впереди своих ринулся на сечу. А с хвоста ударил главными силами сам однорукий Тихомилов, скрытно стоявший где-то в холмах.

— И началося! Бож ты мой! — скупо рассказывал бородатый мужик, расседлывая коня.— И убежать некуда — на кручах кустищи в снегах по макушки. Лошади-то ихние, Сасония и Данилки, грудями ударились, это я видел. А боле ничего не видел.

Другой мужик сказал еще меньше:

— Шашку он у Сасония выбил. Да тут же и рубанул по горбу.

Над разрубленным Сасонием выла Федотья, страшная и косматая. Потом замолкла, побежала в дом, выдернула из дверей шестилетнего Артемку.

— Гляди-и! — взвизгнула она пересохшим от ярости голосом.— И навеки запомни — это отец твой. Гляди, как его!

— Дурак он был... отец-то его,— сказал Ловыгин.— Прости ты меня, господи.

Артемка слушал вой матери, глядел на замерзший, окровавленный труп отца, дергал простуженным носом, хлопал испуганно глазами...

Продолжение следует.

ГРЕКОВ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Раздольные южные степи. Алое от пожарищ небо. Летящие навстречу светлой победе красные конники. Жестокие сражения. Жаркий огонь кавалерийских схваток. Пылающие сердца всадников Великой Революции. Тяжкий ратный труд. Марши побед. Все, все это звучит в эпических полотнах Митрофана Борисовича Грекова — крупнейшего советского баталиста, создавшего в своих великолепных холстах летопись бессмертных лет гражданской войны, запечатлевшего саму жизнь, без прикрас, во всей полноте ее тягот, крови и лишений. Его картины честны и реальны, по ним можно воссоздать историю боев с белогвардейской контрреволюцией на юге нашей страны. Живописец положил начало советской батальной школе, передав в своих полотнах сам дух времени — эпохи непередаваемого по взлету массового героизма. Творчество мастера — суровая правда будней, которую он писал с той же страстью и любовью, как вихревые штурмы и атаки. Можно только поражаться тому чувству меры и такта, которыми обладал художник, изображая необычайно динамичные боевые сцены, до отказа насыщенные экспрессией и яростью сражений.

Греков... Это звенящие медные трубы буденновцев, выгоревшие ковыльные степи, сумятица переправ, летящие с оголенными шашками кавалерийские лавы и пыльное марево знойного донского полдня. Все это крепко, темпераментно и сочно написано, так, как мог написать только живой свидетель, очевидец, современник, влюбленный в свое время, в своих героев, отдавший до конца весь свой дар делу показа исторической правды незабываемых дней, весь жар своего честного сердца.

«Детство я провел в трудовой семье земледельцев, — пишет Греков. — Мои впечатления были: сельский быт, степи, лошади, волы... Уклад жизни нашей был трудовой...» Юные годы художника окрашены ярким колоритом Донщины, казачества, вольных полынных просторов. Хутор Шарпаевка, где родился будущий живописец, был той каплей воды, в которой отражался весь непростой мир начала 80-х годов XIX века. Мальчик мечтал быть художником. Он листал «Ниву», «копировал, фантазировал». Словом, жил в «мире реальности суровой и грез», рождаемых общением с искусством мастеров. Особенно люб был Митрофану художник-баталист, современник Верещагина Николай Николаевич Каразин. Этот живописец умел ярко, остро рисовать и писать картины, в которых отражались подвиги русского войска, его походы, сражения, быт. Любовь к искусству Каразина, правдивому и суровому, осталась у Грекова на всю жизнь. Талант и упорство молодого человека заставили задуматься семью, и наконец Митю решили отправить в Одесское художественное училище.

Греков с яростью отдался учебе. Он впервые столкнулся со школой, рисованием с натуры. Пора «фантазий и грез» ушла. Перед ним была студия с суровыми законами. «Натурой были гипсовые орнаменты,— вспоминал художник,— казавшиеся мне очень скучными». Но юноша понимал, что, не пройдя школы, не научившись рисовать с натуры, не станешь мастером, и усердно штудировал гипсы.

Ученик П. П. Чистякова, профессор К. К. Костанди отлично воспринял опыт своего пастыря, воспитавшего Серова, Врубеля, Репина, и вел Одесское училище по твердому пути реалистического искусства. Он был человеком прогрессивных взглядов, далеких от рутины Академии, писал превосходные картины: жанры, небольшие по размеру, четкие по художественному языку, они отличались правдивым колоритом и точным рисунком. Репин и Крамской отмечали работы Костанди на передвижных выставках. И к этому талантливому художнику и педагогу попадает в ученики «наш донец». Вскоре талант молодого студента был замечен. «С эскизами у меня пошло лучше,— пишет Греков.— Потом у меня выправился рисунок с натуры, и я стал получать хорошие разряды, но живопись тела отставала, этюды же пейзажа и животных меня выручали».

Оканчиваются годы учебы в Одессе, и юноша, напутствуемый добрыми советами любимых учителей и верных товарищей, едет в Петербург, в Академию художеств. Холодные сфинксы на берегах державной Невы встретили его у врат «храма искусства». Мечта молодого художника осуществлялась. Он стоял на пороге Академии.

...Петербург. Дворцы. Сокровища Эрмитажа. Величие строгих ансамблей столицы. Все это покорило и смутило Митю. Но он не робел. Цельный донской характер, привычка к труду, к покорению трудностей выручали Грекова. Это было время сложное. Рядом с кипящей бунтами Россией в искусстве шла борьба декадентов с передвижниками, с реализмом. Молодежь увлекалась модернизмом. Живописец позже писал, что они «открывают огонь по Репину и Сурикову, разрушают школу». Жизнь вокруг Академии бурлила. Нарастала волна революционных выступлений, и наконец грянула революция 1905 года. Студенты Академии, в том числе сам Греков, участвовали в борьбе с черносотенцами. Академия художеств все еще оцеплена войсками, вспоминал Митя. У главного входа, на дверях которого красуется старинная надпись: «Свободным художествам»,— по-прежнему безмолвно стоят два часовых и штыками преграждают доступ внутрь свободным художникам. В ответ на забастовку «августейший» президент Академии художеств великий князь Владимир незамедлительно распорядился: «Полагаю академию закрыть и даже наглухо заклепать. Это— мой ультиматум». Студентов распустили в долгосрочный отпуск. Греков со своим другом Бродским едут в деревню.

Вернувшись в Петербург, Греков и Бродский решают идти в мастерскую Репина, к художнику, жившему жизнью народа и писавшему картины, обличающие самодержавную Русь. Его полотна будили в зрителе чувства гнева, желание бороться за свободу. Вот что писал Репин в те дни: «И сейчас не могу рассуждать теоретически об отношении революции к искусству... Революция так опьяняет молодые души... Если при самых адских условиях, еще будучи искрой, не погасла воля освободительного движения, то как остановить теперь разгоревшуюся оргию, охватывающую уже весь жизненный строй нашей планеты?.. Спали цепи... Свобода, свобода заблестела вдали!»

В декабре 1906 года Греков зачислен в мастерскую Репина. Начался новый этап в творческой жизни молодого живописца. Он стал одним из девяноста учеников крупнейшего русского мастера, который, по словам Игоря Грабаря, «был до конца прост и ласков со всеми, кто приходил к нему за советом, особенно бережно и любовно относясь к подрастающему поколению. Вот почему память о нем с такой нежностью храним в своих сердцах мы, его ученики, даже те из нас, кто, преклоняясь перед его гигантским дарованием и творческой волей, не считали его таким же блестящим педагогом, каким он был художником. Педагогом Репин не был, но великим учителем все же был».

Около года работал Митрофан Греков в его мастерской. Но на всю жизнь запали слова великого художника, что высшая правда искусства— в правде жизни, и метод единственный для отражения этой правды — реализм! Мастерская Репина была истинным бастионом в борьбе с декадентами всех мастей, и вечно увлекающийся мастер любил говорить: «В Академии стены учат». И Греков отдавал все силы учебе — успех был результатом этих усилий! «Будучи учеником, начал участвовать на выставках,— вспоминал живописец. — Рисунок и эскиз шли у меня впереди, за них я получал первые разряды, что давалось очень редко. Ежегодно устраивался конкурс эскизов учащихся. На этих конкурсах я получал премии и награды в течение всего пребывания в Академии».

Огромные затраты энергии, лишения (средства юноши были более чем скромны) привели к серьезному надрыву. Он переутомился и взял отпуск по болезни.

Степной воздух, южное солнце, родные края сделали невозможное — вернули свежесть ощущения, восторг от соприкосновения с красотой природы. И когда Греков возвратился в Петербург, летние этюды громко говорили о его втором рождении. На очередной выставке «осенней академической» он получает за них стипендию имени Судковского. Но тут в судьбе молодого художника случилось непредвиденное. Репин прекращает вести мастерскую в Академии, и Митрофан Греков переходит к Рубо в «баталическую мастерскую». «Я решаю перейти к Рубо Францу Алексеевичу,—писал Греков.—Меня волновали его большие холсты, мастерство, движение, просторы, действие в его картинах». Рубо был необычайно живым и темпераментным художником, владевшим секретом писания больших, многофигурных композиций-панорам. Как педагог он был врагом рутины. Вот что он писал: «Все обучение в классе состоит в писании одних и тех же приевшихся казенных натурщиков, все разнообразие сводится лишь к ужасным по анилиновому колориту драпировкам и иногда к бутафорскому оружию и шлемам из вагнеровских опер. Боже мой, как все это скучно, тоскливо и безнадежно. Вдумайтесь в эту картину систематического обезличивания ученика и скажите, нужно ли еще дальше затягивать эту тоску... Я вижу ясно, что дело преподавания в Высшем художественном училище страдает из-за скуки, из-за равнодушия и формализма».

И слово у него не расходилось с делом. Мастерская находилась в парке Академии художеств. В огромное застекленное помещение приводили лошадей, в кладовой хранилось большое количество военного реквизита всех родов войск. Словом, скучать у Рубо не приходилось. Ученики жили как бы одной дружной семьей, зараженные энергией и динамикой своего учителя. Франц Алексеевич полюбил Грекова за талант и трудолюбие. И вот наступает момент, когда он приглашает ученика помочь ему в работе над панорамой. Об этом вспоминает сам Греков: «В мастерской Франца Алексеевича Рубо я начал знакомиться с баталией и с панорамным искусством вместе с Авиловым и Добрыниным. Мы работали в качестве помощников Рубо по реставрации».

Вскоре, в 1908 году, в Петербург привезли панораму Рубо «Оборона Севастополя», и опять учитель приглашает ученика в числе прочих принять участие в установке этого грандиозного холста и в спискивании его с предметным натурным планом. 15 метров по высоте и 115 метров по длине — вот размер холста. Мастерство потрясло Грекова до глубины сердца. Он решает посвятить свою жизнь созданию произведений этого увлекательного жанра. Его душа художника-баталиста была разбужена, и отныне он посвятит себя этой теме. Но путь любого большого художника не бывает усыпан одними розами. Так и у студента — настала пора писать диплом, но, как назло, Рубо выполнял очередной заказ и отсутствовал.

Тут еще раз сказалась крепкая натура Грекова. Он храбро выбрал тему для диплома — «Пугачев». Учитывая время—1911 год, это было рискованно. И все же мы видим эскиз будущей картины — Пуга-

М. Греков. 1882—1934. ТРУБАЧИ ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ. 1934.

ОБОРОНА ЦАРИЦЫНА. Фрагмент панорамы. 1933.

М. Греков. ТАЧАНКА. 1933.

М. Грек

М. Греков. НОЧНАЯ РАЗВЕДКА. 1924.

ОТБИТЫЙ У ДЕНИКИНЦЕВ АНГЛИЙСКИЙ ТАНК. 1924.

чев с группой товарищей мчатся по предвечерней дикой степи. Сумрак. Гулко звенят копыта. Впереди долгий нелегкий путь. Над мглистой далью — зловещее марево... Весь холст напоен энергией движения, романтикой исторической были. Но картине не суждено было увидеть конкурса... Кто-то из друзей все же уговорил художника не воскрешать образ крамольного вождя. Греков пишет еще два варианта, но они при всех своих достоинствах. чем-то не устраивают художника, и он едет к отцу на Донщину, где и находит наконец тему, ставшую окончательной для конкурса. Он временно отходит от батального жанра и пишет саму сегодняшнюю крестьянскую жизнь, со всеми ее невзгодами, во всей горькой неприкрашенной правде.

«Волы в плугу». Быт трудового казачества. Полдень. Три пары волов согнулись под невыносимой тяжестью ярма. Зной. Пыль, жара...

22 декабря 1911 года Греков получает диплом и звание художника.

Греков сразу после диплома начинает энергично писать картину за картиной. Вот что вспоминает он: «...Когда я должен был из мастерской выйти в жизнь, для накопления опыта и знания, я располагал для работы только одним годом, который принес мне некоторый успех и ободрил меня на моем художественном пути. Я получил на «Весенней» выставке в Академии художеств две премии. В 1912 году Академия художеств с «Весенней» выставки назначает мою картину «На Выборгской стороне» на международную выставку в Мюнхене. В этом же году приобретают мою картину с выставки в Лондонский городской музей. Но в это время я должен был отбывать воинскую повинность...»

Быстро промелькнуло время военной службы, и вот сразу по демобилизации Митрофан Борисович получает заказ на картины из боевой жизни. Кровопролитные бои, стремительные атаки, смертельные поединки с врагом. Все это выписано сдержанно, сурово, без ложной аффектации. Окончив этот серьезный труд, художник вновь едет на родину, на Дон, а оттуда — на Кавказ, который давно привлекал к себе Грекова. Но судьба вмешалась в творческие мечты и планы живописца. Образы гор, стремительных, бурных рек, мрачных ущелий не были запечатлены.

«В 1914 году, — вспоминал художник, — по первой мобилизации я попадаю нижним чином на германский фронт и на много лет лишаюсь возможности заниматься живописью». В 1915 году Грекова отзывают в гвардейский Атаманский полк, где он раньше служил вольноопределяющимся. Вскоре полк выступил на фронт. В боевом приказе командира было сказано: «...Близится час нашей встречи с врагом. Ваши предки под командой славного Атамана Платова 100 лет тому назад удивляли мир своими действиями на полях брани».

...Прослужив в нижних чинах, он постиг всю жестокую правду первой мировой войны. Находясь в гуще солдат, будучи в самом котле страшных сражений, видя стонущих от смертных ран и погибающих товарищей, Греков мужал и креп как гражданин и художник. Он распознал цену некоторым царским генералам, ощутил весь ужас газовых атак и артобстрела врага... Все, все примечал зоркий глаз художника, и походный альбом, с которым он не расставался, доносит до нас опаленную войною землю, израненную окопами и воронками, сгоревшие деревни и образ русского солдата — героя боевых будней. Рисунки мастера отличала правда реалиста. В его эскизах бой — это труд, кровавый, тяжкий. Это не залихватский парад, который иногда изображали присяжные живописцы. Греков набирает бесценный материал для будущих композиций, правдивый, терпкий, порою жестокий. Первые холсты, созданные в пятнадцатом и шестнадцатом годах, рисуют картины боевой жизни во всей их страшной наготе — войны жестокой, антинародной.

Вскоре хворь надолго укладывает молодого художника. А в марте 1917 года Грекова по состоянию здоровья увольняют из действующей армии... Годы, проведенные на фронте, сформировали духовно Митрофана Борисовича. Он зримо ощутил всю бессмысленность этой войны, и кисть мастера, соприкоснувшись с истиной, возмужала, стала крепче и суровее.

Назревало рождение новой эпохи в жизни России...

Греков, приехав на Дон, оказывается в кольце контрреволюционных войск атамана Каледина. Вот горькие строки, написанные живописцем: «Семья моя в то время жила в деревне, на родине в Донской области, куда я поехал, стремясь после длительного перерыва пописать с натуры. Но вскоре развиваются события, которые отрывают меня от работы. Против фронтового правительства Подтелкова, опираясь на пришедших немцев, поднимаются контрреволюционные силы. Проехать в Петроград, куда я предполагал вернуться после работы, уже было невозможно».

Наконец мастеру удается уехать в Ростов-на-Дону, но и здесь было не слаще. За время существования белых на юге ни о какой художественной жизни говорить не приходилось. Конечно, он не был революционером-профессионалом, понимающим все пружины действующих сил, но талант, зоркость дали понять художнику всю трагедию Дона, так ярко описанную Шолоховым. Поэтому, когда наступила пора и черные силы антинародного движения бежали, кисть и палитра Грекова были совершенно готовы к отображению классовых боев. Он знал, знал доподлинно цену «этим господам» и горячо любил «черную косточку» — народ. Его полотна созданы в тот период, когда весы истории порою колебались, может быть, всем не до конца было ясно, «кто кого». Греков не сомневался, отважно показывая в своих картинах глубину духовного падения белых армий, которое он так зримо ощутил во время своего бытия. Однако в чуткой душе художника уже жила мечта — прославить подвиги молодой героической Первой конной. Картины Грекова «Стремительный натиск» и «Красноармейцы врываются в станицу, занятую деникинцами» — это уже новь! Здесь он полностью дает волю своему мастерству баталиста. Динамика, колорит, ракурс — весь свой недюжинный опыт вложил живописец в эти небольшие по размеру, но очень объемные по смыслу полотна. Свои. Родные. Освободители... Вот смысл картин. В них светит жаркое южное солнце, пылают яркие краски. Образы красных бойцов суровы и мужественны.

1920-й. Части Красной Армии на подступах к Новочеркасску. Наступает конец власти белых. Паника в стане врага.

Предлагают бежать за рубеж и Грекову. Вот что рассказывает художник о тех днях:

«Но вот приближался фронт гражданской войны. Шла агитация, что большевики всю интеллигенцию уничтожают. Многие учителя пошли отступать пешком за бегущими на юг белыми. Я не хотел соединять свою судьбу с теми, от кого я всю жизнь видел только оскорбления и унижения. И по убеждениям и по взглядам я не был с ними, и я никогда не верил в движение белых. Я решил остаться...»

Никогда он не забудет ночь на 7 января 1920 года, когда лава красной конницы на плечах врага врывается на пылающий мост, как зловеще дымят на белом снегу неприятельские танки... Через пять лет все это найдет свое блестящее пластическое выражение во всем известном полотне.

Наступило утро. И вместе с цокотом копыт, пением труб и рокотом барабанов вошли в город радость и свобода. Греков ликовал. Он восторженно пишет: «После германской войны, какой-то фальшивой, казенной, почувствовалась настоящая, волнующая, затрагивающая за живое жизнь».

Наконец Греков может петь во весь голос, он не чужой, не «лишний человек».

Вскоре случилось то, что не могло не произойти: Греков вступает в ряды Красной Армии. И с этих дней все его творчество отдано безраздельно ей, ее победам и героическим свершениям. «Но самое главное, что сулило будущее,— пишет мастер,— это то, что в Красной Армии интересовались искусством. На него смотрели серьезно, и мы, художники, получали какую-то значимость».

Первой из его картин была «Вступление полка имени Володарского в Новочеркасск». Греков рассказывал: «В это время я написал несколько вещей, которые были в двадцатом году первым живописным украшением первого рабочего клуба в доме бывшего дворянского собрания. Одна из этих вещей сейчас в Музее Красной Армии — это занятие Новочеркасска пехотным полком имени Володарского...» На маленьком листе фанеры (а не на обычном холсте) написано это драгоценное по своему значению произведение. ...Город открыл свои просторы победителям. Привольно, широко дышится в этом снежном пространстве. Только-только схлынула с улиц зловещая свора белых, и следы на искромсанной дороге дают возможность представить себе страшную картину отступления. Художник увидел и написал этот момент. Части красных на миг встали. И в минуты к ним прильнули люди, народ, который их долго ждал. Просто, естественно написана сцена встречи. В ней весь Греков — прямой, открытый. И что очень важно в искусстве, тем более в батальной живописи, Греков — художник, знающий, перечувствовавший все то, что он пишет. И это, пожалуй, одно из самых главных и бесценных его качеств, которые помогли ему дальше создать сонм картин, отразивших целую эпоху из жизни борющегося народа. Это мог сделать только истинный сын народа... Но назвать некоторые узловые, ставшие хрестоматийными полотна нужно.

...Лютый мороз. Буран. Снежная пурга врывается в ряды отступающих. Зловещий вечерний закат багряными полосами метит последние дни жизни белой армии — кучки отщепенцев, не понявших, ненавидящих свой же народ. Стынут офицерские полки, не помогают ни башлыки, ни поднятые воротники... Коченеют, замерзают отборные белые силы. Метет поземка. Впереди ночь. Без сна. Без надежды... «Отверженные»... Так назвал Греков этот холст, в котором звучат лучшие традиции русской реалистической школы. Сила художественного воплощения в знании автором корниловцев, в личностном к ним отношении. Этот холст мог написать только современник и очевидец...

«В отряд к Буденному»... Шедевр написан в 1923 году. Начало легенды... Первый ручеек, создавший позже неодолимую, властную, непокоримую реку. Человек идет защищать свою правду. По бескрайней, первозданной степи движется всадник. Он неспешно прикрепляет красную ленту к шапке, загорелое суровое лицо погружено в глубокое раздумье. Позади рисковый путь. Кони устали. Обвисли плечи седока. Но привычен человек к жаре, долгой дороге, многое повидал и передумал. И теперь у него один путь... И с него он не свернет... Потому так четок, скульптурен силуэт. Он будто вылеплен щедрым донским солнцем. Ничего лишнего, плакатного, бьющего на эффект нет в этой картине. Наоборот, художник убрал все мешающее рассмотреть главное — Человека. Потому так незаметно утонула в сизой мгле степь, став идеальным фоном. Потому так коротки и тревожны тени на земле, подчеркивающие внутреннее движение.

...Ночь. Луна. Безмолвная станица. Где-то вдали горят огоньки окон. Кто в станице? Красные или белые? Тишина. На снегу следы колеи. Земля, бурая от прошлогодней травы. Два коня. У крайнего домика с таинственно алыми огнями в окнах — фигура разведчика. Тайна и тревога объемлют картину. Еще миг — и взорвется призрачная тишина, и грянет первый выстрел. Так тихо, что, кажется, слышишь стук горячего молодого сердца бойца-разведчика, притаившегося у окна. Опасность, безмолвие, тайна. Все это передал художник в картине «Ночная разведка», созданной в 1924 году...

В том же году написал еще один «лунный» мотив. Но если в первой картине, «Разведка», все полно ожиданием, то вторая картина могла называться «Развязка». Холодный саван смерти окутал степь. Лунно. Посверкивает хрусткий наст. На снегу, задавив все,— огромное черное чудовище — танк. Чужой пришелец. Он мертв. Как мертвы его защитники и хозяева. Только не заметенные пургой глубокие следы на снегу ведут немой рассказ о жаркой схватке, о битве, которая бушевала здесь час-два тому назад... Сейчас тихо на этом залитом луной кусочке планеты. Жутко раскинулись трупы. Умолкли яростные крики. Не слышно грохота выстрелов. Тишина... Только воет, воет поземка, и равнодушно светит далекая луна. «Отбитый у деникинцев английский танк». Холст, вмещающий в себя всю драму белых в гражданской войне с их волчьей ненавистью, с пустыми и фальшивыми надеждами на «помощь оттуда»... Все, все рассказал мастер в простом пейзаже, «лунном этюде», если хотите... Такова сила реализма.

Словно из бронзы отлита картина Грекова «Красное знамя

в Сальских степях». Так эпически построена композиция картины. Золотая светлая заря залила вечернюю темнеющую степь. Свежий ветер гонит легкие облака, чуть колышет знамя, острым копьем воткнувшееся в небо. Стяг горит нестерпимо ярким багрово-алым цветом. В нем жар юных сердец, вся непокоримая сила горячей людской крови, мощь веры в победу. Поэтому так сплотились люди, всадники у красного знамени. Тянется сизый дымок от догорающих походных костров. Скоро бой. И сейчас, в эту минуту клятвы, все будто замерло на какой-то миг. И старый и малый не сводят глаз со стяга — символа победы и правды. Застыли тачанки, готовые к бою, замер сверкающий клинок в руках Буденного. Еще мгновение, и торжественная тишина разорвется от многоголосого клича, от грохота тачанок, от ржанья коней. Художник запечатлел миг торжественный и единственный, как единственна и неповторима каждая минута нашей жизни. Картина песенна и былинна в самом высоком смысле этих слов. В ней есть и тревога, и восторг, и порыв. В ней нет одного — неправды, ложного пафоса и ходульности.

«Тачанка. Пулеметам продвинуться вперед!» Этот холст, написанный в 1925 году, являет нам пример органического соединения романтизма и реализма или, если хотите, своеобразного «романтического реализма». Раскаленная добела стерня. Бескрайние, почти мифические дали степи. Над жародышащим простором свинцово-седая мга, древняя, как сам мир. И вот из этого пекла, подобно стреле, пущенной из богатырского лука, вдруг вылетает упряжка коней. С грохотом разрывая вековую тишину, летит навстречу бессмертной славе тачанка — дочь гражданской войны, сеющая ужас и смерть в стане врагов. Эта античная квадрига, которую ведут не шлемоблещущие боги, а чумазые, озорные, пыльные и израненные красноармейцы, герои, воспетые в песнях и поэмах, живые, неумирающие, как вечен сам народ. Они, эти герои гражданской войны, не боясь ни черта, ни дьявола, ни огня, являлись подобно грому с ясного неба, налетая, как смерч, уничтожая все на пути... И, казалось, нет силы, способной остановить стремительно летящую тачанку, грозную для врагов — провозвестницу наших «катюш» и ракет, ныне ставшую преданием и легендой!

Можно исписать десятки страниц, анализируя композицию, заставляющую поверить в реальность этого движения-полета. Но можно ли объяснить словами мерный накат волн, порыв ветра, сверкание солнца? «Тачанка» правдива и необъяснима; она проста и сложна, страшна и весела. Казалось, что она несет смерть, но ты веришь, что она несет жизнь!

Такова сила великого искусства. И как мизерны и жалки попытки мудрецов от искусствоведения, пытающихся доказать старомодность и «реакционность» искусства, изображающего жизнь во всех ее проявлениях, и прославить «мастеров», создающих мертвые, зашифрованные схемы.

Батальные картины Грекова бесчисленны. Они многофигурны, сюжетны и, если хотите, предельно информативны, настолько досконально знал художник обстановку воссозданных им боев. И перед его полотнами можно только склонить голову в немом восхищении — столько таланта и мастерства вложено в эти служащие делу народному образы. Я позволю себе остановиться на одном из батальных холстов, написанном в 1931 году.

«Чертов мост»... Как рождается подвиг? Как звучит струна, готовая вдруг оборваться на самой высокой ноте, но вопреки ожиданиям остающаяся звучать вечно? Как?.. Хрупкие мостки в две доски, рассчитанные на пешеходов. По ту сторону крутого и бездонного оврага — тайна. Ржет, упирается, не хочет идти на мост гнедой шалый конь. Но человек упрям. Он зовет и тянет коня на зыбкие доски. Тысячи людей застыли в тени склона крутых холмов. Позади тяжкий поход... В пыльном мареве тает сизая даль. Беспощадное солнце осветило эту сцену и, подобно вспышке, остановило мгновение, ставшее вечным. Сейчас двинется армия. И только историки вспомнят тот день и час, когда мужество и отвага человека победили страх, а значит, победили саму смерть. Так вдруг, выношенный самой матерью-жизнью, рождается «обыкновенный случай», который после обозначается как подвиг. Все просто, не так ли? Всего лишь победить страх смерти...

Есть еще одна картина у Грекова, о которой нельзя не написать, потому что подобного не создавал никто. Это поистине страница, которую нельзя повторить. И дело не в том, что огромные, многофигурные батальные сцены писали Рубо и другие славные баталисты. Да. Они писали отличные панорамы и картины. Но Греков потому и Греков, что он оставил неповторимый свой след в искусстве. След очевидца. Не прохладного наблюдателя, а пристрастного и влюбленного современника событий, им изображаемых.

Солнцем победы, сиянием успеха пронизан один из лучших холстов советской живописи, созданный Грековым в 1934 году: «Трубачи Первой Конной Армии». Есть мгновения в жизни, когда весь ужас, вся накипь суровых будней будто исчезают, и вот настает миг, в котором, как в радуге, отражен пафос времени, его удача, восторг, восхищение подвигом друзей и, наконец, атмосфера праздника, который еще не обозначен в календаре. Таковы «Трубачи». И пусть марш, который они столь истово исполняют, написан век тому назад и создан для иных людей. Пусть. Взгляните на этих белых, трепещущих от музыки коней, на багровое живое знамя, на плывущие в солнечной кипени облака, неистово орущего что-то командира и самих героев-трубачей, и вы забудете все: ваш возраст, хвори, досады,— вас охватит ребячий восторг, и вам захочется бежать, бежать вприпрыжку за этими бравыми молодцами, пусть пестро одетыми, пусть чуть-чуть озорными.

Греков не только создал великолепную галерею картин. Он оставил после себя школу советских художников-баталистов. И пусть ему не суждено было осуществить свою мечту — панораму «Перекоп», но он поистине стал духовным отцом и учителем десятков наших живописцев, создавших многочисленные батальные панорамы и диорамы. Недаром его имя носит Студия военных художников.

Митрофан Борисович Греков. Художник-реалист, великий патриот останется в веках, как мастер, писавший только правду — саму правду!

ДАВАЙТЕ ЗАСЕДАТЬ...

К. БАРЫКИН

Телефонограмму от имени заместителя министра передали заблаговременно. Затем звонили из пресс-центра министерства, спрашивали: кто приедет на совещание? В назначенный день, без пяти девять утра, я был в условленном месте. Почти все уже собрались. Человек пятьдесят, прикинул я. Наконец, автобус подошел.

Мы подождали еще минут пять, а затем тронулись в путь. Вскоре оказались на магистрали, ведущей за город.

Но вот мы уже деловито поднимаемся по ступеням парадной лестницы, затем заполняем коротенькие анкетки (кто и откуда приехал).

И вот входим в зал.

В десять сорок пять председательствующий сказал: «Приносим извинения за опоздание автобуса. Мы потеряли полчаса, но надеемся активной работой наверстать упущенное...»

Формула эта—«наверстать упущенное» — не нова. Она даже стала штампом. Поэтому мы не всегда задумываемся над сутью в основе своей неверного посыла — нагонять, наверстывать время. Как же можно — нагнать прошедший час? Ведь он прошел.

Между тем председатель обратился к докладчику: «Сколько вам потребуется времени?» И, как мне показалось, был несколько удивлен, услышав: «Примерно полчаса».

— Пять минут прибавим, для надежности.— Щедрость ведущего начала проявляться сразу же.

Однако докладчик уложился в двадцать пять минут и успел за это время сказать все, что считал нужным.

...Своими заметками я не собираюсь анализировать существо доклада. Я говорю об организации самого совещания и поэтому сразу перехожу к содокладу, который оказался затянутым и — как бы помягче сказать? — несколько неаргументированным. Многие в зале переговаривались между собой, не слушая оратора.

Нескладность ситуации объяснялась просто: содокладчик не знал, перед кем он выступает. Здесь были химики, текстильщики, специалисты по полиграфии, да и журналистов приглашали.

И вот тут-то автобусный попутчик шепотом спросил меня: «Теперь понимаете, почему нас увезли из города?»

Я не понимал и признался в этом.

— Да все проще простого... Кто же там, в городе, стал бы дослушивать такое сообщение? Разбежались бы, вернулись на свои рабочие места. Или заглянули бы в ближайшее кафе. А тут никто и не знает, где ближайшее кафе. А до города — несколько десятков километров.

Тогда-то я и решил заняться арифметикой. Пересчитал всех, кто был в зале. Пятьдесят пять человек. Но это еще не ответ на мою задачу. Спросил соседа: «Какая у вас зарплата?». Он удивленно посмотрел на меня: «Двести двадцать рублей». «А у них?» — показал я на сидящих в зале. «В среднем, думаю, около двухсот рублей».

Я перемножил дневной заработок на число участников совещания. Включившийся в эту операцию сосед не без юмора заметил: «Зачем же так занижать стоимость совещания?» Оказывается, несколько участников сегодняшней встречи приехали из других городов: из Киева, Клина... Билеты, командировочные, гостиничные... Получалась кругленькая сумма. А кто будет платить?

Организаторы совещания потратятся только на автобус. Все остальные денежки выложат другие ведомства, пославшие своих представителей. Кроме того, останется несделанной (или сделанной спешно?) та работа, от которой оторвали поехавших на совещание.

...Мне вспомнилось интересное предложение видного советского экономиста, профессора Г. Х. Попова, который как-то порекомендовал относить такие командировки и вызовы на счет ведомства, проводящего совещание (коллоквиум, симпозиум, семинар). Ученый исходил из того факта, что совещание — это весьма дорогой вид служебной деятельности, что он имеет определенную денежную стоимость.

В мои планы не входит анализ деловитости прошедшего совещания, определение коэффициента его полезного действия. Мне представляется, что он невысок. Однако более точно об этом можно будет сказать через несколько месяцев, когда появится возможность проверить выполнение всего намеченного там.

Без деловых, хорошо организованных, продуманных совещаний не обойтись — никто, думаю, с этим спорить не будет. Своими же заметками я хотел бы предложить тем, кто намечает и проводит эти деловые собеседования: возьмите на себя труд подсчитать ту экономическую выгоду (и экономические потери), которую они сулят. И соизмерьте эту выгоду с той, которую они принесли в действительности.

Словом, давайте не только заседать, но и считать... В наш век все поддается подсчету. Поэтому мы призываем провести совещание, посвященное экономике совещаний.

...Звоню начальнику одного из управлений Харьковского облисполкома. «Он на совещании»,— отвечают мне.

— Когда оно закончится?

— Кто знает, ведь это совещание...

Напомнить стихи Владимира Маяковского? Или они и без того всем хорошо известны?

Это самбо.

ЭТА ИНТЕРЕСНАЯ ШКОЛА

Марк БАРИНОВ

Фото Г. Розова

ДВЕНАДЦАТЬ Д'АРТАНЬЯНОВ

Парнишка непоколебимо стоял, чуть наклонив голову и вытянув вперед руки. А на него надвигались один за другим здоровые ребята с угрожающим видом. Сколько их? Пять... семь... десять. И тут началось! Артистически изящными, неуловимо стремительными движениями наш маленький герой швырял через себя этих здоровяков. Ни один из них не успевал ни схватить, ни ударить смельчака.

В зале пронесся вздох восхищения. А сидели здесь школьники, понимающие толк в ребячьих драках. Но такого они не видели никогда!

— Вася Иванов. Шестой класс. Занимается второй год,— тоном спортивного комментатора проговорил стоящий на самом краю сцены молодой человек, похожий на д'Артаньяна.

Так я впервые увидел знаменитого самбиста, многократного чемпиона СССР, чемпиона мира Давида Рудмана и его учеников.

— Прямо циркачи, акробаты!— рассуждал в перерыве какой-то паренек.

— Циркачи не дерутся, а этот — смотри как их! — В голосе другого прозвучала неприкрытая зависть.

— Они и не дерутся. Это борьба, спорт,— солидно пояснил первый.— И потом циркачи — это работа, а тут такие же, как и мы, школьники.

— Школьники!— не сдавался оппонент.— А ты видел, какой у них учитель? Чемпион!

Перерыв окончился, и мы отправились в зал на второе отделение показательного выступления. Юные самбисты предложили разнообразную программу. И встречный бой с применением сложных приемов, и победа безоружного над вооруженным, и еще много такого, отчего зал то взрывался аплодисментами, то замирал в безмолвии. В конце учитель представлял учеников — московских школьников и их тренеров. А потом назвал их снова, перечисляя спортивные титулы, количество побед, участие в соревнованиях. И этим нас совершенно «добил»: оказывается, выступали мастера, чемпионы, самбисты высочайшего класса. И тем не менее школьники. Так закончился тот памятный вечер в Центральном Доме работников искусств. Я тут же решил познакомиться поближе с этими ребятами.

Самбисты — их было двенадцать — складывали свою боевую одежду: просторные холщовые куртки, брюки и готовились к отъезду. Я спросил Рудмана, что представляет собой его школа, предполагая, что она такая же, как и сотни имеющихся по всей стране спортивных детских школ. Но ошибся.

— У нас она необычная,— ответил собеседник.— Вернее, у нас две школы, а еще точнее — двойная школа: общеобразовательная и спортивная. Вместе...

— Спецшкола со спортивным уклоном?— догадался я.

— Нет, нет,— возразил он.— Не спецшкола, а, как бы это сказать, одна школа, вставленная в другую.

Ребята торопливо собирались, и я, поглядывая на них, не мог не приметить, что все они разные — и обличием и возрастом, а в чем-то похожи на своего учителя. Может быть, ловкостью, сдержанностью, изяществом движений. Я отметил это про себя как важный и многозначительный признак: нарочито не подражают и все же похожи.

«Как это: одна школа, вставленная в другую?» «Приезжайте, увидите». «Но для чего это нужно?» «Так интереснее...» «Кому?» «Всем. Тренерам, педагогам, самим ребятам».

Разговор остался неоконченным, и я твердо решил побывать в этой «двойной» школе.

«КЛАСС, СМИРНО!»

Школа сразу производит впечатление. Ничего броского, яркого, рассчитанного на внешний эффект. Но, как только я вошел сюда, почувствовал, что нахожусь в солидном доме, хозяева которого любят и уважают друг друга, свои занятия и место своего обитания. Об этом говорил и запах краски и свежевымытых полов — ребята и педагоги своими силами подготовили школу к осени. И немно-

гие необычные детали внутреннего устройства и убранства: отделанные рейкой и обожженные паяльной лампой двери на первом этаже и выполненные чеканкой заголовки доски объявлений, стенгазеты, специального информационного стенда «Самбо». Нельзя было не ощутить спокойный, дружелюбный тон общения между собой обитателей дома. Во всех без исключения помещениях — поистине корабельная чистота. Боясь обмануться в своих оценках, я сунул нос в такие закоулки, куда гости обычно не заглядывают.

...Я был здесь и в пору «страды» — школа готовилась к выпускному вечеру. Уходили в большую жизнь десятый «А» и десятый «Б». Шестьдесят ребят — спортсменов, самбистов.

...В просторном директорском кабинете беседую с Галиной Федоровной Магницкой. Второй директор — Давид Львович Рудман — отсутствует. Он с группой ребят на летней спортивной базе. Магницкая рассказывает, а я слушаю и размышляю.

В общем-то, в истории школы № 8 Октябрьского района Москвы с точки зрения здравого смысла и житейского опыта ничего удивительного нет. Хотя она и в самом деле необычна.

Галина Федоровна говорила о Рудмане. И хорошо, что без него самого. Потому что, когда дело касается самого главного в жизни, самого сокровенного, то лучше всего свидетельствуют их результаты, или другие люди. Друзья. А в том, что они друзья, убедиться было совсем нетрудно.

Чемпион мира по самбо был строителем. В аспирантуре учился. И чемпионские лавры ему не мешали, потому что он никогда не считал, будто самбо — дело его жизни. А когда произошла «роковая» встреча с подростками, то Рудман и не догадался, что это за встреча. Собственно, ничего особенного, просто он в свободное время начал понемножку заниматься с ребятами любимым спортом. Сперва во дворе, потом в кружке, потом в клубе, который сам организовал. И довольно быстро обнаружил, что произошло неожиданное: он нашел свое призвание! Быть учителем, работать с ребятами. Очень скоро он понял, что ни кружок, ни клуб, ни даже обычная спортивная школа, куда ребята ходят в свободное время, после занятий, его не устраивает. Он не ставил перед собой цель — готовить мастеров и чемпионов. Его цель была проще и выше: он стремился к тому, чтобы его ребята воспринимали спорт, самбо органично, как воздух, пищу, чтобы они жили в спорте так, как живут ежедневно и ежечасно в школе.

Примерно так родилась его идея создать школу самбо в недрах школы нормальной, общеобразовательной. При этом он прекрасно понимал, что если не зачеркивает собственную карьеру в большом спорте, то, во всяком случае, значительно ограничивает ее. Но... призвание! Так обстояли дела с директором спортивным.

У Галины Федоровны судьба иная. Она директор и педагог с солидным стажем. В пору возникновения «двойной» школы она была председателем комитета профсоюза работников народного образования Октябрьского района столицы. Проработав несколько лет в отрыве от школы, все чаще мечтала вернуться в этот шумный, беспокойный мир. Нужен был только какой-то толчок. Он и произошел.

В начале семидесятых годов в Октябрьском районе ощущалась потребность в создании спортивной школы. Речь шла о юго-западной части района, где велось большое жилищное строительство и один за другим возникали новые кварталы. А тут получилось так, что совсем рядом оказались две общеобразовательные школы: № 9 и та, которая теперь имеет номер 8. И вот тогда-то исполком Октябрьского района принял необычное, но вполне логичное и разумное решение. В одном здании, где учатся 450 мальчиков с пятого по десятый классы, при наличии одной партийной, одной комсомольской и одной профсоюзной организаций, одного педагогического совета в одном здании разместились две школы с двумя директорами, Г. Магницкой и Д. Рудманом, руководящими на коллегиальных началах, с двумя составами педагогов — общеобразовательного профиля и спортивного. При этом «нормальная» школьная программа не убавилась ни на час, но к ней добавились ежедневные четыре часа самбо.

— Ну и какие результаты?— спросил я у Магницкой.

— Самые положительные. Ребята очень любят спорт.

— Но то спорт, а я спрашиваю о занятиях по общеобразовательным предметам!

— Давайте сперва уточним, что дает нашим ребятам спорт. Кроме физической закалки, он формирует такие качества, как мужество, смелость, целеустремленность. Он требует терпения и планомерных тренировок. И вот в результате пятилетних занятий самбо эти требования прочно входят в психику юноши и становятся частью его характера. А человеку, обладающему такими чертами характера, значительно легче дается труд познания. Следовательно, серьезные занятия спортом ведут в конечном счете к значительно более глубокому овладению школьными предметами. И еще одно соображение. Вы, очевидно, знаете о такой угрозе современному человеку, как гиподинамия. Научно-технический прогресс, освободив нас от большинства физических нагрузок прошлого, вызвал многие недуги: от простого ожирения до сердечно-сосудистых неприятностей. Все знают имя «спасательного круга» — физкультура. Но нам все некогда, мы живем в условиях острого цейтнота, а точнее, далеко не всегда можем организовать свое время, заставить себя заниматься физкультурой. Планомерные занятия спортом, возведенные в такую систему, как у нас в школе, служат отличной защитой от гиподинамии.

— Это в вашей школе, а потом, когда они придут в «большую жизнь», в ту самую обстановку острого цейтнота? Бросят, забудут?

— Вряд ли. Ведь мы говорим о формировании основополагающих черт характера. А характер — стойкий комплекс. Мы знаем немало взрослых людей, которые успешно сочетают систематические занятия физкультурой с успешной производственной деятельностью. А все начиналось в детские годы. Вы скажете — это единичные примеры. Но у нас система.

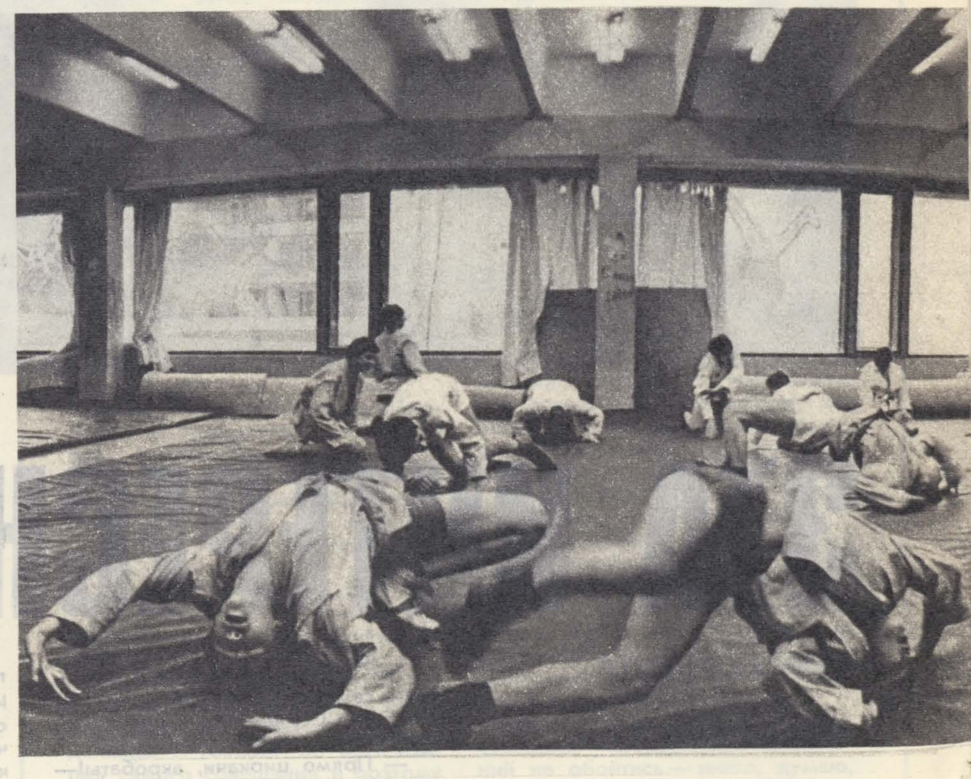
— В стране много всевозможных спортивных учреждений для подростков: кружки, секции, школы, детские стадионы и так далее...

— Наш опыт утверждает, что повседневное сочетание общеобразовательной подготовки с обязательной спортивной дает неизмеримо больший эффект. Ведь в названных вами добровольных организациях все зависит от личного желания ребят. А физкультура требует хоть и небольшого, но постоянного стимулирования и контроля. То, что обеспечивает система занятий в нашей школе.

— А как сказывается «двойная» школа на учебном процессе?

— У нас нет извечной проблемы дисциплины. У нас просто все дисциплинированны. На тренировках капитан — он же староста класса — выстраивает класс на линейку и рапортует тренеру. Очень быстро традиция рапорта привилась и на занятиях по общеобразовательным предметам. Теперь, когда я прихожу на урок — я преподаю географию,— меня встречает класс, выстроенный в шеренгу. Капитан подает команду:

На ковре наши.

Тренировка.

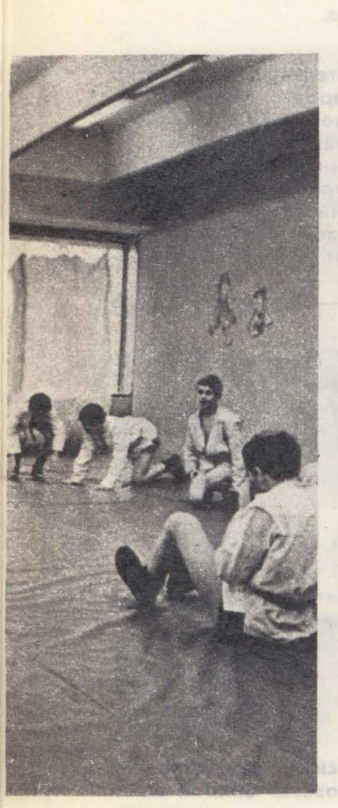
«Класс, смирно!» — и рапортует мне: «Товарищ учитель географии, класс к занятиям готов!» Понятно, что после такого начала урока сразу возникает нужный темп и ритм занятий. Авторитет капитана, лучшего ученика и лучшего бойца в классе, непререкаем. Класс — одна команда. Здесь болеют «один за всех — все за одного» не только на постоянных у нас соревнованиях, но и на уроках. Все это способствует тому, что уже в шестом-седьмом классах формируется крепкий, исключительно дружный коллектив с высоким чувством ответственности. Человек, знающий школу и ее проблемы, понимает, насколько легче работать с таким коллективом.

И еще — здоровье. Курение — бич школы. Дело осложняется тем, что для подростков это не только вредная привычка, но и способ, так сказать, утвердить себя в качестве взрослого. Доходит до того, что в некоторых школах выделяются специальные места для курения старшеклассников. У нас школьники не курят. Можете сами сделать из этого факта соответствующие выводы.

— И что же, многие из ваших выпускников идут в большой спорт?

Галина Федоровна улыбнулась:

— Поговорите с ними сами. Кстати, сейчас собрался выпускной десятый «Б».

...И горечь поражений.

ОНИ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

Поздоровались, познакомились друг с другом. Тридцать пар глаз обращены ко мне, а я во все глаза смотрю на них. Есть такое определение — «спортивный». Оно обозначает: собранный, ловкий, внимательный, готовый к немедленному действию. Именно такие ребята сидели передо мной. И тут я подумал, что такими вот должны быть школьники эпохи НТР, когда требуется и глубина знаний, и крепкое здоровье, и собранность, и внимательность. Именно такими они должны быть, чтобы потом не требовались дополнительные курсы возмужания в армии, на производстве, в институтах. На этих более высоких ступенях жизненного пути свои большие задачи, и не дело «ремонтировать» там характеры, принимать на себя функции школьных коллективов.

— Современный школьник очень загружен занятиями. Занятия в классе, приготовление домашних заданий не оставляют свободного времени. Как вы успеваете совмещать спорт и учебу?

Ребята немного подумали, после чего поднялось несколько рук.

— Спорт помогает умению планировать свое время.

— На самом деле время есть, только большинство не привыкло жестко планировать его. А мы учимся планировать время, учимся отказываться от второстепенного.

— Но ведь надо же когда-то расслабляться...

— Днем не надо. Для расслабления достаточно ночного сна.

— И все же занятия — это труд. Вы трудитесь в школе по шесть часов, да еще минимум два часа требуют домашние занятия. То есть больше, чем рабочий день взрослого. Да еще по четыре часа самбо. Или самбо — это не труд?

— Ого! Попробуйте!

— Ясно. Так ведь в сумме получается большая нагрузка!

Тут мои собеседники не задумывались:

— Нельзя суммировать. Потому что смена умственного труда физическим — лучший отдых, лучшая зарядка. У нас с утра два часа самбо, потом школьные занятия, а после них опять спорт. Затем вечером — домашние уроки. Мы считаем такой распорядок идеальным.

— Кто из вас имеет спортивные разряды по самбо?

С некоторым недоумением все подняли руки.

— Кто имеет первые разряды? Лес рук чуть-чуть поредел.

— Кто мастера?

Оказалось, человек десять.

— Кто планирует свой путь в большой спорт?

Поднялись две руки.

— Прекрасно! Но вот вы окончили школу, и прощай, самбо?

— Ну нет! — закричали чуть ли не все хором.

Потом поднялся юноша и сказал:

— Уже несколько лет в школе каждое воскресенье — открытый ковер. Это значит, что каждое воскресенье мы проводим большое состязание экспромтом. У нас нет заранее намеченных участников. Могут выступать все желающие, и не только из школы, но и со всей Москвы. Судейская коллегия — наши тренеры. Здесь могут выступать и для зачета спортивного стажа и просто для опыта. На таких состязаниях у нас постоянно происходят встречи старых друзей, выпускников школы. И среди них далеко не все представляют большой спорт.

— Назовите главные качества характера, которые, по вашему мнению, привил вам спорт за эти годы.

— Прежде всего чувство коллективизма. Когда действуешь сплоченным коллективом, хорошей командой — никакие преграды не страшны!

Это было здорово! Они не подумали перечислять, что спорт дал им лично. Коллективизм — они почувствовали и поняли его великую силу!

ДИАЛОГ С САМИМ СОБОЙ

— Все это прекрасно. Великолепных ребят выпускает школа № 8. Но сколько мы знаем подобных примеров: интересный педагог достигает удивительных результатов, талантливый режиссер создает необыкновенный театр, выдающийся ученый в своем институте творит чудеса! Но потом уходит выдающийся человек, и становятся неинтересными школа, театр, и уже канули в прошлое открытия, которыми некогда славился институт...

— Да, так бывает, когда выдающийся человек творит сам, но не создает жизнестойкую систему. Когда же создает, дело не умирает с уходом человека. Вот как раз «двойная» школа и есть такая саморазвивающаяся система.

— Чем это можно доказать?

— Она основана на традициях общеобразовательной школы и на естественной тяге молодежи к физической культуре. Система «двойной» школы очень проста, не требует никаких дополнительных расходов и может быть предложена в качестве примера, достойного подражания. И притом в любом месте нашей страны.

— Но у нас существуют спецшколы...

— Которые нацелены на профессиональную ориентацию. А в «двойной» школе речь идет о серьезном развитии физической культуры школьника, необходимой человеку эпохи НТР на любом поприще.

— В общем-то я согласен, это интересный эксперимент, который успешно ведется уже несколько лет. Значит, можно подумать и о серьезных выводах.

СИЛА ЖИЗНЕННОЙ ПРАВДЫ

О бесславном конце белых в Крыму, о последнем и решительном бое у Перекопа, этого оплота, твердыни старого мира, написано немало. Но значит ли это, что тема исчерпана, что историки и литераторы могут поставить точку? Нет, и в первую очередь потому, что стремление понять, осмыслить подвиг народа, совершившего и защитившего величайшую в истории человечества революцию, не знает рамок. Именно это стремление присуще О. Кириллову, автору нового романа о гражданской войне — «Лихолетье».

Народ — воистину главный герой этой многоплановой эпопеи. Он пошел за теми, кто был плотью от плоти его и лучше всех знал нужды трудового люда,— за партией большевиков. Образы подлинно народных вожаков — военкома Кочеткова, который, увидев в восемнадцатом Ильича, «твердо понял свою цель, свою задачу в жизни»; прошедшего «по самой стремнине жизни» Степана Дробота, председателя местного Совета; красного командира Петлякова; чекиста Руднева; героически погибающего Панфила Грушко — позволяют автору раскрыть героический путь большевиков в революции.

О том, какие серьезные преграды стояли на этом пути, свидетельствуют и яркие портреты тех, кто отлично сознает свою роль в происходящем — любой ценой помешать утверждению народного строя. Это враги и враги не плакатные. Не «черный барон», не «гробовые вурдалаки» — перед читателем предстают не абстрактные силы зла, а вполне реальные Врангель, Деникин, Петлюра и их присные. Многолетняя кропотливая работа в архивах позволила автору использовать документы, как нельзя более ярко рисующие картину разложения «белого движения», убедительно доказывающие его историческую обреченность.

Но, конечно, белогвардейские «вожди» — это не только демагоги или ограниченные корыстолюбцы, говорит писатель. Это прежде всего умные и опасные враги, отнюдь не склонные уступать свои позиции без боя. А за спиной их стояли столь же реальные и столь же опасные представители «демократического» Запада. Доскональное знакомство с материалом дало О. Кириллову возможность подробно рассказать и о тех, кто не меньше, чем Деникин или Врангель, был заинтересован в сохранении эксплуататорского строя в России. Поняв же, что эта борьба проиграна, «бескорыстные рыцари западной демократии», прежде чем бежать с тонущего белогвардейского корабля, не забыли предъявить счет своим лакеям и нажиться на горе и страданиях России.

Судьба Сергея Русецкого, еще одна сюжетная линия романа, сродни судьбе другого русского офицера — Рощина из «Хождения по мукам». Так же долго и так же мучительно ищет он свое место в жизни. Но не стечение обстоятельств привело его в конце концов к советским представителям в Генуе. Этот выбор был продиктован всей логикой развития образа, суть которого предопределена верностью писателя правде жизни, верностью, которой он не изменяет на всем протяжении романа.

М. ОРЛОВ

Олег Кириллов. Лихолетье. М., Воениздат, 1978, 502 стр.

ОБЗОР ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ

СОРОКОВЫ

Великая Отечественная была поистине всенародной войной. Память о ней, о ее участниках передается из поколения в поколение.

«...Мы ведем поиск танкистов 3-й танковой армии, освобождавших наши края от немецко-фашистских захватчиков,— пишут в редакцию следопыты Россошанского педагогического училища.— Недавно нам удалось достать фотографию группы танкистов этой армии. Снимок сделан 14 января 1943 года, а кто на нем запечатлен, неизвестно. Опубликуйте, пожалуйста, фотографию, не может быть, чтобы погибли все, кто знал этих танкистов, воевал вместе с ними.

Просим доблестных ветеранов отозваться и написать по адресу:

Воины 3-й танковой армии.

396000, Воронежская область, город Россошь, педучилище».

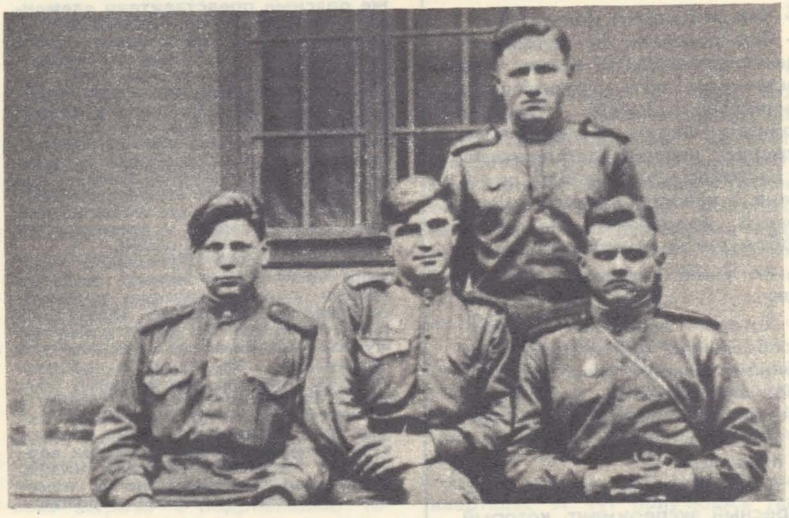
Можно надеяться, что ветераны 3-й танковой армии откликнутся на просьбу следопытов, ведь солдаты минувшей войны свято чтут свое фронтовое братство.

«Всегда радостно получить весточку от тех, с кем вместе защищал Родину, с кем вместе прошла простреленная молодость,— пишет ветеран Иван Максимович Холодилов.— Мне довелось служить в роте управления 3-й гвардейской ордена Ленина механизированной бригады 1-го отдельного гвардейского ордена Ленина и Кутузова Венского механизированного корпуса, которым командовал генерал-лейтенант Иван Никитович Руссиянов. Тем, что воевал в составе 1-го гвардейского соединения, буду гордиться до конца жизни. Наш корпус прославился в боях под Москвой, Сталинградом, в боях за Краснодон, Запорожье, Будапешт и Вену.

В 1968 году мне вручили орден Отечественной войны 2-й степени, и вот за что. Это произошло в апреле 1945 года. По заданию штаба бригады я и еще два солдата тянули телефонный провод вдоль дороги. Вдруг идут два немецких грузовика, один тащит за собой пушку. Мы не растерялись, открыли огонь из автоматов. Нескольких немцев убили, а восьмерых, с автомашинами и пушкой, взяли в плен.

Два других телефониста были не из моего взвода, имен и фамилий их я не помню. Но у меня сохранилась фотография с однополчанами. Сфотографировались мы в конце апреля или начале мая 1945 года в городе Нойнкирхен, после боев за Вену. Изза спешки я тогда фамилий однополчан не записал и теперь не могу вспомнить.

Связисты из роты управления 3-й гвардейской ордена Ленина механизированной бригады. В середине сидит И. М. Холодилов.

Увидев в журнале фотографию (я сижу в середине), может, кто узнает себя и я смогу найти и тех, кто сфотографирован, и тех, кто был со мной в поздний апрельский вечер при захвате в плен гитлеровцев и их техники.

Я живу в Усть-Каменогорске на улице Кирова, 55, кв. 39».

...Фашистские войска приближались к Сталинграду. От ожесточенных бомбежек город горел. Жители уходили за Волгу. В потоке беженцев оказались и две студентки 2-го курса мединститута, Аня Семибратова и Аня Ерошенко. Общежитие их сгорело. Они трое суток брели по дороге голодные, шатались от усталости. К вечеру свернули на какой-то проселок, и в наступившей темноте их неожиданно остановил часовой. Девушки оказались в расположении авиационно-бомбардировочной дивизии.

После проверки документов студенток накормили, устроили переночевать. Накануне здесь поработала немецкая авиация, и 689-й батальон аэродромного обслуживания (БАО) понес потери. Поэтому на другой день командование батальона по просьбе девушек зачислило их солдатами. Бывшие студентки быстро овладели специальностью радисток. Служили хорошо. Аня Семибратова была избрана секретарем комсомольской организации БАО.

Воины 689-го батальона аэродромного обслуживания.

Об этом рассказывает в своем письме ветеран Отечественной войны Андрей Иванович Выговский из села Глубочица Житомирской области, проживающий в доме 88 по улице Ленина. Он хочет узнать судьбу своих однополчан.

Воинов Советской Армии — армии-освободительницы радостно встречали народы, порабощенные фашистской Германией. Простые люди оказывали нашим солдатам постоянную помощь и внимание. Об этом говорит в своем письме бывший командир отделения 5-го зенитно-пулеметного полка сержант Мария Максимовна Лещина.

«В январе — марте 1945 года наш зенитно-пулеметный полк прикрывал от авиации противника железнодорожную станцию польского города Ченстохова. Я прибыла сюда со своим отделением раньше других подразделений части. В одном из них служил мой муж. По дороге он простудился.

Марта — польская патриотка из города Ченстохова. Снимок начала 1945 года.

Временно расквартировались мы в домах местных жителей и начали рыть землянки и окопы для пулеметов. Помню, недалеко от вокзала находился какой-то завод. Я поселилась в семье рабочего в двухэтажном заводском доме. Семья была небольшая — муж, жена и дочь Марта. Очень красивая. Ее жених служил в польской дивизии имени Костюшко.

Е, ФРОНТОВЫЕ...

Эта рабочая семья приняла нас, как родных. Моему мужу нездоровилось. Ему сразу, как он пришел, нагрели воды, чтобы помыться, приготовили чистую постель. Пригласили нас к столу и угостили чем могли, хотя, конечно, и у самих с продуктами было далеко не густо. И все время пребывания нашего полка в Ченстохове (мы потом переселились в землянку) эта рабочая семья относилась к нам душевно.

Прошли годы, но я никогда не забываю эту польскую рабочую семью, особенно Марту, которая стала мне как сестра. И теперь особенно остро ощущаешь благодарность им, в суровое время поделившимся с нами домашним уютом. Помогите найти Марту! Она подарила на память мне свою фотографию. На обороте написано: «Марии от Марты. Ченстохов 1.III.45 года». И это все. Но если фотографию опубликовать в журнале, то, возможно, Марта увидит ее и вспомнит меня и моего мужа. Наш адрес: 347740, Егорлыкское п/о, Ростовской области, ул. Грицика, III. Бесединой Марии Максимовне».

Выпускники школы связи при штабе Черноморского флота. 1942 год.

Бывшие сельские учителя — воины 1-го мотополка 1-й Краснознаменной танковой дивизии (снимок сделан в Пскове 18 июня 1941 года).

«Фронтовые подруги, отзовитесь»,— просит участница Великой Отечественной войны Павлина Ивановна Руденко (девичья фамилия Нишкомаева). Она в 1942 году в группе девушек закончила школу связи при штабе Черноморского флота. Девушки — радистки, телефонистки, телеграфистки — разъехались по действующим частям флота и принимали участие в боевых операциях.

«Я теперь живу в городе Петропавловске Северо-Казахстанской области в доме № 20, кв. 28, на Интернациональной улице. Очень бы хотелось получить от них весточку. Опубликуйте, пожалуйста, эту фотографию, сделанную в 1942 году, где «мы такие молодые».

«Мы, бывшие сельские учителя, служили в 1-м мотополку 1-й Краснознаменной танковой дивизии,— пишет Федор Игнатьевич Меженцев из деревни Котково, Смоленской области.—Стоял наш полк в Пскове, и 18 июня 1941 года сфотографировались мы на память. В тот же день нас по боевой тревоге погрузили в эшелон и отправили в Заполярье. Начало войны застало наш полк на станции Алакуртн, Кандалакшское направление.

Самый трудный, начальный период Великой Отечественной войны выпал на нашу долю. Первый удар мощной гитлеровской военной машины приняли на себя бойцы кадровой службы от Баренцева до Черного моря. Потому так мало вернулось нас с войны. Судьбу своих друзей, бывших сельских учителей, а на фронте командиров, политработников, я не знаю. Так бы теперь хотелось получить от них весточку».

Бывший сержант Андрей Михайлович Рыдкин, командир поисковой группы 497-й отдельной разведроты (Волховский фронт), рассказывает в письме, как они ходили в поиск, брали «языков», как из захваченной немецкой пушки подбили самоходную артиллерийскую установку «Фердинанд».

Сфотографировал разведчиков фотокорреспондент дивизионной газеты (А. М. Рыдкин в первом ряду в середине). Рядовой поисковой группы Иван Егорович Макагон на обороте фотографии написал стихотворение о том, как бесстрашно и умело воевали разведчики. А командир 497-й отдельной разведроты капитан Мещеряков заверил это печатью: полевая почта № 41687. Вскоре Иван Егорович погиб, а через день убило и капитана Мещерякова. Погибли и многие из тех, кто запечатлен на фотографии. Но ведь кое-кто и пришел с войны.

«Где вы теперь, мои боевые друзья?» — заканчивает свое письмо Андрей Михайлович Рыдкин.

«Наша гвардейская дивизия вела бои на датском острове Борнхольм, оккупированном гитлеровцами, отрезая отход немецких войск кенигсбергской группировки,— пишет офицер запаса Николай Федорович Попков.— После освобождения острова в мае 1945 года наш полк расположился недалеко от города Аллинге возле древнего замка на берегу Балтийского моря. Рядом с нами жили рабочие и фермеры, с которыми мы, офицеры и солдаты, были в очень хороших отношениях, приглашали их смотреть наши кинокартины и армейскую самодеятельность. Они, в свою очередь, приглашали нас к себе.

Я тогда часто бывал в семье одного фермера, его дети, мальчик и девочка лет 4—5, очень привязались ко мне, а я к ним. Ребята меня звали «унзер капитанс Миколай» (наш капитан Николай). Играть с ними после всего пережитого на войне было очень приятно. На душе становилось светло и спокойно.

И вот теперь, много лет спустя, я часто думаю об этих ребятах... Как-то сложилась их судьба? Теперь они уже взрослые люди и, может, тоже вспоминают «капитанса Миколая» и русских солдат, освободивших их от гитлеровцев. Одна фотография моих маленьких датских друзей сохранилась».

А. ГОЛИКОВ

Разведчики 497-й отдельной разведроты. Волховский фронт.

Капитан Николай Федорович Попков с детьми датского фермера.

КАКАЯ ОНА, АМЕРИКА?

Геннадий КОВАЛЕНКО

Фото автора

Нью-Йорк нас встретил ясным, безоблачным небом и сутолокой своей будничной жизни.

Мы, делегация Союза журналистов СССР, прибыли сюда для участия в так называемом летучем семинаре американских фоторепортеров. Может быть, летучим он назван и потому, что нам действительно приходилось много летать, пересечь Соединенные Штаты с востока на запад и обратно, побывать на юге страны. Кроме советских представителей, был еще один гость — главный редактор английской газеты «Санди таймс» господин Гарольд Эванс.

Среди участников семинара — люди с университетским образованием, много было и студентов. Наши выступления привлекли большую аудиторию и слушались с интересом. Может быть, этому способствовал и сам маршрут семинара, так как он проводился в местах, где советских людей видели и слушали впервые.

Беседы и дискуссии с руководителями и активистами Национальной ассоциации фотографов прессы США не ограничивались рамками официальных заседаний семинара.

Конечно, когда не бываешь в стране много лет, то изменения, происшедшие за это время, сразу бросаются в глаза. Так, нам кажется, что в последнее время возросла социальная роль женщины в американском обществе. Даже среди фоторепортеров, людей этой очень беспокойной профессии, их немалое число. У одной из них, Карен Энгсрен, из фотоотдела газеты «Чикаго трибюн» мы побывали дома.

Карен много читает, очень любознательна, мечтает приехать в Советский Союз. Ее фотоочерки часто публикуются в печати.

Но среди фоторепортеров немало и таких, чей кругозор не идет дальше джаза, кинозвезд, комиксов и другой низкопробной литературы с обилием секса, уголовщины и т. д. Разговорились как-то с одним из таких. Он американец итальянского происхождения. Отлично знает историю Аль Капоне — знаменитого чикагского гангстера. Но когда мы спросили, слышал ли он о Гарибальди, он, не задумываясь, ответил:

— Конечно, слышал. Я его знаю. Это Пьетро, который играет на пианино?

Он и понятия не имел о том, что в Чикаго были созданы секции I Интернационала, что именно здесь 1 мая 1886 года произошла демонстрация рабочих, а через три года 1 мая было объявлено Днем международной солидарности трудящихся. Как тут не отметить, что двадцатисерийный фильм о Великой Отечественной войне, приковавший к телевизорам не один десяток миллионов американцев, был для многих полным откровением! Действительно «Неизвестная война», как этот фильм именуется в американском прокате!

Времена меняются. Даже испытанным фальсификаторам не удается сейчас с прежней лихостью сочинять антисоветские басни. Им все труднее даже с помощью самой хитроумной лжи заставлять американцев проникаться враждой к Советской стране. Живой интерес, а не враждебность, искреннее дружелюбие к нашему народу встречали мы в каждом городе, где побывали, в каждой семье, куда нас приглашали в гости, в беседах с американцами.

Очень многие задавали примерно один и тот же вопрос:

— Что вы ожидали увидеть в Америке, что увидели здесь?

Подтекст его нам был ясен. Насколько, мол, изменилось наше представление об Америке, когда мы своими глазами увидели, как живут у себя американцы.

Мы отвечали, что увидели примерно то, что ожидали увидеть. Многое знали по книгам современных американских писателей, экономистов, журналистов, очеркам и устным рассказам советских людей, побывавших в Соединенных Штатах.

Дело в том, что американец, посетивший впервые нашу страну, обычно заново «открывает» Советский Союз, если до сих пор он познавал его по большой прессе, радио- и телепередачам, изданным в США книгам так называемых экспертов.

Американцы интересовались буквально всем: государственным устройством и едой, которую подают на стол, и прическами наших женщин, постановкой образования, медицинским обслуживанием и т. п.

Была одна тема, где мы быстро находили общий язык. Это проблема борьбы за мир, и в частности сокращение стратегических вооружений как один из шагов по пути этой борьбы. Мне представляются радостные лица моих американских знакомых, когда они, как и весь мир, узнали о подписании в Вене Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Л. И. Брежневым и президентом США Дж. Картером Договора об ОСВ-2 и других документов. Дело в том, что «средний» американец не хочет больше жить в нервозной обстановке военных приготовлений. И он начинает сознавать, что нельзя бездействовать, имея мрачную перспективу оказаться в зоне термоядерного взрыва, что опасность войны создается монополиями, которые наживают миллиарды на гонке вооружений.

Сегодня многие из них еще наблюдатели. А завтра? Пока они колеблются, с опаской посматривают на соседа, рискнувшего заговорить, пока они еще не побороли внутренних колебаний, не освободились от пут лжи и предубеждений.

Но с каждым днем логика событий и чувство личной ответственности за развитие этих событий торопят и их заговорить. Многие из них прекрасно понимают, что есть в их стране круги, которые ставят интересы военно-промышленных магнатов выше интересов судеб человечества.

В Америке дорожает все, начиная от бензина, еды и кончая квартплатой и стоимостью собственного дома. Некоторые молодые семьи едва сводят концы с концами, от безработицы больше всего страдает молодежь. Устроиться на работу негритянскому юноше неизмеримо труднее, чем его белому сверстнику. Многие фирмы, будь то в южных или северных штатах, вообще не принимают негров на работу. Иногда под предлогом, что негр-служащий может «отпугнуть наиболее почтенных и влиятельных клиентов фирмы». Чаще всего отказывают негру в месте, не утруждая себя объяснениями. Это если негр претендует на чистый труд. Другое дело — мусорщик, лифтер, привратник или просто чернорабочий. Тут негры во многих американских городах Юга и Севера составляют большинство.

Гарлемы, олицетворяющие собой весь ужас расового неравенства, мы видели не только в Нью-Йорке, они есть во многих городах Америки.

Отвратительные жилищные условия, полунищенское существование способствуют тому, что среди жителей этих кварталов распространены пьянство, разврат, драки, преступность. Расисты используют это, говоря: смотрите, как распущенно они себя ведут, они не стремятся к культуре,— разве можно сравнить их с белыми?

В Нью-Йорке каждого иностранца предупреждают: остерегайтесь даже днем углубляться в Центральный парк — вы рискуете попасть в неприятную историю.

Предупреждают не только иностранцев. Время от времени в нью-йоркских газетах появляются предостерегающие анонсы, адресованные жителям города. Впрочем, старожил и так не пойдет в Центральный парк. Кому-кому, а ему совсем нетрудно представить «неприятную историю», которая может приключиться с ним в Центральном парке. Хорошо, если попросят «освободиться» от пальто или «подарить» часы.

Естественно, рост преступности тревожит многих американцев. Об этом сейчас много пишут и говорят. Часто в разговорах ищут причины в «падении нравов», порою называют социальные корни — трущобы больших городов, миллионы безработных и бездомных, «дурное влияние» литературы, кино, телевидения.

О телевидении разговор особый. Раньше под давлением возмущенных телезрителей исследованием телепередач занимались специальные комиссии. Сенатор Додд, помнится, заявил, что в распоряжении комиссии имеются документы, содержащие инструкцию директоров крупнейших телекомпаний «добавить секс и элементы криминалистики» в телепередачи. Теперь всю эту телестряпню можно увидеть только при помощи специальной приставки, заплатив за программу что-то около четырех долларов. Желаешь смотреть — плати. Но, как известно, запретный плод сладок.

Конечно, телезрителю преподносят не только подобное. Есть в обычных программах по-настоящему интересные литературные композиции, передачи на научные темы, мастерски сделанные телерепортажи. Но все это тонет в потоке передач, рассчитанных на самый невзыскательный вкус.

Примерно то же самое происходит с книгами. Представьте, что вы переступили порог обычного американского книжного магазина. От красочных обложек, названий книг, имен авторов рябит в глазах. Казалось бы, выбор неограниченный. Но приглядитесь повнимательнее. На обложках полуобнаженные женщины, свирепые лица гангстеров, окровавленные кинжалы, пузырьки с ядом и т. д. и т. п.

Конечно, порывшись на полках, вы сможете выбрать интересную и полезную книгу. Но очень многие молодые американцы, вкус которых уже в достаточной степени испорчен «популярной литературой», берут книжечку с самой яркой обложкой и с самым интригующим названием.

К тому же классика, серьезная литература, дорога, а популярная, выпускаемая в так называемом карманном издании миллионными тиражами, наоборот, дешева.

Поток подобной литературы умножают многочисленные вариации журналов с плохо скрытым порнографическим уклоном. Даже в киосках университетских городков подобное чтиво заполняет чуть ли не половину стендов. При упоминании об этом наши коллеги морщились и беспомощно разводили руками: мол, что поделаешь, никому не дозволено нарушать принципы частной торговли. Как не вспомнить слова Марка Твена, который писал: «Хвала господу, в нашей стране мы обладаем тремя несомненно драгоценными качествами: свободой слова, свободой совести и благоразумием никогда не использовать ни то, ни другое».

Сквер в Бостоне.

Чикаго. Вид на озеро Мичиган.

На уроке в американской школе.

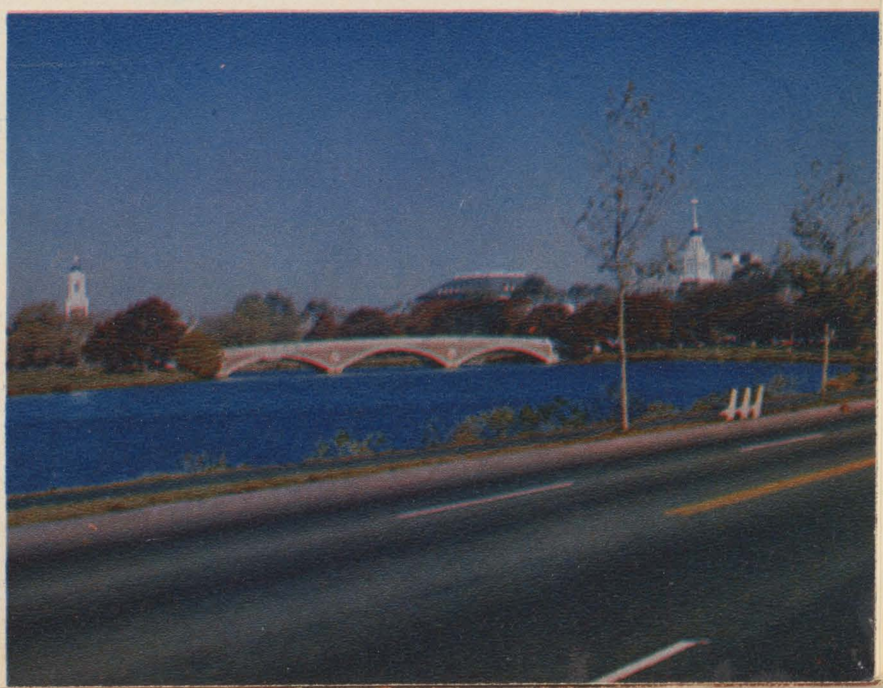
Нью-Йорк. В Центральном парке.

Гарвардский университет.

Милош КРНО

РАССКАЗ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА

Милош Крно — заслуженный писатель ЧССР, автор романов, повестей и рассказов о войне и партизанском движении в Словакии. Поэт и сценарист. Книги М. Крно известны советскому читателю.

МИНИСТР ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

Снег растаял почти повсюду, и только в долине, обращенной на северо-восток, он все еще сверкал на солнце, как в сказке. Здесь царила зима, окутанная чистым белым мехом. И лишь человеческие следы, уходящие в горы от желтого домика под черепичной крышей, выделялись на гладкой снежной поверхности.

Желтый домик с красной крышей сидел под старыми соснами, как огромный мухомор. По соседству с ним струилась прозрачная, как стекло, горная речушка. Под ним в сторону скал змейкой бежала узкоколейка.

Уже давно бушевала война, а на эти несколько квадратных километров еще не ступали ни вражеский сапог, ни лыжи фашистских альпийских стрелков, ни танки и мотоциклы. И вот только теперь вооруженные до зубов чужие солдаты, как осы, устремились к долине с севера и юга. Не сознавая того, что сами дышат на ладан, они пытались ликвидировать островок свободы — заснеженную долину, принадлежавшую партизанам.

Из домика, представляющего собой железнодорожную станцию, вышел мужчина в форме железнодорожника. Он застегнул пальто, пригладил седые усы и устремил взгляд к скалам, где дорога делала поворот. Потом взял палку, стоявшую у скамейки, вывел на снегу свое имя — Папарчик — и направился к собачьей будке.

«Им бы пора быть здесь»,— подумал он и свистнул.

Из будки вылез лохматый Дунчо, потянулся, зевнул и завилял хвостом.

Папарчик похлопал его по шее и вздохнул:

— Мы, дружище, одни, как сиротки.

Пес понимающе взглянул на хозяина и потерся о его ногу.

— Я знаю, ты меня понимаешь, только ответить не можешь.

Продолжая напряженно вглядываться вдаль, он размышлял: «Правильно я сделал, что отправил наших к сестре. Может быть, там им посчастливится остаться в живых. А я здесь в ответе только сам за себя».

До этого ему было нелегко: постоянно приходилось тревожиться за жену, дочь и внука. Что если вдруг нагрянут немцы? Один-то он моментально исчезнет в горах. А как быть с ними? Немцам хорошо известно, что его поезд, в свое время предназначенный для туристов, сейчас обслуживает партизан, так что пощады ему не будет. Да от них он другого и не ждал.

Вдалеке грохотали орудия. Их залпы аукались в горах. Высоко в безоблачном небе блеснул самолет.

— Русские!— воскликнул он, и его лицо осветилось надеждой.— Если бы к нам пришли! Да поскорее!..

Фашисты отступают уже тысячи километров и все же яростно лезут сюда.

Ветерок, подувший с гор, принес с собой запах земли, талого снега, весны.

Папарчик глубоко вздохнул и улыбнулся. «Война приближается к концу, для людей настанут лучшие времена». Он приставил ладонь к лицу, осмотрел склоны и шепотом произнес:

— Много снегу, мало будет сена.

Потом прислушался. Ему послышался шум поезда, и он бросился в кухню — отставить с плиты кастрюлю с картошкой, которую ежедневно посылал партизанским постам, чтобы там могли поесть чего-нибудь тепленького.

Поезд действительно приближался. Папарчик остановился в дверях с тяжелой кастрюлей в руках, подумал: «Слава богу, что Грубош умеет водить поезд. Хоть он меня может подменять».

Паровоз с вагоном, на котором летом туристы ездили в горные курортные местечки, остановился прямо перед Папарчиком. Тот опустил горячую кастрюлю, которая жгла пальцы, на землю и встал по стойке смирно.

Грубош радостно замахал ему и первым выскочил навстречу. За ним из вагона вышли четыре партизана, среди которых был начальник штаба отряда майор Янчура.

Достав из кармана плоскую бутылку, майор загадочно подмигнул Папарчику.

— Нам кое-что известно,— проговорил он, глазами пересчитывая собравшихся.— Принесите-ка шесть стопочек.

«По какому это поводу они придумали?»— подумал про себя Папарчик.

— Вы знаете, какой сегодня день?— строго спросил майор.

— Не знаю, ей-богу, не знаю!— покачал головой Папарчик.

— Йозеф! Сегодня ваши именины!— ударил он его по плечу.

Папарчик расплылся в улыбке.

— Правда! А я и забыл. Даже не знаю, какое сегодня число.

Он подошел к домику и открыл дверь.

На стене кухни висела домотканая картина со словами «Гость в дом — бог в дом». Тут было уютно и тепло. Папарчик расставил стопки, а когда майор хотел налить в них содержимое бутылки, задержал его руку.

— Сегодня угощаю я,— сказал он и достал из буфета черную бутыль.

— Настой на травах?— спросил майор, беря бутыль в руку.

— Да,— кивнул Папарчик,— на горечавке. Хорош напиток!— И, помолчав, добавил:— Самому себя приходится хвалить, когда нет соседей.

— Мы похвалим... Так на здоровье!— прервал его майор Янчура.

Они чокнулись, выпили и сели. Небольшого роста, коренастый партизан Йожо Мрнчо подтолкнул локтем Папарчика.

— Я ведь тоже Йозеф!

Папарчик снова налил. Тогда поднялся Янчура. Он поглядел на всех серьезно и торжественно.

— Разрешите, отец,— обратился он к Папарчику,— в день ваших именин назначить вас министром.

Папарчик засмеялся, но Янчура поднял вверх палец.

— Мы назначаем вас от имени нашего партизанского отряда министром железных дорог Чехословацкой республики.

Когда Папарчик снова засмеялся, Янчура сел и добавил:

— Я сказал это почти серьезно. Посмотрите, отец,— и он взглянул в окно, через которое было видно полотно железной дороги,— единственная железная дорога, которая действует на неоккупированной земле,— вот эта. И вы — единственный на ней служащий, работающий во имя Чехословацкой республики.

— Да здравствует министр!— воскликнул Йожо Мрнчо.— За здоровье пана министра!

— К черту пана министра!— перебил его Грубош.— У нас будет товарищ министр!

Папарчик взглянул на Мрнчо:

— Тебя с одной рюмки развезло.

— Мне много не надо,— ответил он, а Янчура добавил:

— В малом горшке быстро варится.

— Что вы меня все упрекаете, что я мал! Не забывайте, мал, да удал.

Папарчик встал и направился к кладовке, говоря:

— Подождите, сейчас сделаю вам яичницу. Масло и яйца у меня есть.

Вдруг все оцепенели. На краю долины раздалась пулеметная очередь. Почти в ту же минуту дверь настежь распахнулась, и на кухню влетел рослый плечистый парень. Это был сибиряк Андрей.

— Ребята! Немцы!— крикнул он и остановился перед Янчурой. В нескольких словах он обрисовал картину: отряд СС напал на партизанские посты на краю долины, есть раненые, нужна быстрая помощь.

— Пошли!— скомандовал Янчура.

— Используем поезд,— предложил Андрей.— У меня здесь свои люди.

— Согласен. А пулеметы есть?

— Два.

— Тогда пошли!

Они выбежали из кухни. Папарчик по дороге отвязал собаку. Не забыл захватить с собой кастрюлю. Ничего, и она пригодится. Партизаны вскочили в вагон, и поезд тронулся.

Грубош взглянул на Папарчика и в нерешительности произнес:

— Вы — учитель, а я — ученик...

— Ты молодец,— сказал Папарчик и предложил ему место рядом с собой.

Поезд набирал скорость и несся, как никогда. И когда приблизился к концу долины, из него ударил шквал пуль. Кто бы поверил, что поезд, который возил туристов в Липтовские горы, вдруг превратится в бронепоезд? Его нетрудно было уничтожить, но он рвался в бой. Стреляли партизаны Андрея, стреляли партизаны Янчуры. Немцы врассыпную бросились от дороги, некоторые остались лежать на уже потемневшем снегу. Папарчик своим маневрированием помогал бою: то останавливал поезд, то включал задний ход, а когда немцы высыпа-

---

Чикаго. Карен, девушка-фоторепортер.

Один из кварталов города.

Композиция Пабло Пикассо, подаренная мэрии Чикаго.

Нью-Йорк. У входа в ООН.

Ремонт улицы.

ли перед ним на дорогу, он бросился на них, как рассвирепевший, дышащий жаром многоголовый дракон.

Немцев вдруг словно ветром сдуло, а к поезду бросилось несколько партизан.

— Нас осталось только шестеро.

Из вагона выпрыгнул Янчура, подошел к паровозу и с улыбкой произнес:

— Министр железных дорог вел поезд великолепно! Он достоин высшей награды.

И в этот самый момент из-за поворота вынырнул танк, за которым бежали фашистские солдаты.

— Немцы!— крикнул Папарчик.

Янчура схватил автомат.

— В лес!— скомандовал Андрей, и все бросились за ним.

— Надо спасти раненых!

Все поспешили к партизанским землянкам, где лежали раненые и больные. Но и они готовы были принять бой.

— Пусть останутся с ними министр и Грубош,— кивнул в их сторону Андрей.

Мрнчо подошел к Грубошу:

— Можно, и я останусь? У меня здесь брат.

— Не бойся. Будем защищать их до последней капли крови. А ты иди защищай поезд.

Партизаны исчезли вслед за Янчурой и Андреем.

Папарчик снял шапку с седой головы и подсел к железной печке. Ногам было холодно, а спине жарко.

— Так всегда,— обратился к нему раненый партизан, лежавший на нарах.— От печки жар, а от двери тянет холодом. Не знаешь, куда повернуться.

По-видимому, он не хотел слышать стрельбы, поэтому без устали говорил, так что через несколько минут Папарчик знал о нем и о его близких почти все.

Стрельба усиливалась и приближалась к вырубке. Вот уже застрочили автоматы партизан, охранявших раненых. Папарчик напряженно смотрел на дверь, потом не выдержал, схватил ружье и со словами «Сейчас приду!» выбежал из землянки.

Было ясно, что партизаны отступают. Он увидел бегущего Мрнчо, того Мрнчо, с которым только что вместе праздновал именины.

— Плохо дело,— крикнул тот,— наши гибнут, фашисты наступают!

— А поезд?

— В порядке! Товарищ Грубоша Гажик увел его.

Папарчик провел ладонью по лицу.

— Гажик? Молодец Грубош! Научил друга.

Стрельба все приближалась. Мрнчо залег в кусты и крикнул:

— Живым я отсюда не уйду! А вы идите к раненым!

Папарчик стоял в нерешительности, а Мрнчо его торопил:

— Давайте скорее, министр!

Неожиданно появился Грубош.

— Где тут пушка? Пора ее приводить в действие. Надо рассчитать расстояние.

Папарчик кивнул седой головой:

— Пошли, помогу вам!

— Не надо, мы сами, а вы идите к раненым. Их надо поддержать. На то вы и министр.

Папарчик снова улыбнулся. Конечно, это их шутка, хотя они говорят серьезно. И он вернулся в землянку.

— Застрели меня, друг,— просил Папарчика разговорчивый партизан Порубен.— Застрели, а то, верь, они меня будут мучить.

Папарчик делал вид, что не слышит, а сам считал, сколько у него осталось патронов, думая про себя: «Сначала выполню просьбу, потом уничтожу нескольких фашистов, последнюю пулю — себе. Лишь бы не попасться им живым».

— Мы здесь, словно лисы в норе,— продолжал раненый партизан,— выход один, а около него — собаки. Разорвут они на куски, как барана на шашлык.

— Шашлык... Хочу шашлык...— простонал кто-то на соседних нарах.

— Подожди... получишь...— с жалостью произнес Папарчик, желая успокоить раненого.

— Зачем обещаешь, коли сам не веришь,— отозвался Порубен.

— Защитим вас, не бойся!

— Попы врут. Это им положено, а вам — нет,— раздалось с нар.

Папарчик прищурил глаза. Когда-то в понятие «жизнь» у него входило: зеленый луг и быстрая горная речка, цветущая яблоня перед домом, теленок с белой мордочкой и блестящей шерстью, водка, настоянная на горечавке, жена с кастрюлей ароматного грибного супа, внук в колыбельке, пение дроздов и щеглов, спелые земляника и орехи... А теперь? Жизнь казалась ему бессильной старухой, лежащей в лачуге и окруженной со всех сторон волками, которые ждут того момента, когда смогут растерзать ее на куски.

Стрельба все приближалась и не предвещала ничего хорошего. Неужели сейчас он должен будет расстаться с жизнью? Как будет жить без него Ганка? Что будет с женой и внуком? Он представил, как будет выть без хозяина Дунчо. А кто будет ухаживать по весне за пчелами, за коровой и кроликами? Конечно, немцы расправятся с ним по-своему, так что внуку будет некуда и букетик положить.

— Удивительно,— прошептал он про себя,— человеку больше всего хочется жить тогда, когда он теряет всякую надежду...

В землянку вбежал Грубош.

— Каждому раненому есть санки. Скорее!— скомандовал он.

Раненых быстро, но бережно уложили на санки и повезли.

Едва они покинули землянки, как их заняли фашисты.

Теперь стрельба раздавалась и на севере.

«Куда же идти?— думал Папарчик.— Единственно, пожалуй, в долину, к железной дороге, к поезду...»

Громыхало повсюду, но страх постепенно проходил. Он думал, что уже больше не увидит ни восхода, ни захода солнца, ни этих гор. Все будет существовать, но без него...

В то же время стрельба возвращала его к реальной жизни: да, шла борьба, и его товарищи-партизаны сражались за победу. И это вселяло в него уверенность.

Если бы он был музыкантом с абсолютным слухом, он услышал бы в грохоте снарядов, в свисте пуль, в пулеметной дроби какие-либо оттенки, но для него взрывы и стрельба сливались в единое целое, напоминающее весеннюю грозу в горах.

Подбежал Грубош, крикнул:

— К пушке нет снарядов!.. Единственное теперь — спуститься в долину, туда, где поезд.

— А немцы? — шепотом спросил Папарчик.

— Внизу стреляют,— значит, там наши. Поехали вниз!

Через минуту Папарчик, везший Порубена на дубовых санях, первым начал спуск. Действительно, тут были партизаны. Они помогли перенести раненых в вагон.

Папарчик вскочил в поезд. Удивился, что нигде не видит Гажика. Когда он выглянул из окошка, то заметил, что котел паровоза продырявлен. В бессильной ярости показал он это Грубошу. Тот развел руками, прислушиваясь к стрельбе. Потом вскочил в поезд и прокричал:

— Каждый, кто может, берите оружие! Будем отстреливаться!

— Эх! — вздохнул Папарчик.— Двадцать раненых под угрозой!

Через минуту показались бегущие люди. Они упали в снег и начали стрелять.

Пули свистели.

— Убей меня! — уже не просил, а требовал Порубен.

Откуда-то послышался голос Грубоша:

— Вы там, в поезде, стреляйте!

Когда на повороте показалось человек десять немцев, пальба с поезда усилилась.

Хотя страх снова вселился в Папарчика, он превозмог себя и на возгласы раненых крикнул:

— Тихо! Сейчас придет подкрепление!

В этот момент над горами снова раздался гул самолета. Папарчик даже не выглянул в окно и, улыбнувшись уголками губ, воскликнул:

— Ребята, слышите? Самолет! Русские нас не оставят!

Бой продолжался. Янчура сдерживал немцев справа, Андрей парализовал их действия у речки, да и «бронепоезд» не молчал.

— Они хотят свернуть нам шею, как курам, а мы им не дадимся,— бормотал про себя Папарчик.

Он выглянул из окна. К поезду бежал Мрнчо с легким пулеметом. Папарчик понял, что он хочет здесь защищать раненых.

— Давай к нам! — крикнул он ему.

— Бегу, министр, бегу,— только и успел он ответить, как вдруг рухнул на землю, словно подкошенный.

Папарчик бросился к нему, расстегнул телогрейку и воротничок на рубашке, но Мрнчо был убит наповал. Папарчик побежал назад. И когда засвистели пули, упал на снег и пополз к железнодорожному полотну. Затем лег под поезд, навел пулемет на трех альпийских стрелков, дал очередь и понял, что двоих сразил.

— Теперь отсюда не уйду! Их сюда не пущу! — твердил он про себя, снова прицеливаясь.

Но стрельба вдруг затихла, немцы куда-то исчезли.

Он прислушался к отдаленному шуму моторов. И сердце снова защемило, подумалось: «Идут танки. С ними не справишься. Конец». И он сильно, до боли сжал зубы. Глаза его увлажнились. Пальцы хватали снег. «Надо что-то решить с ранеными. Ведь остались считанные минуты».

Солнце заходило за гребень Прашивой, освещая окрестности розовым светом. «Прощайте, горы...»

Шум моторов становился сильнее. Еще мгновение, и они появятся на повороте. Раздалось несколько выстрелов, но немецких солдат не было видно. Затем стрельба прекратилась, и первый танк, за ним второй и третий двинулись вдоль колеи.

Папарчик сразу заметил, что они меньше, чем те, которые он видел, и что на них не нарисованы символы смерти. И тут он услышал радостный крик Янчуры:

— Русские!

Папарчик мгновенно вылез из-под поезда и бросился навстречу танку. Танк остановился. Из него выскочил молодой красноармеец и замахал тем, кто бежал к танку.

Грубош спрыгнул с вагона и что есть сил прокричал:

— Свои! Мы спасены!

— Ура! Спасены! Спасены! — кричали все и бежали к танку.

— Вы куда? — спросил красноармейца Папарчик.

— В Берлин!

Папарчик засмеялся и протянул танкисту руку:

— Спасибо! Вы нас спасли!

Янчура дружески хлопнул Папарчика по спине и торжественно произнес:

— Вот видите, товарищ министр! Никакие фашисты не одолеют вас!

Папарчик неподвижно стоял, смотрел на постепенно бледнеющий гребень Прашивой и не мог поверить, что он и его товарищи остались живы, что завтра утром он встретит рассвет в горах, что снова увидит свою семью.

Перевела со словацкого
Татьяна МИРОНОВА.

СЭВ В ДЕПО «ОКТЯБРЬ»

Я работаю в Харькове в депо «Октябрь» помощником машиниста. Работаем мы на электровозах, поставленных из Чехословакии по контракту в рамках СЭВ. Это очень удобные машины, развивают высокие скорости, комфортабельные. В кабине есть холодильник, электроплитка, вентиляторы, отопительная установка — одним словом, созданы все условия для нормальной работы локомотивной бригады, что в конечном итоге является залогом безопасности движения.

Хочу на примере своего родного предприятия рассказать о сотрудничестве рабочих СССР и ЧССР. С 1962 года товарищи из ЧССР начали поставлять нам пассажирские электровозы ЧС-2, изготовленные на объединенных заводах «Шкода» имени В. И. Ленина в Пльзене. Эти электровозы служат и в настоящее время на участке нашей дороги в направлениях Москва — Крым и Москва — Кавказ.

Специалисты из ЧССР помогали нашему коллективу наладить ремонтную базу, выпуск запасных частей, выбрать правильные условия эксплуатации.

Рабочие и инженеры нашего депо ежегодно посещают заводы «Шкода», где знакомятся с передовыми методами производства. В свою очередь, чехословацкие друзья посещают наше депо, заимствуют то лучшее, чего мы добились в эксплуатации локомотивов. В совместном поиске находим и внедряем новые формы и методы труда, повышения его производительности и качества. Высокие отзывы специалистов из братской страны получил тренажер для подготовки машинистов. Он разработан и смонтирован в кабинете технической учебы нашими деповскими умельцами.

В сентябре 1978 года мы принимали делегацию чешских железнодорожников, которые соревнуются с нашей Южной ордена Ленина дорогой. Состоялся митинг дружбы, на котором гости говорили о сотрудничестве наших народов в строительстве социализма. Они вручили нашему деповскому музею книги и вымпелы железнодорожников ЧССР.

Участники художественной самодеятельности нашего депо и пионеры подшефной школы № 116 дали концерт. Они пели песни — советские и авторов братской страны. Мы получили приглашение посетить ЧССР в этом году. У нас между колоннами локомотивных бригад ведется соревнование по качественному вождению поездов и бережному расходу электроэнергии. Победители получат право совершить поездку в поезде дружбы в Чехословакию.

Мой брат работает в Усть-Илимске на сооружении ГЭС. Недавно он приехал в отпуск и рассказывал, как советские строители трудятся плечом к плечу с рабочими из Болгарии, Польши, ГДР, Венгрии.

В их общежитии живут ребята из ГДР, работающие на сооружении Усть-Илимского целлюлозного завода. Их бригада носит имя Эрнста Тельмана. На эту стройку приехали лучшие посланцы Союза свободной немецкой молодежи. Несмотря на непривычные условия (мороз доходил до 50°), немецкие товарищи в короткий срок освоили специфику работы, а после напряженного дня садились за учебники русского языка. Их бригадир Гюнтер Мослер сумел сплотить крепкий коллектив, который по-ударному трудился и умел хорошо отдохнуть...

У нас в Харькове часто гастролируют артисты из социалистических стран. Не так давно выступал вокально-инструментальный ансамбль из Болгарии «София», артисты из Польши — ансамбль «Анджей и Элиза».

Впервые венгерскую певицу Катю Ковач я услышал и увидел в программе «Голоса друзей». Мне нравится ее сильный и красивый голос, манера пения. Всегда с удовольствием смотрю передачи с ее участием.

С большим успехом в мае 1979 года прошла в Харькове выставка болгарской живописи. В музее изобразительных искусств была представлена целая плеяда болгарских мастеров. У меня особый интерес вызвало творчество графика Теодора Панайотова. Образы, созданные им, полны жизни, чувствуется, что автор не мучается в выборе тем, а ищет их в окружающей жизни. Мне понравился цикл его работ «Несгибаемые». По-моему, это попытка, и довольно удачная, показать в образах национальных героев этапы борьбы за свободу и независимость Болгарии.

Из писателей братских социалистических стран мне понравился новеллист из Болгарии Дико Фучеджиев. Я познакомился с его книгой «Воздушные мосты». В ней собраны рассказы о жизни и трудной работе летчиков. Автор, тонкий психолог, утверждает мысль Экзюпери о том, что самое ценное в жизни — человеческие отношения. Особое впечатление на меня произвела новелла «Под знаком Рака». Смертельно больной летчик спокойно принимает известие о своей обреченности, но даже на пороге смерти говорит с друзьями о жизни, о том, как стать нужным людям.

Сергей УМАНЕЦ,
помощник машиниста электровоза

Харьков.

НА АНГАРЕ

И у нас в Сибири можно встретить посланцев братских стран. Стройка СЭВ — Усть-Илимский целлюлозный завод. Недавно сюда прибыл отряд из Польши, носящий имя борца-антифашиста Янека Красицкого. В его составе бетонщики, сварщики, плотники, которые отличным трудом завоевали право участвовать в стройке СЭВ. Отряд представляет 13 воеводств ПНР.

Я учусь в Иркутском педагогическом институте иностранных языков имени Хо Ши Мина. Наши преподаватели работают во Вьетнаме, на Кубе и в ГДР. В институте была проведена выставка, посвященная 20-летию победы революции на Кубе.

Крепнут культурные связи между социалистическими странами. В Кемеровском театре драмы имени Луначарского состоялась премьера пьесы венгерского драматурга Иожефа Катоны «Банк-бан», в постановке которой принимали участие режиссер и художник из Венгрии. А наша Иркутская область уже много лет дружит с округом Карл-Маркс-Штадт. В Германской Демократической Республике побывали с выставками иркутские художники, выступали артисты Иркутской филармонии и преподаватели училища искусств, самодеятельные коллективы «Весна» ангарского Дворца культуры нефтехимиков и «Степные напевы» из Усть-Ордынского Бурятского национального округа. В Иркутском драматическом театре имени Охлопкова состоялась премьера трагедии Гете «Фауст». В ее постановке принимал участие немецкий режиссер Герхард Мейер. Такое сотрудничество между нашими странами дает возможность народам ближе ознакомиться с достижениями мировой культуры.

Сергей КОРНЕЕВ,
студент

Ангарск,
Иркутская область.

СТРАНЕ НУЖНА БУМАГА

«ОГОНЕК» НА КОТЛАССКОМ ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОМ КОМБИНАТЕ

Опубликованное в «Огоньке» (№ 14 с. г.) письмо передовых рабочих Котласского целлюлозно-бумажного комбината, озабоченных тем, что в последнее время это известное предприятие нередко оказывается в сложном положении из-за перебоев с поставками сырья, вызвало отклики. Читатели подчеркивают, что только при хозяйском, рачительном ведении дела, при строгом соблюдении планов и обязательств, только при взаимном уважении партнеров можно добиться должного результата. В редакционной почте содержатся различные предложения. Большинство из них направлено на более полное использование самой бумаги, на устранение неполадок со сбором макулатуры. Если же отвлечься от частностей и попытаться выделить в письмах главное, то это — деловитая поддержка позиции котласских рабочих. Поэтому важно знать и точку зрения тех министерств и ведомств, от которых зависит обеспечение Котласского комбината древесиной.

•

Заместитель начальника Главного управления движения Министерства путей сообщения СССР В. А. ВОЛКОВ:

«В связи с публикацией в журнале «Огонек» № 14 с. г. статьи «Стране нужна бумага» сообщаю, что в январе — мае с. г. Северная железная дорога не полностью обеспечила подачу подвижного состава под погрузку технологического сырья для предприятий целлюлозно-бумажной промышленности, особенно в зимний период, когда значительная часть вагонного парка отвлекалась на перевозку топлива и рудно-металлургического сырья.

Учитывая острые сигналы бумажников, мы усиливали подачу вагонов под погрузку балансов и технологической щепы. Однако Министерство путей сообщения неоднократно становилось перед фактом отсутствия у лесоотправителей необходимой для производства бумажной продукции еловой древесины. Например, в апреле при выполнении плана погрузки лесных грузов по Архангельскому лесснабсбыту на 83,6 процента, Коми на 100,1 процента, Костромскому на 91,1 процента отгрузка сырья Котласскому комбинату производилась соответственно на уровне 76,6, 94,8, 75 процентов к плану.

Кроме того, лесоотправителями не полностью используются подаваемые под погрузку вагоны. Это приводит к непроизводительным задержкам и простоям подвижного состава в пунктах погрузки лесных грузов. В апреле потери погрузочных ресурсов по вине лесоотправителей, производящих отгрузку сырья Котласскому комбинату, составили 2,9 тысячи вагонов, в мае — 8 тысяч.

Использование речных путей для сплава древесины все еще не находит широкого применения, хотя эти перевозки являются наиболее экономичными, существенно сокращают транспортные расходы и дают возможность переключить подвижной состав на перевозки других грузов, пункты погрузки и выгрузки которых отдалены от водных путей сообщения».

Нетрудно убедиться, что железнодорожники ограничились, по сути, описанием создавшегося положения, почти ничего не говоря о том, как оно будет выправляться.

Полагая, что в ответе **начальника Главного управления по снабжению и сбыту лесопродукции Д. В. ДИДКОВСКОГО** речь пойдет о принимаемых мерах, в редакции с интересом знакомились с его письмом. Но оно не внесло необходимой ясности.

Товарищ Дидковский пишет: «Обеспечение целлюлозно-бумажных предприятий древесным сырьем в 1978 году проходило неудовлетворительно. Все предприятия Минбумпрома из предусмотренных планом поставок недополучили 3,8 миллиона кубических метров древесного сырья, а Котласский комбинат — 0,14 миллиона кубометров.

Невыполнение поставщиками своих обязательств по производству балансов и технологической щепы, а также неудовлетворительная подача Министерством путей сообщения вагонов под перевозку лесных грузов — вот основные причины создавшегося положения с поставками древесного сырья бумкомбинатам».

И далее письмо выдержано в таком же спокойном, констатирующем тоне: «Не выполнен план по производству балансов и технологической щепы на 4,7 миллиона кубометров, в том числе Минлеспромом СССР — 4,1 миллиона кубометров; обеспеченность железнодорожными вагонами в 1978 году по Северной железной дороге составила 77,9 процента. Не улучшилось положение с производством и поставкой древесного сырья и в первом квартале 1979 года.

По этой причине и из-за неудовлетворительной подачи вагонов (в I квартале подача вагонов под перевозку лесных грузов составила 69,9 процента) Минбумпром недополучил в I квартале 2,7 миллиона кубометров древесного сырья, из них Котласский комбинат — 0,45 миллиона кубометров.

Союзглавлесом совместно с Минлеспромом СССР, Минбумпромом и МПС принимаются меры по улучшению обеспечения целлюлозно-бумажных предприятий древесным сырьем».

В письме тов. Дидковского нет ответа на многие вопросы, волнующие авторов опубликованного в «Огоньке» письма. Поэтому редакция обратилась к руководству Госснаба СССР.

Заместитель председателя Госснаба А. Н. ЛЕБЕДЬ сообщил, что трудности в обеспечении целлюлозно-бумажных предприятий «...древесным сырьем вызваны неудовлетворительной работой лесной промышленности по производству балансов и технологической щепы и железнодорожного транспорта по перевозкам лесных грузов... В целях создания условий для обеспечения целлюлозно-бумажных предприятий древесным сырьем Госснабом СССР е ж е м е с я ч н о производится занарядка древесного сырья в объемах, обеспечивающих выполнение установленного плана производства; е ж е д н е в н о анализируется поставка древесного сырья по основным лесосбытам и отдельным целлюлозно-бумажным предприятиям.

Кроме того, в настоящее время совместно с Госпланом СССР, Минлеспромом СССР и Минбумпромом разрабатываются меры по устойчивому снабжению целлюлозно-бумажных предприятий древесным сырьем».

К сожалению, письма Госснаба СССР и МПС не назовешь исчерпывающими — они не сообщают о конкретных мерах, принимаемых для исправления создавшегося положения. Принимаемых сегодня, сейчас — вопрос отлагательства не терпит! Оба ведомства отнеслись к письму передовых рабочих без повышенного внимания — так думается, когда сравниваешь взволнованное, тревожное обращение котласцев и спокойные ответы на него. А Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР и другие ведомства, ведущие заготовки и поставки древесины, вовсе отмолчались, сочли за благо не обратить внимание на выступление журнала. Это тем более странно, что из публикуемых писем ясно: именно эти организации несут немалую долю ответственности за то, что Котласский комбинат оказался в долгу перед народным хозяйством. А значит, и перед каждым из нас — ведь продукция комбината идет на нужные всем книги, журналы...

Редакция «Огонька» обещала читателям продолжить разговор о бумаге. На Котласском комбинате создан наш общественный корреспондентский пост. Мы публикуем сообщение, полученное из Коряжмы. Как явствует, положение на комбинате сложное, нерешенных вопросов много.

ИЗ КОРЯЖМЫ ПО ТЕЛЕФОНУ:

В незавидном положении с обеспечением технологическим сырьем находится наш комбинат и сейчас. Древесину мы получаем. Но мало. Леспромхозы Коми АССР только по железной дороге не поставили около половины необходимой елово-пихтовой древесины, а низкосортного сырья (без него тоже не обойтись) — «технических дров», как о них иногда говорят, — прислали и того менее. Не станем перечислять всех должников, но некоторых назвать надо. Это Усть-Вымский и Кожвинский леспромхозы, объединения «Мезеньлес», «Ухталес», «Княжпогостлес» — все из Коми АССР. Далеко не полностью выполняют свои обязательства лесозаготовители Кировской и Костромской областей. Словно стремятся «не отстать» от них и сплавщики леса. «Вычегдалесосплав» должен ежедневно направлять не менее шести тысяч кубометров древесины. Плоты приходят, но не ежедневно, а через день. Создается такое впечатление, что «Вычегдалесосплав» уже смирился с недопоставками древесины в навигацию этого года. Сырья мало, очень мало. А вот во что это обходится. В одну из недавних декад варочные котлы простояли без дела 18 часов! Из-за простоя бумагоделательной машины не получено 230 тонн полуфабриката. Это нас очень тревожит.

В такой обстановке усилия коллектива комбината не могут принести желаемых результатов. Наши работники прилагают все свое умение, выдумку. Вместе с учеными идет работа не только над наиболее полным использованием древесины, но и над снижением удельных норм расхода ее на единицу продукции.

Стране нужна бумага! И мы предпринимаем все усилия, чтобы она поступала нашим заказчикам. Но без помощи поставщиков сырья трудно говорить о выполнении заказов.

Члены общественного корреспондентского пункта «Огонька» на Котласском целлюлозно-бумажном комбинате Ф. БОНДАРЕНКО, машинист буммашины; А. КАБАКОВ, варщик целлюлозы; Н. ПОСПЕЛОВСКИЙ, заместитель генерального директора; С. ТЮКАВИН, редактор газеты «Котласский бумажник».

Владимир МОЩЕНКО

Постоянство

●

Бульдозеры. Машины. Поезда.
Грохочет все кругом. Пылит. Дымится.
Но выйдет в небо первая звезда —
И птица запоет. О боже, птица!

Три фонаря. Зеленый островок
Между домами — наподобье сквера.
И до чего же голос одинок,
Он словно бы утраченная вера.

Что птице здесь? Какая из причин
Заставила несчастную остаться?
А вот поет же в отблеске витрин,
Не в силах с этим городом расстаться.

Наверно, был тут прежде пышный сад.
Теперь бензинный запах лишь навстречу.
Не спросит птица: кто, мол, виноват.
И хорошо. Ведь что я ей отвечу?

ОПЯТЬ МЕНЯЕТСЯ ПОГОДА

Опять меняется погода.
Заиндевели провода.
И этот ужас перехода
Дождливой хмари в холода
Я всей душой предвосхищаю.

Идя, вороний грай смущаю.
Добраться б до тропы быстрей.
Но как ни странно, тем острей
Неподалеку от Лосинки
Я замечаю двух лосей
Сквозь поредевшие осинки.

А тут — шоссе!
И тормоза
Визжат весь день остервенело.
И если скатится слеза —
Замерзнет сразу.
Вот в чем дело.

И с этой правдою в ладу,
Багряные покинув кроны,
Пластмассой клювов бьют вороны,
Как будто по стеклу, по льду.

●

Скоро снег, но твои города
И не снятся осеннему полю.
Ненадежное слово «всегда»
Вдруг опять попросилось на волю.

Холодна ли погода?
Тепла?
Или нынче в природе безвластье?
Независимо Клязьма текла,
Как мое запоздавшее счастье.

И последняя вспышка весны
Озарила леса и поляны:
Были дали вокруг зелены,
Золотисты, червоны, багряны.

Через месяц замерзнет вода
В той покрытой листвою бочаге.
Ненадежное слово «всегда» —
Это все-таки признак отваги.

●

Вот и книга моих заблуждений.
Видишь — сосны в зыбучем песке.
В книге семь или восемь мгновений
От погибели на волоске.

Ну, а может быть, семь или восемь
Провиденьем подаренных встреч,
Юрьев-Польский, и Клязьма, и осень,
Возвратившие бедную речь.

ЕЩЕ ВЧЕРА НЕ МОГ РЕШИТЬСЯ

Еще вчера не мог решиться
И думал даже о другом:
На чем бы мне остановиться,
Сосредоточиться на чем?

Все на детали распадалось,
Гремело, шаркало, ползло,
Врезалось, тормозило, мчалось.
Шел дождь со снегом, как назло!

Пугали зеркала осколки,
Смешил до слез калейдоскоп.
Подсказки, пересуды, толки.
Все скок да скок. Все скок да скок.

Вот и шаги петляли в поле.
Души касался холодок.
На почве заморозки, что ли?
Или недружеский намек?

И все-таки снега горели
И содрогался небосвод.
Кто прозевал весну в апреле,
Тот лета в мае не найдет.

И вот сказать тебе решился.
Сегодня или никогда!
А куст сирени распустился,
И дышит звездами вода.

●

Да как же я не видел этой
Земли, ее степных дорог?
Но пробил час —
она кометой
Вдруг опалила мой порог.

Быть может, годы дальних странствий,
Теперь и сам не знаю как,
Шептали мне о постоянстве
На самых разных языках.

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ТЕТРАДИ

ОРТАЧАЛЬСКИЕ САДЫ

Как бы не было беды!
Будто мало мне Майдана.
Распустились слишком рано
Ортачальские сады.

Всколыхнется чуть листва,
Всколыхнется кисть сирени —
Всколыхнутся тут же тени,
Закружится голова.

Что ты делаешь со мной,
С прошлой жизнью, с честным словом?
Только взглядом, только зовом,
Только лаской ледяной!

Что я делаю с тобой?
Возвышаю над собою,
Потому что ты чужою
Мне была еще зимой!

Как бы не было беды!
Будто мало мне Майдана.
Распустились слишком рано
Ортачальские сады.

КВИШТЕХИ

Вл. Соколову

Смотри, разбилась речка на пороге,
Как будто бы споткнулась второпях.
Мы, в воду опустив босые ноги,
Сидим на оголившихся корнях.

Не верится, что мы вдвоем с тобою
В Квиштехи! Да еще и в сентябре!
Белеют отраженные водою
Дома, что приютились на горе.

С кем встретились мы здесь?
И с кем простились?
Я, может, вспомню.
Только не сейчас.
Забыты сны, что на рассвете снились:
Они на миг разъединили нас.

Но шорохи ночные не забыты
В кладбищенской тиши, где средь оград
Лежат пришельцев каменные плиты,
Кресты их победителей стоят.

Что ждет нас?
Вечность перед ночью новой!
А у подножий гор еще жива
Вся в мотыльках, вся плотности ковровой
Невиданно зеленая трава.

Когда же полночь в колокол ударит
И на закате сосны зашумят,
Тебе Квиштехи наконец подарит
Строку о свиристении цикад.

ЭСТРАДА С БЕРЕГОВ ДНЕПРА

Выступает ансамбль «Славутич».

С большим интересом был встречен москвичами отчетный концерт мастеров искусств Днепропетровщины в киноконцертном зале «Октябрь». Обширная программа, включающая различные жанры, составлена с хорошим вкусом и тактом (автор сценария — А. Райчук, постановщики — Л. Гатов и П. Кравченко). Разумеется, не все номера были равноценны, но в каждом чувствуется творческий поиск, что никогда не оставляет зрителя равнодушным. У днепропетровцев — хороший симфонический оркестр, которому с первых минут удается завладеть вниманием слушателя. Управляет коллективом музыкантов заслуженный артист РСФСР Г. Карапетян, чье ощущение зала, понимание настроения аудитории немало способствуют успеху всей программы. Репертуар оркестра включает и народные песни, и классические симфонии, и произведения современных композиторов.

Запомнились и номера ансамбля песни и танца «Славутич». Кульминацией выступления артистов стал украинский народный шуточный танец «Ярмарок». Самоцветная россыпь красочных костюмов, разнообразие и живость жанровых сценок создают поистине целый спектакль, поставленный балетмейстером ансамбля Т. Исхановой.

Звучность и напевность народной песни покоряют слушателей в исполнении хоровой группы «Славутича», чья неброская, сдержанная манера исполнения органична мелодическому строю произведений народного искусства.

Завладеть вниманием зрителей удалось и солистам филармонии Л. Бечеловой и Л. Артеменко, хотя, на наш взгляд, стоило бы требовательнее относиться к выбору песен.

В целом для москвичей эта встреча была весьма привлекательной: они познакомились с новыми талантливыми исполнителями, новыми песнями и композиторами. Было бы хорошо, если бы такие творческие отчеты филармоний нашей страны в Москве стали традицией.

А. ЗВЯГИНА
Фото Г. Розова

Встреча с Элладой

«Греция после хунты». Недавно вышедшая книга журналиста-международника Николая Паниева любопытна тем, что тема, которую он выбрал, пока не нашла достаточно полного освещения ни в нашей, ни в зарубежной литературе. Развал и крах режима военной диктатуры «черных полковников» породили чрезвычайно сложные процессы, новую расстановку политических сил на древней земле Греции, обстановку, в которой не так-то просто было разобраться, ибо не всегда она укладывается в готовые и привычные рамки. Чтобы писать об этих процессах, нужно было не только хорошо знать страну, ее настоящее и прошлое, но и суметь смело заглянуть в будущее.

Николай Паниев хорошо знает страну, о которой пишет. Он не раз бывал в Греции и до «черных полковников» и после них с командировочным удостоверением журналиста-известинца. Но можно до мелочей знать страну, ее историю древнюю и настоящую, ее памятники и дворцы, произведения искусства и литературы и не увидеть в то же время главного — чем живут, что думают и на что надеются люди. Мне кажется, талантом контактности, умением расположить к себе собеседников Николай Паниев владеет в полной мере. Да и сам он говорит, что его книга не субъективный анализ событий, не односторонний взгляд на те или иные явления, а симбиоз встреч и разговоров с людьми разных политических взглядов, профессий, имущественного ценза, возрастов и религиозных убеждений. Автор книги не обходит острых углов, не боится сталкивать диаметрально противоположные взгляды, и от этого книга становится живой, человечной, объективной... Отдельные люди, их жизнь, мысли и поступки — это, согласитесь, в конечном итоге зеркало всего общества в целом.

Перед читателями пройдет галерея самых разнообразных персонажей, самых парадоксальных и самых героических человеческих судеб. Это прежде всего греческие коммунисты — совесть и надежда нации, как называет их автор, которых он увидел впервые собравшимися вместе, открыто и в таком большом количестве в театре «Акрополис» 21 ноября 1974 года, когда там состоялось первое легальное собрание коммунистов афинской городской организации.

Это греческий премьер-министр Константинос Караманлис, с которым советский журналист встретился впервые в Париже, где этот политический деятель находился в эмиграции, а вернувшись в Грецию, возглавлял первое после «черных полковников» правительство «национального единства». Это ответственный секретарь Греко-советского общества дружбы Георгиос Псалидопулос, на плечи которого легла нелегкая работа по возрождению напрочь разгромленного хунтой общества. Это поэт Яннис Рицос, знаменитый поэт-коммунист, великий гражданин Эллады, ее певец и защитник, верный друг трудовых людей. Его жизнь — стихи и ссылки. Великолепные поэтические произведения и страшные концлагеря. Это Георгиос Тзобананис и Спирос Блазакис — «горные орлы», народные мстители из рядов греческого Сопротивления, коммунисты, которые провели в горах тридцать четыре года.

И еще много, много интересных встреч и интересных судеб. Утверждают, что лучше один раз увидеть, чем десять раз прочитать. Может быть, это и так. Но если нет возможности увидеть Грецию, так сказать, воочию, то книга Николая Паниева поможет понять эту страну во всех ее сложностях сегодняшних дней.

Леонид КОЛОСОВ

Н. А. Паниев. Греция после хунты. Издательство «Международные отношения». М., 1979, 192 стр.

Борис ЛАСКИН

РАССКАЗ

Лежал Василий Сундуков с закрытыми глазами, но не спал. Думал. В будний день проснешься, мысли идут более-менее серьезные — какие дела ожидают, какие задачи. А в выходной, тем более с утра, мыслей навалом, но все в беспорядке, одна проявится, тут же ее новая вышибает. Почему в уме такая карусель получается? А потому что посидишь с вечера в кругу друзей, рюмкой помашешь, то-се, в общем, понятно...

За окном громко заливались птицы. Сундуков мысленно отметил: «Птица свои обязанности знает — фить-фить, чик-чирик, поет, она не в курсе, что тут человек лежит и головой мается».

И, тяжко вздохнув, Сундуков перестал слышать птичьи голоса. Ясно, как в цветном телевизоре, увидал вчерашний вечер... Клара стол в саду поставила, в низинке, дача оттуда как на ладони во всей своей немыслимой красе. Гости круги делали, смотрели. Макарцев башенку увидел, языком поцокал: «Сила!» Лабутенко витые колонки враз оценил: «Красота, кто понимает!» Общее мнение — дачку отгрохал будь здоров.

Один только Макар, брат Кларин, проявил себя с ненужной стороны. Его пригласили, как человека,— сиди, пей, никто тебя не ограничивает. Зачем же зря высказываться, делать глупые замечания!.. Кто он есть? Студент. А если ты студент — сдавай экзамены, получай стипендию и куда не надо не суйся. А то принял граммов сто портвейна и выдал: «Тут и пир горой и ампир горой». Ему Клара говорит: «Сиди, кушай витамины»,— а он ей: «Дачу проверять, не отходя от кассы». Вот мусорный малый!.. Сундуков облизнул пересохшие губы.

— Клара! Ты где?..

— Пробудился?

Вошла жена — полная, круглолицая, с утра, а уже в парике.

— Хорошо спал, Васек?

— Как убитый... Как убитый твоим братцем, гори он огнем!

— Чего ты на него кидаешься? Молодой, юмору много.

— Его, с таким юмором, в обэхэсэсе как родного примут.

Сундуков жестом указал жене — садись.

— Подумал я насчет забора...

— Забор художественный, все вчера сказали...

— Верно... Снизу тес, поверх как бы золотая решетка. Спокойно! Она не золотая — латунь, металлолом, отходы штамповки, так что тут все чисто, не подкопаешься...

— Вот именно.

— Какой у забора дефект!.. Со стороны сквозь него лишнее открывается. Все видать.

— Ну и что, подумаешь.

— Чересчур наблюдательные стали у нас отдельные граждане. Один такой глянет и спросит: интересно, на какие, грубо говоря, шиши возвел Сундуков эту нестандартную постройку? Может, он академик или лауреат?.. Нет, пока что не академик. Тогда кто же он?.. Пожалуйста, могу ответить. Шестой уж год заведую плодоовощной базой, снабжаю народ с утра и до вечера. Так неужели ж я не имею права у себя на даче пожить?..

— Умно ответил. Больше вопросов нет.

— У тебя-то нет, у людей найдутся... Там квас в холодильнике, принеси...

Через минуту Клара вернулась с кружкой ледяного кваса, и Сундуков заметил: жена чем-то явно встревожена.

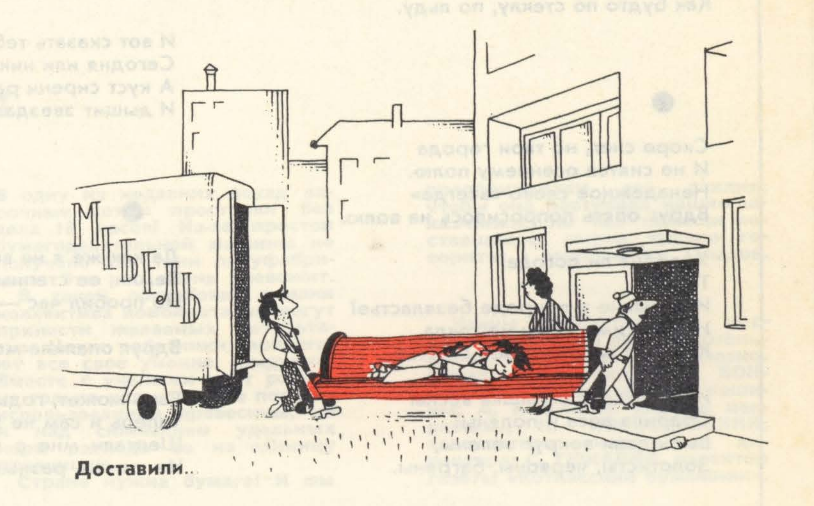
— Василий, ступай...

— Куда?

— Иди. Там нас... снимают.

— Кто?

— Погоди выходить, в окно посмотри...

Доставили...

СУНДУКОВА

Оставив кружку, Сундуков приподнял цветастую занавеску. Глаза его округлились.

За пределами участка, на сосне, оседлав толстый сук, маячил незнакомец с фотоаппаратом в руках.

«Вот оно, начинается. Ведь чувствовал, как в воду глядел». Сундуков быстро встал, проворно натянул брюки, хотел накинуть рубашку, но решил — не стоит, пока он будет одеваться, незнакомец уйдет.

Появившись из калитки, Сундуков вполне мирно, даже приветливо крикнул товарищу, сидевшему на суку.

— Доброе утречко!
— Здравствуйте.
— Фотографируем?..
— Совершенно точно.
— Вы что-же... фотолюбитель?
— Не совсем... Это ваша дача, да?

— С утра была моя.—Сундуков оглянулся, увидел в окне испуганное лицо Клары. Пугаться нечего, пусть наблюдает, как уверенно он держится.— Вы, конечно, снимайте, дело ваше, но все же хочу напомнить: личная собственность советских граждан охраняется государством.

— Это всем известно, в том числе и нам,— сказал фотограф.— Мы не посягаем на вашу личную собственность. Саша! Держи камеру! — Он осторожно опустил на ремешке аппарат рыжему парню в джинсах и пестрой рубашке и слез с дерева.

— Будем знакомы. Гуляев Дмитрий,— представился первый.— А это Александр Павлович Троян, или просто Саша,— мой ближайший и верный соратник...

— Митя, регламент,— бросил Троян,— мы не успеем выполнить задание.

Сундуков насторожился, но виду не подал. Тут главное — не надо суетиться.

— И какое же у вас задание, если не секрет?

— Какое задание?.. Разрешите запечатлеть вашу дачу, но уже поближе...

— А зачем?.. Зачем вам это надо?

Парни переглянулись.

— Нам надо для дела,— сказал Гуляев.

— Для какого дела? — тихо спросил Сундуков.— Что вас конкретно интересует?

— Нас интересует ваша дача.— Гуляев взял у Трояна фотоаппарат.— Если нас там не разорвет злая собака, то мы с вашего разрешения зайдем на участок. Ненадолго. Нам, в общем, все уже ясно.

Сундуков помолчал.

— Пожалуйста, не возражаю, можете зайти... А собака мне не требуется. Еще раз вам говорю— меня охраняет государство.

— Вот и прекрасно,— улыбнулся Троян.— Снимем вашу дачу, будет у нас фотодокумент, и расстанемся друзьями.

— Ну да, это понятно... А почему вы ко мне пришли? В поселке еще дачи есть...

— Ваша является в некотором смысле уникальным произведением, и потому у нас к ней особый интерес.

— Да?.. А вы сами откуда?

— Из Москвы.

— От кого работаете?

Подозрительность дачевладельца становилась забавной. Парни снова переглянулись, и Троян ответил с детской улыбкой:

— От одной организации, пожелавшей узнать, в чем смысл жизни...

Не получив прямого ответа в этой фразе, позаимствованной у славных наших сатириков, Сундуков нахмурился. Очень уж не по-хорошему состыковались слова — «фотодокумент» и «организация».

— Признаемся — у нас корыстная цель,— сказал Гуляев,— но грабить вас мы не собираемся. Мы готовим материал для статьи об архитектуре Подмосковья...

— Сейчас выдумали? — усмехнулся Сундуков.

Гуляев и Троян одновременно развели руками. Это означало — хотите верьте, хотите нет.

— В таком случае можете пройти на участок.— Сундуков открыл калитку.— Как говорится, добро пожаловать.

Процесс фотографирования дачи занял не более десяти минут. Для бодрости тайком подкрепившись «экстрой», Сундуков произнес краткую речь:

— Дорогие товарищи!.. Я и моя супруга Клара Матвеевна очень рады, что вы обратили особое внимание на нашу дачу и лично мне сказали, что здесь есть на что посмотреть. Я правильно говорю?..

— Правильно,— подтвердил Гуляев.

— Значит, не зря пришли, увидали кой-чего...

— Да... Такое не забывается,— с чувством произнес Троян.— Весной в Саратове нам показали один особняк. Бывший его хозяин, купец, пригласил архитектора и говорит: «Такой ты мне домишко поставь, любезнейший, чтоб все кругом ахнули и руками развели!» Архитектор спрашивает: «В каком стиле?» А купец говорит: «Деньги есть, строй на все стили!».

Рассказ про купца Сундукову не понравился.

— Эта история имеет большой воспитательный смысл,— заметил Гуляев.—По заданию одного журнала мы фотографируем образцы подмосковного зодчества...

— Данный образец нас просто потряс,— добавил Троян.— Ваше сооружение не имеет себе равных.

Подобревший Сундуков уловил лишь последнюю фразу Трояна и довольно улыбнулся.

— Когда я увидел дачу, я даже вздрогнул,— признался Троян.

— У меня, между прочим, и внутри найдется отчего вздрогнуть. Желаете — можете глянуть.

— Мы охотно вам верим,— сказал Гуляев.— Человек с таким вкусом и таким размахом способен на многое...

— Сделал, что мог,— скромно заявил Сундуков и, несколько секунд подумав, продолжал,— но я вас прошу — в журнале адрес наш не указывайте и фамилию. Не надо. Вы так напишите: дача построена под руководством и при участии... рядового труженика. Ясно?

— Более чем,— сказал Гуляев.

— До свидания,— поклонился Троян и, окинув прощальным взором сундуковское владение, всплеснул руками и закрыл глаза.

— Вы что? — удивился Сундуков.

— Хочу это навсегда сохранить в памяти!..

Проводив парней до калитки, Сундуков вернулся в дом:

— Клара! Все нормально. Наша дача будет помещена в журнале, но, конечно, без фамилии и без адреса.

Клара пожала плечами:

— Почему ж без адреса и без фамилии? А ведь было бы неплохо, если бы в журнале появилась красивая цветная фотография — дача и тут же возле клумбы в плетеном кресле сидишь ты в коричневом костюме и рядом в новом платье я с японским зонтиком...

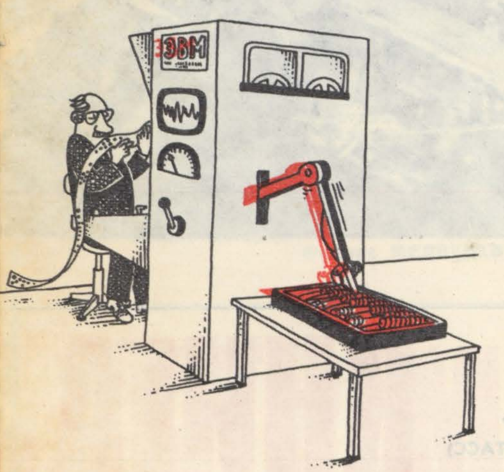
Сундуков поглядел на жену, как взрослый на ребенка.

— Соображать надо!

Он сел на диван-кровать, потянулся.

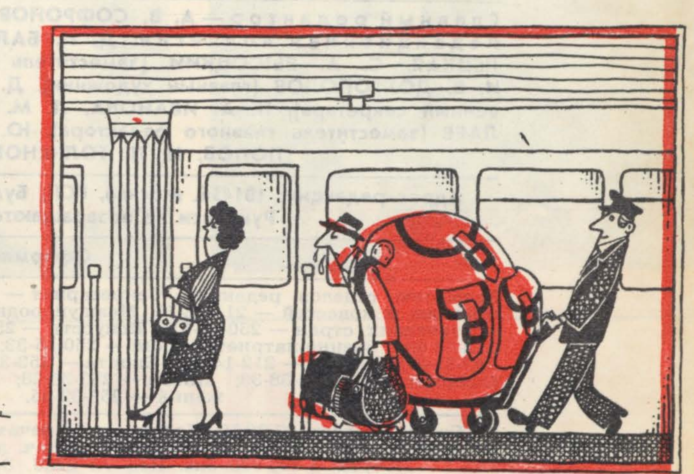
— Чем глупости говорить, сходи и еще квасу принеси. Жажда у меня.

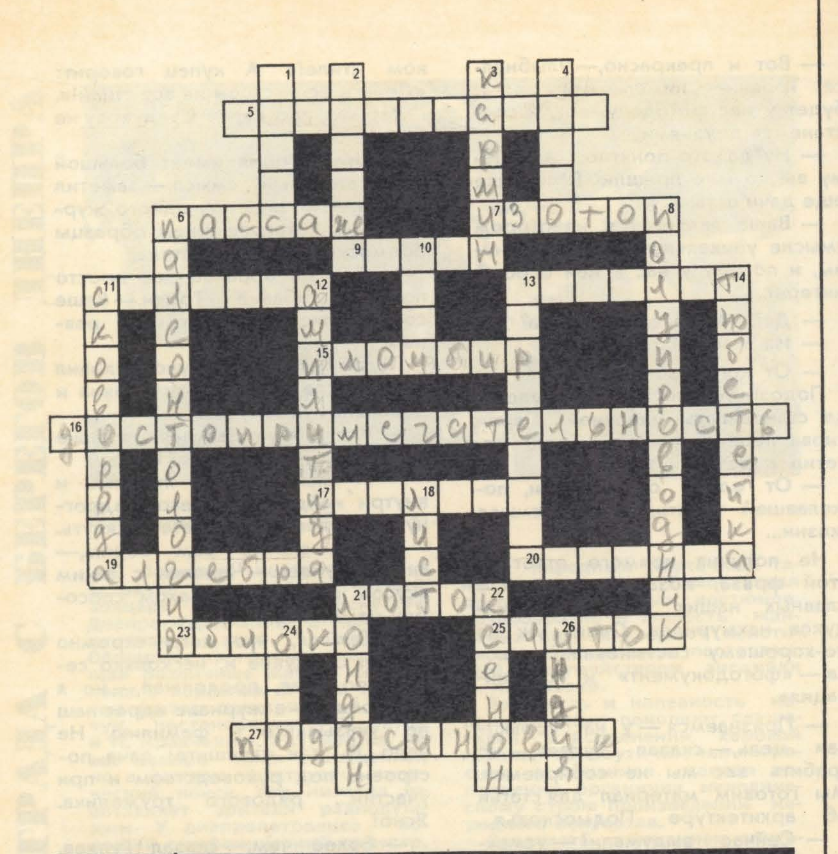
Рисунки О. Ведерникова

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Духовой инструмент. 6. Крытая галерея с колоннами. 7. Разновидность атома химического элемента. 9. Инертный газ. 11. Растение семейства бобовых. 13. Стихотворная форма. 15. Мороженое. 16. Знаменательное место, предмет, заслуживающие особого внимания. 17. Центр области в Казахстане. 19. Часть математики. 20. Рассказ М. А. Шолохова. 21. Открытый прилавок для торговли на улице. 23. Плод фруктового дерева. 25. Застывший кусок расплавленного металла. 27. Гриб.

По вертикали: 1. Грузоподъемное устройство. 2. Деталь объектива фотографического аппарата. 3. Ярко-красная краска. 4. Движитель ракет и реактивных самолетов. 6. Наука об ископаемых животных и растениях. 8. Вещество, обладающее электронной проводимостью. 10. Атмосферное явление. 11. Украинский философ и поэт XVIII века. 12. Размах колебаний. 13. Лечение дозированной ходьбой. 14. Круглая или островерхая шапочка. 18. Венгерский композитор, пианист XIX века. 21. Столица европейского государства. 22. Химический элемент. 24. Экваториальное созвездие. 26. Государство в Азии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали: 2. Катод. 4. Атташе. 5. Алушта. 7. «Счастливчик». 9. Наган. 10. Штраус. 12. Глобус. 14. Тарантелла. 15. Григорович. 17. Поляна. 19. Алькор. 21. Покос. 23. Владивосток. 24. Калина. 25. Рюкзак. 26. «Кукла».

По вертикали: 1. Ихтиология. 2. Кессон. 3. Дарвин. 4. Азимут. 6. Алатау. 7. Севастьянов. 8. Колокольчик. 10. Шуруп. 11. Сылва. 12. Глина. 13. Север. 16. Маковицкий. 18. Опенок. 20. Оселок. 21. Пиджак. 22. Сосюра.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Участницы фольклорного ансамбля Дворца культуры подмосковного города Ступино Валентина Долгополова и Антонина Нижегородова. (См. в номере материал «Уезжать из Ступина не хотелось».)

Фото Г. Копосова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В ущелье Джеты-Огуз.

Фото Дм. Бальтерманца

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 27.08.79. Подписано к печати 11.09.79. А 00713. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 2296. Заказ № 1124.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото Г. Розова и В. Великжанина, И. Зотина, Б. Кавашкина (ТАСС)

УСТРЕМЛЕННАЯ В БУДУЩЕЕ

Как верно, как прозорливо сказал когда-то Бальзак: «Книга жизнеспособна лишь в том случае, если дух ее устремлен в будущее». В справедливости этих слов можно было убедиться на Второй московской Международной книжной выставке-ярмарке, которая проходила с 4 по 10 сентября на ВДНХ. Представители более чем двух тысяч фирм и книготорговых организаций приехали в Москву: заключать договоры, контракты, соглашения, что называется, на других посмотреть и себя показать. А дело это не такое уж простое: конкурс на куплю-продажу был высокий — ведь на ВДНХ привезли свою продукцию самые прославленные фирмы, издательства, корпорации.

У стендов павильона Таджикской ССР беседуем с представителем Таджиккомиздата Ольгой Баратовой.

— Считаем, что дела наши идут неплохо. Польские товарищи купили у нас права на издание детских книг, сборника стихов Джами и «Книги жизни Айни». Проявлен также интерес к книге о таджикских национальных сладостях. Мы уже заключили на нее контракты с издательствами Чехословакии и Болгарии. В свою очередь, у немецких коллег закупили детские издания, книги по филологии, искусству.

Выставка-ярмарка была богата книгами о детях и для детей. Это не случайно: ММКВЯ-79 проходила под знаком Международного года ребенка.

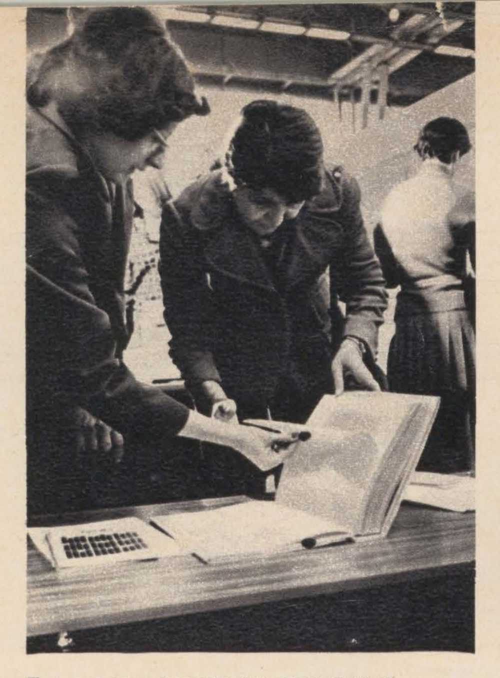
Детская улыбка, радость матерей... Все это связано с борьбой за мир на земле. Вот почему внимание многих издателей было обращено на книги Л. И. Брежнева. И поэтому когда журналисты узнали, что президент японской фирмы «Като Шинк Танк» Косаки Като намеревается сделать заявление об этих книгах, то все поспешили к японской экспозиции. «Я не только издатель,— сказал президент,— но и переводчик. И поэтому я испытывал огромную радость и удовлетворение, переводя воспоминания Л. И. Брежнева «Малая земля», «Целина», «Возрождение». Наш народ с большим вниманием знакомится с трудами руководителей вашего государства... Мы только что подписали договор на издание в Японии «Избранных статей и речей» Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина».

На одной из центральных площадок 1-го павильона — экспозиция Вьетнама. Чувствуется, что вьетнамские товарищи заметно устали — их постоянно навещают коллеги, посетители, гости ярмарки,— все интересуются не только книгоиздательскими делами братской страны, но и тем, как живет и борется героический вьетнамский народ. Здесь, на стендах, свидетели этой борьбы — книги, пробитые пулями, книги, опаленные в огне борьбы с китайскими экспансионистами. Нельзя на них смотреть спокойно, они напоминают нам, советским людям, книги, воевавшие на фронтах Великой Отечественной войны.

...Но вот и последние встречи, последние контракты... Выясняем о предварительных пока итогах работы ММКВЯ-79. Они обнадеживают: советскими книготорговыми организациями заключено соглашений на 20 миллионов рублей больше, чем на ММКВЯ-77.

Да, важнейшим событием мирового книгоиздательского дела стала Московская выставка-ярмарка. И погода на ней была весьма благоприятствующая делу мира, взаимопонимания и социального прогресса на земле. Потому что эту погоду делают дружба и желание людей узнать друг о друге как можно больше.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Посетители рассматривают книги.

Обложка югославского издания воспоминаний Л. И. Брежнева.

Победители международного конкурса детского рисунка Митя Сергеев и кубинец Юри Рохас Миранда.

Экспозиция Политиздата вызывает большой интерес у посетителей.

В одном из павильонов выставки-ярмарки.

Опаленные войной вьетнамские книги.

У стендов итальянской экспозиции.

Косаки Като подписывает договор с ВААП на издание сборника избранных статей и речей А. Н. Косыгина.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663